

Международный консорциум «Электронный университет»

*Московский государственный университет
экономики, статистики и информатики*

Евразийский открытый институт

**Алексеева Т.А.
Артемьева И.В.
Худоренко Е.А.**

Основания гражданского общества

Хрестоматия

Москва 2007

УДК 32.001
ББК 66.3(2Рос)12
А 471

Алексеева Т.А., Артемьева И.В., Худоренко Е.А. **ОСНОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА:** Хрестоматия – М.: Изд. центр ЕАОИ, 2007. – 297 с.

ISBN 978-5-374-00094-8   © Алексеева Т.А., 2007
© Артемьева И.В., 2007
© Худоренко Е.А., 2007
© Евразийский открытый институт, 2007

Содержание

Тема 1. Становление концепции гражданского общества.....	5
Тема 2. Структура гражданского общества.....	59
Тема 3. Гражданское общество и политическое сообщество.....	72
Тема 4. Демократия и гражданское общество	78
Тема 5. Гражданское общество и экономическое развитие.....	87
Тема 6. Трансформация современных гражданских обществ.....	112
Тема 7. Ценности гражданского общества.	125
Тема 8. Современный публичный дискурс	130
Тема 9. Проблема гражданского общества в современной политической теории и идеологии	146
Тема 10. Глобальное гражданское общество	203
Тема 11. Виртуальное гражданское общество	213
Тема 12. Гражданское общество в современной России.....	220
Дополнительные материалы.....	261
СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ	261
Гегель. Философия права	261
И. Кант. Метафизика нравов в двух частях	265
М. Вебер. Политика как призвание и профессия	269

УЧЕНИЕ О ПРАВЕ.....	273
Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре, или принципы политического права.....	273
О гражданском состоянии	273
О границах верховной власти суверена	274
Глоссарий.....	279

Тема 1.

Становление концепции гражданского общества

Антонио Грамши

Сила и оригинальность аргументов Грамши заключается в его попытке восстановить значение человеческой субъективности как одного из важнейших положений марксизма. Приоритет таких марксистских теоретиков, как Карл Каутский и Г. Плеханов, был связан с объективными условиями капитализма, а человеческая субъективность (сознание) рассматривалось ими как простое проявление более глубоких экономических процессов. В отличие от них, Грамши попытался восстановить волюнтаристскую сторону марксистской теории: его интересовала роль идей, сознания и человеческой субъективности. Такой подход явственно проявился в его отрицании экономизма, его более тонкой оценке отношений между идеологией и сознанием, подчеркивании автономии государства и новой интерпретации роли интеллектуалов в классовой борьбе.

Грамши Антонио (1891–1937). В 1913 году вступил в Социалистическую партию. Сильное влияние на него оказали идеи В.И. Ленина и Октябрьской революции 1917 года в России. На Ливорнском съезде Социалистической партии произошел раскол и «левое крыло» во главе с П.Тольятти и А. Грамши откололось. Они основали Коммунистическую партию Италии. В 1922–1923 гг. Грамши был делегатом от КГТИ в Исполкоме Коминтерна и жил в Москве. В 1926 году фашисты арестовали Грамши и сослали его на остров Уstica. В 1928 году фашистский трибунал приговорил Грамши к 20 годам тюремного заключения. Затем в результате нескольких амнистий этот срок был сокращен. Большую часть заключения Грамши провел в тюрьме Тури, написав там 7 томов так называемых Тюремных

тетрадей. Тяжелые условия заключения подорвали его здоровье и спустя несколько дней после формального освобождения Грамши скончался.

Начнем с отрицания экономизма. Грамши пришел к выводу, что Каутский и Плеханов пытались создать псевдонауку, способную предвидеть изменения капитализма, и для этого отказались от наиболее значимой черты диалектического подхода: взаимодействия между объективным и субъективным в историческом процессе. Таким образом, они не поняли всей сложности надстройки, а также роли политического, идеологического и культурного фактора в ее статусе, ограничившись простым акцентированием экономического базиса. Такой подход часто называют моделью «базис надстройка», при этом автономия государства отрицается и оно может быть понято только с точки зрения его функций репродукции отношений производства, а также эксплуатации пролетариата со стороны буржуазии. По мнению Грамши, экономизм не только был не способен оценить важные политические события, такие как подъем фашизма в Италии, или растущее влияние католицизма, но был не в состоянии понять, в том числе, сложность самой классовой борьбы¹.

Ключом к пониманию теоретических размышлений Грамши является тот факт, что частная собственность на средства производства является необходимым, но не достаточным основанием для капиталистического господства. Если мы хотим понять сложность конкретной ситуации, то, по Грамши, необходимо изучить экономические, культурные и идеологические измерения классовой борьбы. Признавая в целом, что основное направление человеческой истории может быть объяснено развитием средств производства, Грамши, в то же время, подчеркивает, что ее траектория предопределяется конкретными обстоятельствами и условиями в каждой стране².

---

¹ Gramsci A. Selections from the Prison Notebooks of Antonio Gramsci / Ed. by Q. Hoare and G. Novell-Smith. London: Lawrence and Wishart, 1971. P. 158-185.

² Gramsci A. Op. cit. P. 240.

По Грамши, исторические изменения не могут быть поняты как линейное развитие (коммунизм неизбежно сменит капитализм), а должны оцениваться во всей их сложности. Очевидно, что необходимо принять во внимание политические, идеологические и культурные аспекты развития сознания. «Сознание», при этом, понимается как нечто большее, чем просто экономический опыт эксплуатации. Оно включает понимание, каким образом люди поддаются под влияние конкурирующих друг с другом идеологий. До Грамши проблему порядка объясняли в марксистской традиции с точки зрения силы, подавления и полного господства буржуазной идеологии. Так, например, в работе «Немецкая идеология» Маркс и Энгельс утверждали, что идеи правящего класса в каждый исторический период являются господствующими идеями и что класс, который управляет материальными силами общества, в то же время является правящей интеллектуальной силой. В своей интерпретации концепции гегемонии Грамши отошел от Маркса и Энгельса в двух отношениях. С одной стороны, Грамши подчеркивал значение идеологической надстройки в отношении экономической структуры, то есть автономии государства. С другой стороны, – его взгляды на гегемонию предполагали акцент на согласии внутри гражданского общества, противостоящего использованию чистого насилия со стороны государства.

Грамши считал, что правление определенного класса имеет два отдельных аспекта: принуждение (господство) и общественно-моральное лидерство. Классовое господство основывается не только на принуждении, но также и на культурных и идеологических аспектах молчаливого согласия подчиненных классов. Политическое, таким образом, не может быть понято просто как либо насилие, либо согласие. Оно одновременно является и насилием, и согласием. Поэтому класс может стать гегемоном только, если он может добиться активного согласия подчиненного класса. Согласие, при этом, не является постоянным. Оно принимает форму классовой борьбы между конкурирующими идеологиями, постоянно

изменяющимися для того, чтобы соответствовать изменяющимся историческим обстоятельствам, требованиям и отражающим это действиям людей.

Концепция гегемонии имеет важнейшее значение в теории Грамши, поскольку с ее помощью он стремился дать новое определение природе власти в современном обществе. Кроме того, с ее помощью можно было показать возросшее значение борьбы, происходящей на идеологическом, политическом и культурном уровне. Тем не менее, хотя Грамши и хотел подчеркнуть автономию надстройки, он признавал, что она тесно связана с производственными отношениями. Гегемония является этико-политической, но она одновременно должна быть и экономической. Она обязательно опирается на функции лидирующей группы в экономике.

Взгляды Грамши на природу государства носят более широкий и органический смысл, чем тот, который вкладывался в это понятие марксистскими теоретиками до него. Государство – это альтернативная сцена борьбы. Его значение неуклонно растет по мере развития современного общества. Государство, с его точки зрения, включает «весь комплекс политической и теоретической деятельности, с помощью которого правящий класс не только узаконивает и поддерживает свое господство, но и управляет получением активного согласия со стороны управляемых»¹.

Он расширил концепцию власти, включив в нее множество институтов, через которые в обществе осуществляются властные отношения: образование, средства массовой информации, парламенты и суды, то есть все виды деятельности и инициативы, которые формируют аппарат политической и культурной гегемонии правящих классов. Возрастающее значение государства обосновывается в трудах Грамши тем, что борьба за сознание людей имеет такое же значение, как и борьба за собственность на средства производства. И дело здесь не только в опыте эксплуатации, но и в том, как именно

---

¹ Gramsci A. Op. cit. P. 244.

подчиненные классы получают полную идеологическую интерпретацию реальности. Грамши считал, что политическая борьба класса или партии ведется с конкретной целью установления альтернативной гегемонии, поэтому политическая борьба должна охватывать идеологические, культурные, моральные события в жизни общества.

Придавая борьбе более широкий, органический смысл, Грамши отметил возрастающую роль интеллектуалов. Никакая организация без интеллектуалов невозможна, а следовательно, политическое единство любой революционной организации предполагает соответствующий уровень идеологического единства, в котором партия, интеллектуалы и массы устанавливают между собой органичные отношения. В работе «Южный вопрос» (1971) проблема создания союза между экономической структурой и надстройкой занимает центральное место. Как и в других своих работах, здесь Грамши поставил перед собой цель показать всю сложность конкретной ситуации, которую он называет конъюнктурой, рассмотреть пространство политической борьбы и характер деятельности партии. Теория, полагает Грамши, не может быть результатом рационалистического, дедуктивного, абстрактного процесса, т.е. чисто интеллектуального процесса. Это процесс, который происходит только во взаимодействии с политической практикой.

Таким образом, Грамши удалось восстановить роль субъективного фактора в марксизме. Он сформулировал систематизированный подход к роли идеологии, а также капиталистического государства, и отвергнуть абстрактную теорию. Как мы увидим дальше, французский структурализм, получивший развитие в 60–70 гг., подходит к исследованию общества и государства с прямо противоположных позиций. Как нередко говорили его сторонники, структурализм – это теоретическая традиция, потерявшая субъективность. В истории нет субъектов, полагают они, а только индивиды, занимающие объективные структуры. Впрочем, со структуралистской мыслью более подробно мы познакомимся в дальнейшем.

Макс Вебер: власть и бюрократия

Одним из гигантов немецкой общественно-политической жизни, безусловно, следует считать Макса Вебера. По мнению многих политических теоретиков, веберовская политическая теория сформировалась в долгой и изнурительной борьбе с призраком Маркса. Вебер, по существу, работал в марксистской традиции, но, если можно так выразиться, стремился «избавиться» из нее самого Маркса. Следует заметить, что Вебер плохо знал труды Маркса (многие из них были опубликованы уже после смерти Вебера), поэтому Вебер полемизировал, скорее, с последователями Маркса, нежели с самим «классиком». Тем не менее, учение Маркса было далеко не единственным источником веберовских размышлений. В любом случае следует признать, что Маркс оказал определенное влияние на взгляды Вебера наряду с Кантом, Ницше и многими другими мыслителями, которые пытались усилить значение субъективного фактора в политической теории. Уже теоретики «классического» периода пытались искать ответы на вопрос: «Почему люди действуют именно так, а не иначе?»

Вебер Макс (1864–1920) – родился в Эрфурте (Германия) 21 апреля 1864 года в семье, принадлежавшей к «среднему классу». Существенные различия между его родителями оказали сильное влияние на формирование ребенка. Его отец как чиновник принадлежал к «истэблишменту». Он отвергал всякую деятельность, которая могла бы помешать его карьере. В то же время он отнюдь не отказывался от земных радостей. Мать Вебера отличалась страстной приверженностью кальвинизму, стремилась вести аскетическую жизнь. Такое несовпадение пристрастий неизбежно вело к семейным конфликтам. По существу, родители поставили ребенка перед выбором. Поначалу он скорее склонялся к отцовским представлениям о жизни, однако, позднее довольно близко подошел к мировоззрению матери. В 18 лет он поступил в Гейдельбергский университет. Несмотря на застенчивость, он приобрел немало шрамов в студенческих поединках и весьма активно участво-

вал в деятельности студенческой корпорации, членом которой в свое время был и ее отец. По отцовскому примеру он избрал карьеру юриста. После трех семестров Вебер покинул университет ради службы в армии, и после увольнения продолжил образование в Берлинском университете, где оставался в течение восьми лет. Там же он получил степень доктора права и начал преподавательскую деятельность. Однако его интересы простирались шире – на экономику, историю, политическую теорию и социологию. Все эти годы в финансовом отношении он продолжал оставаться зависимым от отца, что его изрядно раздражало. Духовно он постепенно подпадал под влияние ценностей своей матери. Он принял аскетический образ жизни и очень много работал. Сегодня мы назвали бы его «работоголиком». В 1896 году он был приглашен на должность профессора в Гейдельбергский университет. Однако год спустя в ходе жестокой ссоры между ним и его отцом, Вебер-старший скончался. Макс пережил нервный шок, находясь следующие 6–7 лет на границе жизни и смерти. Постепенно он все же вернулся к академической карьере. В 1904–1905 гг. он опубликовал свой знаменитый труд «Протестантская этика и дух капитализма», а также другие работы, посвященные мировым религиям. Смерть застигла его во время работы над книгой «Экономика и общество». Это произошло 14 августа 1920 года.

Вебер рассматривал теорию Маркса и труды современных ему марксистов как экономических детерминистов, которые выводили все проявления социальной жизни из одного источника – экономического базиса. Вся история строилась на экономическом базисе, а все современные структуры воспринимались как надстройка. У самого Маркса все было сложнее и глубже, но многие его последователи упростили картину и действительно придерживались экономического детерминизма.

Одним из примеров такого подхода, произведшим на Вебера наиболее сильное впечатление, было высказанное марксистами утверждение, что идеи представляют собой не что иное, как рефлексию материальных и, в особенности,

экономических интересов, или, иначе, что материальные интересы детерминируют идеологию. Веберу пришлось поставить Маркса «с ног на голову» подобно тому, как сам Маркс сделал это по отношению к Гегелю. В отличие от Маркса, Вебер перенес свое внимание с экономических факторов на идеи и их влияние на экономику. Для него идеи были автономной силой, способной повлиять на экономический мир.

Вебер делал акцент не столько на индивидуе, сколько на группе. Это радикально отличает его взгляды от большинства школ идеализма. Тем самым, он уходил от необходимости строить свои рассуждения на органических сообществах, таких как народ или нация. Он сформировал свой взгляд на индивида, взяв его в традиции моральной философии протестантизма и либерализма, а также экономического индивидуализма неоклассических экономистов конца XIX века.

Вебер показал связь между индивидуализмом и ценностным плюрализмом. Освободив собственный интерес и моральное сознание индивида от коллективистских уз традиции, Вебер показал, что индивид не может опираться на внешние для него сообщества ради обретения смыслов. Вслед за Фридрихом Ницше он утверждал, что «Бог умер!», в том смысле, что широко распространенная вера в трансцендентную всемогущую силу, которая могла придать смысл и цель жизни, теряет свою действенность. Индивиды все больше понимают, что должны принять на себя ответственность за собственные моральные ценности и выбор.

Это привело Вебера к выводу, что не может быть признана никакая теория общества, которая не принимает во внимание смысл соответствующих действий индивидов. Это требование известно как проверка «адекватности на уровне смысла». Он применил это положение в исследовании, по его мнению, уникальной Западной цивилизации, а конкретнее, того, почему дух современного капитализма воспринимался как осмысленный и морально легитимный перед лицом его противников.

Особое внимание Вебер уделил религиозным идеям, в частности, влиянию религиозных представлений на экономику. В своей знаменитой работе «Протестантская этика и дух

капитализма» (1904–1905 гг.) он обратился к протестантизму как системе идей – «духа капитализма» и, в конечном счете, – к его определяющему влиянию на капиталистическую экономическую систему. Вебер интересовался также и другими мировыми религиями, показывая, каким образом их природа сказывается на развитии капитализма.

С точки зрения Вебера, человек стремится объединить материальные и идеальные (как он их называет) интересы. Он может быть мотивирован в своих действиях как материальным (классовыми интересами по отношению к доходам и экономической власти) и идеальным (славой и статусом в рамках своей этнической группы). Эти два типа интереса могут быть взаимосвязанными, и в какое-то данное время один из них преобладает над другим. Однако они отнюдь не обязательно сливаются в один тип интереса. Таким образом, Вебер отказывается от всякой односторонности, будь то материально/экономическая или идеально нормативная.

Вебер также попытался соединить действие и структуру. Когда он подчеркивает бессмысленность самого действия и необходимость объяснить его с помощью «адекватного уровня смысла», то, тем самым, безусловно, исключает влияние структуры в общественной жизни. По его мнению, мир во все большей степени начинает напоминать «железную клетку», в которой смыслы исчезают под давлением безличностной силы бюрократического господства.

Вебер исследует главным образом процесс рационализации. Его интересовало, чем можно объяснить, почему Западу удалось создать рациональные институты, в то время как остальной мир сталкивается на пути рационализации с трудно преодолимыми препятствиями.

То, каким образом Вебер понимает структуру, связано с так называемыми *ненамеренными последствиями действий*. Эта идея была взята Вебером из либеральной экономической теории как в ее «классической» (Адам Смит), так и «неоклассической» (Карл Менгер) форме. Она рассматривает главные социальные институты, такие как рынки, деньги, язык и т.д., как ненамеренные

продукты человеческой деятельности. В этом Вебер напоминает Маркса, который также рассматривал структуру как результат человеческих действий. Для Вебера же структура – это обязательный результат осмысленных действий.

Различия между Марксом и Вебером особенно ясно видны при анализе современного капитализма. Если Маркс рассматривает его преимущественно со структурных позиций как разорение крестьянства и развитие торговых городов, то Вебер делает главный акцент на осмысленной деятельности людей, таких как появление мелкой протестантской буржуазии в XVII–XVIII веках. Ее приверженность самодисциплине, следование моральным божественным заповедям были осмысленными и сознательными действиями, но привели к ненамеренному результату – формированию типа личности, чьи ценности и взгляды на жизнь предопределили ее успех как предпринимателя.

Моральные ценности и призвание служению Бога со временем трансформировалось в призвание к предпринимательству. Самодисциплина означала умение обходиться малым, накапливать капитал и стремиться только к прибыли.

Вебер обсуждает этот вопрос в более широком контексте исследования отношений между религией и капитализмом. Обращаясь к истории, Вебер пытался понять, почему рациональная экономическая система – капитализм – получил свое развитие на Западе и почему он столкнулся с такими большими трудностями в других частях света. Вебер считал, что ключевую роль в этом процессе сыграла религия. Однажды он даже принял участие в диалоге с марксистами, стремясь доказать, что, вопреки их убеждениям, религия не была просто эпифеноменом. Именно религия сыграла важнейшую роль в становлении капитализма на Западе и блокирует его развитие в других регионах мира. В Европе получила распространение рациональная религиозная система кальвинизма (одно из течений протестантизма). В других частях света Вебер нашел более иррациональные религиозные системы (например, конфуцианство, таоизм, индуизм), которые препятствовали

становлению капиталистических отношений. Тем не менее, религии создавали только временные барьеры для экономических систем и, в конце концов, вся структура обществ рано или поздно рационализируется.

Важнейшим фактором, способствовавшим становлению капитализма, является признание высокой нравственной ценности предпринимательства. Постоянное расширение и модернизация производства, в соответствии с протестантской доктриной, приобретает характер морального и религиозного долга, служит прославлению Бога. В отличие от протестантизма конфуцианство и индуизм не создали духовных предпосылок для эндогенного капитализма. Индуизм призывал к уходу от мира, конфуцианство – к приспособлению к миру. И только протестантизм признал ценность рациональных инноваций.

Но вернемся к «железной клетке». По Веберу, безличностные силы рационализации преодолевают человеческие действия, осуществляя «разволшебствление мира» по мере того, как личные ценности уничтожаются структурами рациональности.

Вебер использует понятие рациональности во многих значениях, в основном он понимает под ней расчет, интеллектуализацию и личную логику целенаправленных действий. Инструментальный подход к действию воспринимает ценности как данность и вместо них ориентируется на эффективный выбор средств ради достижения поставленной цели. «Железная клетка» возникает тогда, когда интерес к средствам и инструментам вытекает из поставленных целей, точнее, когда средства (выбор технологии) становится целью в себе. Поэтому метафора «железной клетки» не должна пониматься как внешнее ограничение человеческих действий, а, скорее, как внутреннее ограничение, встроенное в человеческую личность и человеческий дух.

Вебер рассматривает процесс рационализации как характерную черту Западной цивилизации. Рационализация очевидна не только в экономической жизни развивающегося капитализма или в культурной жизни с появлением рациональной музыки и архитектуры, но и в более фундаменталь-

ном смысле в современных институтах управления, в частности, бюрократии. Вебер рассматривал бюрократию и исторический процесс бюрократизации в рамках более широкого обсуждения политических институтов в качестве классического примера рационализации. Ни капитализм, связанный с либерализмом, ни государственный социализм с его приверженностью к справедливости, не могут обойтись без бюрократического господства. С бюрократией самым тесным образом связана *формальная рациональность*. Она относится к выбору индивидом цели и средств. Этот выбор осуществляется в контексте универсалий, правил, инструкций и законов. Они, в свою очередь, связаны с различными крупномасштабными структурами, такими как бюрократия или экономика. Вебер опирался на сравнительные исторические исследования Запада, Китая, Индии и многих других районов мира. С их помощью он пытался определить факторы, которые способствовали развитию рационализации.

Он видел главную особенность функционирования парламентской демократии в способе отбора политических лидеров и контроле над технически ориентированной административной бюрократией.

Бюрократия (буквально – власть конторских служащих) увязывалась Вебером с типом господства, основанного не на традиционном почитании вождя или монарха, а на строгих и рациональных легальных правилах и законах. Безличность и расчет, присущие бюрократии, выражаются не только в ограничениях человеческих, но и в исключительно высокой эффективности в достижении народного согласия со структурой господства.

Тип господства, описанный Вебером, включает несколько основных характеристик:

1. Существование обособленных служб и компетенции, строго определенной в законах и правилах в целях удобства для принятия решений и контроля.
2. Защита статуса и компетенции служащих (гарантированное продвижение по службе и пенсия для чиновников,

система льгот и привилегий для государственных служащих, несменяемость судей и т.д.).

3. Четкая иерархизация в выполнении распорядительных управленческих функций и функций исполнительских.

4. Подбор кадров на конкурсной основе.

5. Полное обособление выполняемой служебной функции от личностных свойств и характеристик, поскольку служащий не может быть собственником своей должности.

Конечно, указанные принципы деятельности бюрократии выполняются далеко не всегда. В этой связи весьма любопытен веберовский прогноз на будущее. Он считал, что неотвратимой перспективой всех демократических государств является тотальная бюрократизация общественной и государственной жизни. На смену капитализму, по мнению Вебера, придет не социализм, а общество, предельно бюрократизированное в целях рационального управления.

Вебер ввел различие между властью (*Macht*) и господством (*Herrschaft*), тем самым он предложил два типа решения проблемы порядка. Власть представляет способность побеждать даже в условиях сопротивления оппозиции. Решение обычно находят с помощью вооруженного или классового конфликта, но эти способы разрешения в долгосрочной перспективе порождают нестабильность. Легитимное господство, наоборот, порождает добровольное согласие управляемых, а потому превращается в осмысленное действие.

Макс Вебер, в отличие от многих своих предшественников, рассматривает власть как отношение.

Власть состоит в способности индивида А добиться от индивида Б такого поведения или такого воздержания, которого Б в противном случае не принял бы и которое соответствует воле А. (Вебер)

Из этой формулы можно сделать три вывода:

1. недостаточно того, что Б как-то реагирует, нужно, чтобы Б реагировал в соответствии с волей А;
2. не всякое отношение означает власть;

3. здесь происходит сравнение реального факта и гипотезы («в противном случае делать бы не стал»).

Позднее Роберт Даль перефразировал эту формулу, сделав ее более операциональной:

«А обладает властью над Б до такой степени, которая заставляет Б сделать нечто, что Б в противном случае делать бы не стал»¹.

Как мы видим, момент власти зафиксировать довольно трудно. При всех недостатках веберовская формула, пожалуй, ближе всего подходит к определению власти.

Вебер много размышлял над проблемой легитимации власти. Он предложил собственную типологию ее, выделив *традиционную, харизматическую и рационально-легальную* легитимацию власти.

Традиционный авторитет строится на основе давно существующей системы убеждений. Например, таким авторитетом может обладать лидер, который приходит к власти, поскольку его отец, дед и прадед правили этой страной. Иными словами, речь идет о согласии управляемых с данным типом господства в силу авторитета прошлого. Помимо опоры на авторитет прошлого, в этом типе легитимации важное значение имеет уверенность в том, что если прошлое сумело сохраниться, то оно было достаточно хорошим.

Легальность – санкция на что-либо со стороны власти через закон. Движение легальности – сверху вниз.

Легитимность – длительное согласие большинства принять правление данного класса, иерархии и т.д. Движение легитимности – снизу вверх.

Как известно, часто плохое старое предпочитают хорошему новому. Чем дольше сохраняется режим, тем больше у него шансов сохраняться и впредь.

Харизматическая легитимность, или иначе, легитимность в силу личной воли вождя.

---

¹ Dahl R. The Concept of Power // Behavioural Sciences. 1957. P. 202–203.

Слово «харизма» по-гречески означает «милость». Под ней понимается исключительный авторитет некоторых индивидов внутри некоей общности (например, секты). Понятие «харизмы» у Вебера может быть соотнесено:

1) с «религиозной харизмой» (в первоначальном своем значении носитель харизмы – пророк, имеющий огромное влияние на людей и связь с Небом);

2) с понятием политики как войны.

У харизматического лидера все качества необыкновенные, ему присущ внеповседневный личный дар. Такой вождь возникает в современном массовом обществе и при плебисцитарном типе правления. Признаком вождя является наличие свиты. Выстраивается следующая цепочка:

вождь – свита – партийная машина.

Власть превращается в своего рода предприятие.

«Харизма», как правило, краткосрочна. Аффективная преданность вождю довольно быстро сменяется у его последователей состоянием покоя. Тем не менее, харизма более длительна по своему влиянию, чем состояние аффекта.

Это, в то же время, фундамент для определения смысла жизни и смерти. Конкурировать с этим не может ничто, даже эротика, поскольку она относится к частной сфере. Современный человек, утратил смысл смерти. Вспомним хотя бы «Смерть Ивана Ильича» Льва Толстого. Только на войне человек знает, за что он отдает свою жизнь. Государство приобретает свою предельную значимость во время войны. Война как братство и обретение смысла смерти – единственный конкурент религии. Превращая политику в войну, харизматический лидер предлагает людям универсальную религию спасения – веру в вождя. Это тот «спаситель Отечества», «Герой», «Вождь и учитель», который приходит во время смуты, кризиса, войны.

В политике харизматический лидер приобретает свой авторитет в силу обладания особо выдающимися качествами, а точнее, когда его последователи верят, что их вождь обладает такими особенностями.

По Веберу, хотя два первых типа легитимации власти часто встречались в истории, общая мировая тенденция ведет к преобладанию системы *рационально-легального* авторитета. В таких системах авторитет проистекает из системы легальных правил и законов, а также обосновывается рационально. Так, например, президент Соединенных Штатов приобретает свой авторитет благодаря Конституции США, а также тому, что большинство американцев верит в президентскую систему правления и легитимность всеобщих выборов. Тем не менее, проблемы эволюции рационально-легального авторитета и роста бюрократии – это только часть веберовской аргументации относительно рационализации Западного мира. Цитируем самого Вебера:

«Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство. Таким образом, чтобы оно существовало, люди, находящиеся под господством, должны подчиняться авторитету, на который претендуют те, кто теперь господствует. Когда и почему они так поступают? Какие внутренние основания для оправдания господства и какие внешние средства служат ему опорой? В принципе имеется три вида внутренних оправданий, т.е. оснований легитимности (начнем с них). Во-первых, это авторитет «вечно вчерашнего»: авторитет нравов, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, во-вторых, – традиционное господство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа. Далее, авторитет вне-обыденного личного дара (Gnadengnabe) (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровенный, героизма и других, – «харизматическое господство», как его осуществляет пророк, или – в области политического – избранный князь-военачальник, или избранный всеобщим голосованием выдающийся демагог и политический партийный вождь. Наконец, господство в силу «легальности», в силу веры

в обязательность легального установления (Satzung) и деловой «компетентности», обоснованной рационально созданными правилами, т.е. ориентацией на подчинение при выполнении установленных правил, – господство в том виде, в каком его осуществляют современный «государственный служащий» и все те носители власти, которые похожи на него в этом отношении. Понятно, что в действительности подчинение обусловливает чрезвычайно грубые мотивы страха и надежды – страха перед мезью магических сил или властителя надежды на потустороннее и посюстороннее вознаграждение – и вместе с тем самые разнообразные интересы.

Идеальные типы – «интерес эпохи», представленный в виде теоретической конструкции. Он не извлекается из эмпирической реальности, а конструируется как теоретическая схема. В этом смысле Вебер называет идеальный тип «утопией». «Чем резче и однозначнее сконструированы идеальные типы, чем они, следовательно, в этом смысле более чужды миру, тем лучше они выполняют свое назначение – как в терминологическом и классификационном, так и в эвристическом отношении» (М. Вебер).

В данном случае нас интересует прежде всего второй из них: господство, основанное на преданности тех, кто подчиняется чисто личной харизме вождя, ибо здесь коренится мысль о призвании (Beruf) в его высшем выражении. Преданность харизме пророка, или вождя на войне, или выдающегося демагога в народном собрании (Ekklesia) или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне «призванным» руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него. Правда, сам вождь живет своим делом, «жаждет свершить свой труд», если только он не ограниченный или тщеславный выскочка. Именно к личности вождя и ее качествам и относится преданность его сторонников: апостолов, последователей, только ему преданных партийных приверженцев. В двух важнейших в прошлом фигурах: с од-

ной стороны, мага и пророка, с другой – избранного князя-военачальника, главаря банды, кондотьера – вождизм как явление встречается во все исторические эпохи и во всех регионах. Но особенностью Запада, что для нас более важно, является политический вождизм сначала в образе свободного «демагога», существовавшего на почве города-государства, характерного только для Запада, и, прежде всего, для средиземноморской культуры, а затем в образе парламентского «партийного» вождя, выросшего на почве конституционного государства, укорененного тоже лишь на Западе»

М. Вебер. Политика как призвание и профессия.

Разумеется, теория Вебера значительно богаче ее краткого изложения. Например, его работы по рационализации содержат множество исторических деталей и теоретических «открытий». Однако это тема отдельного исследования. В любом случае влияние трудов Вебера на развитие политической теории было огромным.

Одной из причин этого было то, что идеи Вебера содержали множество элементов как либерального, так и консервативного толка (например, в отношении роли государства). Хотя он и был суровым критиком современного капиталистического общества, и его критический пафос часто напоминал марксистский, он в то же время был противником радикального разрешения социальных и политических проблем. По его мнению, радикальные реформы, предлагаемые марксистами, принесут больше вреда, чем пользы.

Позднее политические теоретики, в особенности в Америке, почувствовавшие угрозу со стороны марксизма для своего общества, назвали три основные альтернативы марксизму: Дюркгейма, Парето и Вебера. Тем не менее, следует принять во внимание, что у Вебера рационализация относилась не только к капиталистическому, но и к социалистическому обществу.

Известности Вебера способствовала также форма подачи материала. Большую часть своей жизни он посвятил детальному исследованию истории, и его политические выводы неотделимы от контекста его исторических исследований, по-

этому и они всегда научно обоснованы. Вебер работал в рамках философской, кантовской традиции, он опирался в своих выводах на причинно-следственные связи. Такой тип мышления был более приемлем для позднейших западных теоретиков, нежели марксистская диалектическая логика.

Наконец, Вебер представил довольно целостный подход к социально-политическому миру. Его интересовал широкий спектр политических проблем, причем он внес в их разработку так много, что его вполне по праву называют родоначальником политической теории XX века.

Современная версия общественного договора

Как было показано выше, на протяжении нескольких десятилетий XX века позитивистское влияние существенно ограничивало исследование политических вопросов. Даже Бертран Рассел, написавший глубокую политико-философскую работу – «Власть», проводил четкую разделительную линию между этим исследованием и своими «подлинно философскими» работами. В сущности, вся политическая теория сводилась к негативной интерпретации, заключающейся в поисках концептуальных ошибок и методологических упущений у «классических» теоретиков политики. Разумеется, традиции политической мысли прошлых веков не были полностью изгнаны из университетов. Но преподавание политической теории еще не означает ее развития, поэтому она начала восприниматься как дисциплина, во многом тождественная истории политических учений.

Однако в целом применение теоретического анализа к наиболее фундаментальным проблемам и типам мышления оставалось открытой возможностью. Можно назвать практически единственный пример новаторской работы в этой области – книгу Дж. Пламенатца «Согласие, свобода и политическая обязанность», опубликованную в 1938 году¹. Лишь спустя два

---

¹ Plamenatz J.P. Consent, Freedom and Political Obligation. Oxford: Clarendon Press, 1938.

дцать с лишним лет вышел в свет еще один фундаментальный труд – «Социальные принципы и демократическое государство» С. Бенна и Р. Питерса, способствовавший возрождению интереса к политической теории¹. В 1965 году появилась еще одна заметная работа Р. Бэрри «Политический аргумент», по-видимому, первый, и по сей день наиболее яркий, пример применения аналитической философии к исследованию проблем политики². Но лишь с публикацией в 1971 году книги Джона Роулса «Теория справедливости» можно сказать, что кризис был приостановлен, политическая теория обрела «второе дыхание» и быстро начала восстанавливать свою респектабельность как систематизированная академическая наука.

Нисколько ни умаляя личных заслуг Роулса в возрождении интереса в США к политической теории, скажем все же, что в основе этого лежала глубинная потребность осмысления практически значимых теоретических вопросов, поставленных на повестку дня самой политической жизнью.

Известный американский политический философ из Колумбийского университета Брюс Аккерман писал:

«Проблема заключается в том, что мы должны думать о бюрократическом государстве... Люди были вынуждены в конце концов задуматься о новом явлении, которое возникло в Америке, – о бюрократическом государстве. Оно не существовало ранее, до Франклина Рузвельта, и ему не потребовалось много времени, чтобы утвердить себя. Так чего же мы пытаемся добиться с его помощью?»

От этой Проблемы никуда не уйти»³.

В сущности, это все тот же вопрос, который пытались разрешить еще «отцы-основатели» Американской конституции: как выйти за пределы истории, дабы не разделить судьбу

---

¹ Benn S.J., Peters R.S. Social Principles and the Democratic State. London: Allen and Unwin, 1959.

² Barry B.M. Political Argument. London: Routledge, 1965.

³ Цит. по: Rothenberg R. Philosopher Robert Nozick vs. Philosopher John Rawls. Give me Liberty and give me Equality // Esquire. 1983. March. P. 202.

коррупцированного Рима? Для американской политической мысли – это, пожалуй, сквозной вопрос, он лишь звучит сегодня несколько по-другому: как соединить сегодня социальное государство с ограничением бюрократизма ради обеспечения свободы?

Разрешить эту проблему и попытался Джон Роулс. Значение его работ для политической теории многогранно. Выделим основные моменты.

«Теория справедливости» означала разрыв с традицией, установившейся в американской научной среде, начиная с первой половины XX века, предполагавшей, что интерес к этическим идеалам и принципам не сопровождается защитой определенных предпочтений. Роулс вернулся к осмыслению желательного направления развития, т.е. к поиску политического идеала. Его работа также опровергла популярное позитивистское утверждение, что ценности невозможно исследовать с помощью достаточно строгих и научно достоверных методов.

Роулс впервые высказался против позитивизма еще в своей ранней работе «Очерк процедур принятия решений в этике», опубликованной в 1951 году. В этой статье он обосновал идею, позднее более полно развитую в «Теории справедливости», что может быть найден систематизированный вариант анализа ценностей, открывающий возможность этической рефлексии как в политической теории, так и в более широкой сфере.

Вместе с тем, обратившись к содержательной теории, он не порвал окончательно с логико-аналитической традицией. Метод Роулса аналогичен тому, который используется в логике и лингвистике. Применяя логические методы индукции и дедукции, мыслитель определил принципы, которые интуитивно представлялись ему правильными, если не на первый взгляд, то в результате рефлексивного рассмотрения. Аналогичным образом в лингвистике для того, чтобы разработать теорию грамматической структуры языка, полагает, например, Наом Хомски, необходимо найти принципы, отвечающие нашей интуиции. Роулс предложил этическую теорию, точ-

нее, часть этической теории, включающую принципы, применение которых ведёт к интуитивно одобряемым суждениям. Иными словами, он исходил из посылки, что хорошая теория справедливости должна выражать в систематизированной форме наше интуитивное чувство справедливости.

Вполне естественно, что этот подход вызвал возражения со стороны других теоретиков, воспринявших теорию справедливости просто в качестве реконструкции политических предрассудков. Предвосхитив такую реакцию, Роулс высказал два аргумента в защиту своих взглядов.

Во-первых, суждения, предложенные в этой теории, – это взвешенные или продуманные суждения, т.е. такие, к каким теоретик приходит в результате тщательного анализа, освободившись из-под влияния каких-либо «особых интересов» и других привходящих факторов. Иными словами, он исполнил известное требование логического анализа – не верить первоначальной интуиции.

Во-вторых, он применил метод «рефлексивного равновесия». Здесь снова есть аналог в логике и лингвистике. В случае, если суждения не соответствуют принципам, необходимо продолжать ставить вопросы не только по поводу выведенных принципов, но и по поводу первоначальных суждений, стремясь добиться равновесия между ними.

Роулс Джон (род. в 1921 г.) – один из крупнейших современных американских теоретиков реформистского либерализма, автор теории справедливого общественного устройства на принципах рыночной экономики. Выпускник Принстонского университета, участник второй мировой войны. После окончания войны преподавал в ведущих американских университетах, в последние годы – профессор Гарвардского университета. С 1958 по 1963 гг. в журнале «Философический ревью» опубликовал первые наброски своей теории справедливости, вызвавшие широкий резонанс в академических кругах. В 1971 г. был опубликован его главный труд «Теория справедливости», давший мощный импульс возрождению политической философии в США и переосмыслению традиционной трактовки

либеральных ценностей. В 1992 году он опубликовал модифицированный в результате дискуссий и споров вариант своей теории либерализма в книге «Политический либерализм». Вскоре вышел в отставку.

«Теория справедливости»¹ не только содержала возврат к фундаментальной задаче политической философии исследования должного. Она представляла собой междисциплинарное исследование, направленное на вполне практические цели – воплощение в реальную политическую жизнь принципов справедливости. Интерес Роулса сосредоточен на решении вопроса о том, будет ли социально-политическое устройство, соответствующее его принципам справедливости, достаточно стабильным. Сама структура его работы указывает на это: первая треть книги посвящена мотивировке и выводу двух принципов справедливости; во второй трети он анализирует возможности их институционального воплощения и, наконец, заключительная треть (почти 200 страниц) – это попытка ответить на вопрос, могут ли его принципы служить в качестве общественной теории справедливости в стабильном регулируемом обществе.

Роулс доказывает, что требования стабильности накладывают весьма существенные ограничения на любую концепцию справедливости. Но Роулс не просто останавливается на условиях обеспечения стабильности. Он обращается к психологии, экономике, социологии и политической науке, стремясь выяснить условия, удовлетворяющие его принципам справедливости, то есть снова возвращается к традициям политического теоретизирования прошлых веков. Это важный вклад в развитие политической мысли, даже если далеко не со всеми выводами Роулса можно согласиться.

Роулс сконцентрировал свое внимание на том, что он называет *главным предметом справедливости*: основной структуре общества, под которой он понимает всю совокупность наиболее важных социальных, правовых, политических и экономиче-

---

¹ Rawls J. A Theory of Justice. Harvard, 1971.

ских институтов (например, Конституцию, частную собственность на средства производства, конкурентную рыночную экономику, моногамный брак). Функцией этой основной структуры общества является распределение преимуществ и тягот, вытекающих из социального сотрудничества членов данного общества. В число преимуществ он включает доходы и богатство, питание и жилье, авторитет и власть, право и свободы. К «тяготам» причисляются различные обязанности и долг, включая, например, необходимость платить налоги.

Именно потому, что основная структура общества оказывает столь сильное влияние на жизнь каждого индивида, она и становится главным предметом справедливости.

«Здесь присутствует интуитивное представление, что данная структура включает различное социальное положение, и что люди, родившиеся в разных социальных положениях, имеют неодинаковые ожидания в жизни, отчасти определяющиеся политической системой, а также экономическими и социальными обстоятельствами. Таким образом, институты общества создают преимущества для одних стартовых позиций по сравнению с другими. В этом заключается особенно глубокое неравенство. Они не только всепроникающи, но и с самого начала затрагивают жизненные возможности человека: но они, вероятно, не могут быть справедливы и с точки зрения таких положений как «вознаграждение» и «заслуги». Это то неравенство, вероятно неизбежное в основной структуре любого общества, к которому и должны в первую очередь быть применены принципы социальной справедливости. Принципы в этом случае регулируют выбор политического устройства и основные элементы экономической и социальной системы»¹.

Но тогда главной проблемой справедливости будет формирование и узаконивание группы принципов, которым должна соответствовать справедливая основная структура общества. Эти принципы социальной справедливости должны конкретизировать, каким образом основная структура общества будет распределять возможности обладания тем, что Ро-

---

¹ Rawls J. A Theory of Justice. P. 7.

улс назвал «приоритетными благами». Приоритетные блага включают основные права и свободы, власть, авторитет, жизненные возможности, а также такие блага, как благосостояние и доходы. Называя их приоритетными, Роулс подчеркивает особую значимость для любого рационального человека этих благ, обретение которых почти включается в план жизни.

«Приоритетные блага – это: а) максимально гибкие средства достижения собственных целей; б) условия эффективного достижения собственных целей; в) условия критичного и осознанного формирования своих целей»¹.

Так, богатство в широком смысле слова рассматривается в качестве максимально гибкого средства, весьма полезного для достижения целей, вне зависимости от их характера. Свобода от произвольного ареста является условием достижения всех целей. Свобода слова и информации необходима для их формулирования и реализации. Справедливая основная структура общества обеспечивает также правильное распределение возможностей обретения приоритетных благ, таких, например, как доходы или здравоохранение.

Для реализации целей, поставленных в «Теории справедливости», Роулс создал процедурный метод обеспечения права. Беспристрастная процедура справедливого упорядочивания институтов – это именно то, что имеется в виду в первой части его теории, и которая так и названа «Справедливость как непристрастность» (Justice as fairness).

«Беспристрастность» – это первая и наиболее важная характеристика совещательной процедуры, которая приводит к избранию принципов справедливости, защищаемых Роулсом, в то время как *справедливость* отражает их содержание. Таким образом, вся книга направлена на то, чтобы дать договорную версию кантовской автономии. Закон для Канта – это закон свободы, который был бы одобрен, будь он освобожден от желаний и удовольствий. По Роулсу, справедливым институтом

---

¹ Buchanan A. Revisability and Rational Choice // Canadian Journal of Philosophy. 1975. December. Vol. 5. №3. P. 395.

будет такой, который избирается относительным большинством разумных и беспристрастных индивидов свободно участвующих в обсуждении ситуации, предполагающей беспристрастность. Коллективистская структура теории соответствует известной концепции «общественного договора». Когда справедливость обеспечивается чисто процедурными средствами, ее следует сконструировать: она не предвосхищается, а предполагается в качестве следствия рассмотрения условий полной честности, – считает один из наиболее вдумчивых комментаторов теории Роулса, видный французский философ и политический теоретик Поль Рикер¹.

С точки зрения Роулса, проблемы справедливости встают на повестку дня, когда возникает необходимость в общественной оценке деятельности соответствующих институтов для того, чтобы сбалансировать легитимные конкурирующие интересы и притязания членов общества. Иными словами, проблема справедливости возникает тогда, когда легитимные права людей приходят в столкновение друг с другом. При этом Роулс отнюдь не рассматривает граждан государства в качестве моралистов, стремящихся к утопическому идеалу; они, скорее, – рациональные эгоисты, сосредоточенные на собственных интересах и целях. И коль скоро конкуренция интересов обязательна, необходимо введение некоей процедуры, при которой человек, обладающий легитимными притязаниями, согласится на установление справедливых институтов и практики. В основе идеи «справедливости как честности» лежит, таким образом, концепция процедурной беспристрастности, честности в «исходной позиции» (его версии естественного, до-общественного, до-политического состояния), превращающейся в принципы справедливости. Как именно их применять как реальным институтам общества – предмет договора. Иными словами, честная сделка должна

---

¹ Ricoer P. On John Rawls's *A Theory of Justice*: Is a pure procedural theory of justice possible? // *International Social Science Journal*. 1990. Vol. 126. P. 553–554.

принести справедливые результаты. Роулс называет свой метод «чистой процедурной справедливостью».

Для выработки этой процедуры мыслитель обращается к теории «общественного договора». Как известно, общественный договор – это соглашение между потенциальными гражданами (или между ними и потенциальным правителем) об условиях вступления в социальные или политические отношения (или и те, и другие). По этой теории государству предшествует полная анархия, «война всех против всех» (Томас Гоббс), «естественное состояние», неограниченная личная свобода. Люди сознательно поступают ею для обеспечения своей безопасности, охраны частной собственности и прав личности.

Теория общественного договора предполагает ситуацию, в которой люди, не обладающие политическими (а, возможно, и социальными) правами и обязанностями, достигают анонимного соглашения об основах организации социальной и политической системы, в которой они уже будут обладать правами и обязанностями, включая и обязанность соблюдения условий заключенного соглашения. Общественный договор использовался для объяснения общих обязанностей граждан соблюдать законы и для определения содержания соотношения прав и обязанностей, объединяющих членов гражданского общества. В то же время он может служить и для узаконивания определенных позитивных норм. Две эти цели тесно связаны с общим формированием норм жизни общества на основе правил, установленных в «естественном состоянии». Таким образом, идея общественного договора представляет собой способ реализации определенных исследовательских целей. Это объясняет возрастание интереса к ней, причем как в западной, так и в отечественной политической мысли.

Хотя первые представления о договорном происхождении государства возникли еще в древности, в своей развернутой форме идея общественного договора вошла в политическую философию в исторический период, когда возникла потребность в нетелеологических этических основаниях зарождающегося современного государства как независимой

политической единицы, т.е. примерно в XVII–XVIII вв. Государство начало рассматриваться как институт, в котором суверен имеет право издавать законы в соответствии с конституционной структурой, определяющей содержание и границы власти правителя, а также права и обязанности граждан.

Общественный договор принимал множество форм, которые различались и по описанию «естественного состояния», и по анализу природы человека, и по условиям самого соглашения. В «Левиафане» Томаса Гоббса (1651) ужасы «естественного состояния» и эгоистическая рациональность гоббсовского человека способствуют заключению договора между гражданами об их практически беспредельной преданности по отношению к почти неограниченной власти. Для Гоббса, как известно, «естественное состояние» было «войной всех против всех», поэтому проблема Гоббса сводится не столько к справедливости, сколько к безопасности.

У Локка в его втором «Трактате о государственном правлении» (1690) «естественное состояние» выглядит более спокойным, а взгляд на человека как на существо, обладающее моральным потенциалом, более сбалансированным. Общественный договор между потенциальными гражданами, устанавливающими власть правителя, превращается в нечто делегируемое суверену, который должен управлять согласно законам природы и поддерживать определенную степень согласия между своими подданными ради сохранения легитимности правления. В сущности, у него речь идет о теории конституционно-монархического государства.

В «Общественном договоре» Руссо «естественное состояние» уже весьма привлекательно: нецивилизованные люди пользовались в представлении философа определенными свободами и безопасностью, хотя уровень экономического и морального развития был невысок. И все же Руссо, а также Кант, хотя и не разделяли антропологический пессимизм Гоббса, описывали «естественное состояние» как беззаконие, т.е. не имеющее власти арбитра по отношению к противоположным притязаниям. Позднее подобные взгляды привели к обосно-

ванию демократической системы, в которой каждый гражданин через общественный договор становится соправителем государства (идея «народного суверенитета»). Руссо считал, что воля, направленная на общее благо, может сформироваться и реализоваться только в определенных социальных условиях. В качестве одного из условий заключения общественно-го договора он вводит понятие равенства. В обществе, где отсутствует значительная разница состояний, а народ является сувереном и сам устанавливает законы, которым сам же добровольно и подчиняется, законы не могут не способствовать достижению общего блага. Общая воля может выявиться только тогда, когда каждый гражданин на равных участвует в принятии решений.

Иными словами, общественный договор допускает различные политические взгляды, однако требует выполнения одного обязательного условия – признания важности согласия индивидов с нормами, которые будут ограничивать их предполагаемую внутреннюю свободу. Таким образом, в основе общественного договора лежит индивидуалистический взгляд на общество, в соответствии с которым люди являются источником своих политических прав и обязанностей, воплощая тем самым либеральный идеал необходимости узаконивания свободы индивидов. Во всех своих вариантах теория общественного договора дает представление о политическом обществе как о форме ассоциации, целью которой является защита интересов его членов на основе внутренней автономии каждого. Идея общественного договора позволяет объединить весьма различные индивидуальные интересы и ценности с помощью широко употребляемого средства – компромисса как процедуры решения.

В этой изначальной ориентации на компромисс, кстати, и заключается наиболее важное отличие западной либеральной этической мысли от моральных норм «восточных» обществ.

«Само понимание жертвенности здесь подразумевает отказ от каких-то требований и даже интересов ради достижения общеприемлемого результата, в то время как на Востоке

жертвенность выступает в форме героического самоотречения ради достижения полной победы над неправыми»¹.

Следует также оговориться, что ориентация на компромисс как способ разрешения общественных противоречий – во многом вынужденная мера безопасности. И.Г. Тюлин указывал в этой связи:

«Компромисс, согласно либерально-демократической модели, конъюнктурен и в меньшей степени зависит от идеологии. Такой компромисс, скорее, основан на силе, чем на политическом или социальном равенстве партнеров. Можно сказать, что либерально-демократическая модель «рыночная», конъюнктурная и ей более свойственна концепция торга на переговорах»².

Не удивительно, поэтому, что в последнее время в процессе постепенного перехода от хищнического капитализма к более «цивилизованному», политические теоретики либерального направления вновь возвратились к идее гипотетического общественного договора как противовеса утилитаризму существу, устремленному лишь к выгоде. Именно договорный аспект теории Роулса произвел наиболее сильное впечатление на других мыслителей. Для большинства американских теоретиков общественный договор оставался историческим методом XVII–XVIII веков. Сам по себе прецедент его современного использования не мог не вызвать интерес. Практически Роулс восстановил традицию в западной политико-философской мысли – у Роулса появилось множество последователей.

Роулсовская версия общественного договора, ситуация гипотетического выбора, которую он назвал «исходной позицией», впервые была описана им еще в 1958 году и с тех пор постоянно уточняется и развивается автором. Ее целью был поиск пути общественного выбора, для которого не существует об-

---

¹ Комолов С.Б. Современные процессы развития американской партийной системы // США; экономика, политика, идеология. 1990. №3. С. 16.

² Конец истории или конец идеологии // США: экономика, политика, идеология. 1990. №6. С. 45.

щепризнанных методов честного разрешения, через обращение к специально для этого сконструированной параллельной проблеме индивидуального выбора, который легче разрешается благодаря интуиции и процедурам принятия решений.

Предположение, что общественный договор представляет собой адекватную модель для выведения принципов справедливости, связано с убеждением Роулса, что честность соглашения обеспечивается согласием его участников с принципами, которым они будут подчиняться в будущем. Именно поэтому Роулс и назвал свою теорию «справедливость как честность».

Основная идея заключается в том, что справедливость является объектом соглашения. Таким образом, мы должны представить себе, что те, кто участвуют в социальном сотрудничестве, вместе выберут в едином совместном действии X принципы, включающие основные права и обязанности и определяют распределение социальных благ. Заключая общественный договор, «группа людей должна раз и навсегда решить между собой, что является справедливостью, а что несправедливостью». Принципы, на которых она остановится, должны управлять всей последующей критикой и реформами институтов. С этой точки зрения, общественный договор выглядит как обычный контракт, только очень широкий.

Но для Роулса, так же как и для его идейных предшественников, исходный договор – это не реальный исторический контракт, и гипотетический. Его наличие зависит не столько от сути договоренности, сколько от идеи, что при требуемых гипотетических условиях может быть достигнуто соглашение. Иными словами, роулсовский общественный договор принадлежит к сфере воображаемого даже в большей степени, чем у Гоббса или Русса. Его договор никогда не был заключен. Но предполагается, что если бы речь шла о заключении такого договора, то участвовали бы в этом никогда не существовавшие люди. С этой точки зрения, его теория, утверждает М. Сэндел, является «гипотетической вдвойне»¹. Это интеллектуальный инструмент, не имеющий корней ни в истории, ни в опыте.

---

¹ Sandel M. Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge, 1989. P. 105.

«Справедливость как беспристрастность» отличается от других традиционных договорных теорий тем, что соответствующее соглашение не входит в данное общество и не одобряет данную форму правления, а принимает определенные моральные принципы» пишет Роулс¹. Результатом соглашения является не группа обязанностей, применимых к индивидам, по крайней мере, не прямо, а принципы справедливости, относящиеся к основополагающей структуре общества. Либерализм может быть понят, подчеркивает Джеймс Стерба, как защита тех фундаментальных прав и обязанностей человека в обществе, относительно которых достигнута договоренность в честных, беспристрастных условиях».

Но прежде чем непосредственно описать гипотетическую ситуацию заключения общественного договора, равно как и охарактеризовать людей, принимающих участие в процедуре, Роулс оговаривает некоторые предварительные условия, а именно:

- 1) сотрудничество людей возможно и необходимо;
- 2) участники договора придерживаются принципа рационального распределения;
- 3) они стремятся к получению определенных приоритетных благ, которые Роулс в широком смысле характеризует как права и свободы, возможности и власть, доходы и благосостояние – иными словами, общие блага, необходимые с его точки зрения для обретения любых индивидуальных благ;
- 4) договорный процесс ограничивается минимальными требованиями морали, обуславливающими, что принципы, принятые участниками договора, должны носить всеобщий, универсальный с точки зрения применения, общественный характер, выступать в качестве критерия окончательного решения при необходимости судебного разбирательства;
- 5) участники договора обладают чувством справедливости и стремятся одобрить соответствующие принципы. С учетом перечисленных условий, вводящих моральные ограничения, Роулс предлагает провести мысленный эксперимент: предста-

---

¹ Rawls J. Op. cit. P. 16.

вить себе, что несколько рациональных индивидов заключают договор относительно принципов организации общества, устроенного на справедливых началах.

Участники договора – индивиды, а не представители институтов, однако у них есть сильные семейные привязанности, они озабочены будущим своих близких и потомков. Кроме того, все они – люди одного поколения. Но это не собрание всех людей, живущих в определенное время. Более того, число участников несущественно.

«Ясно, что поскольку различия между участниками договора им неизвестны, все они находятся в одинаковом положении и в равной степени рациональны, то каждого из них убеждает тот же самый аргумент. Поэтому мы можем рассматривать выбор в исходной позиции с точки зрения любой, произвольно взятой личности».

Иными словами, вполне допустимо считать, что выбор принципов справедливости делает читатель, следящий за рассуждениями Роулса.

Фактически в исходной позиции определяется основная структура общества. Способ, каким образом социальные институты объединяются в одну систему, как они реализуют фундаментальные права и обязанности и определяют распределение преимуществ, вытекающих из общественного сотрудничества. Таким образом, политическая конституция, законно признанные формы собственности, организация экономики – все это входит в основную структуру.

Основная структура общества выстраивается на основе принципов, а не каких-то конкретных образцов, причем принципы, по предложению Роулса, имеют некоторые ограничения, связанные с концепцией права. Иными словами, принципы должны быть общими по форме, универсальными с точки зрения применения и общественно признанными в качестве окончательной инстанции по разрешению конфликтующих притязаний. Причем каждый вариант будущей основной структуры обязательно должен быть установлен законным путем, или иначе это должен быть режим, руководствующийся правовыми принципами.

Ключом к пониманию того, что же происходит в исходной позиции, становится «вуаль неведения». В сущности, это – не что иное, как обобщение обычной практики в суде присяжных, когда судья просит членов жюри не принимать во внимание какую-то информацию относительно обвиняемого (например, его предшествующую судимость) для того, чтобы вынести справедливый приговор. Иными словами, для того, чтобы сформулировать принципы справедливости, необходимо вообразить себе людей, искусственно лишенных важной и разносторонней информации о них самих.

Участники договора не должны знать, какое место в обществе они занимают. Такое незнание гарантирует, как считает Роулс, беспристрастность и не дает им возможности принять решение из эгоистических, а не общих, соображений. «Вуаль неведения» исключает информацию об их принадлежности к социальному классу и занимаемой должности, профессии, состоянии, таланте, уме, физической силе, здоровье, природе существующего общества и индивидуальной концепции блага. Это должно исключить какие-либо особые интересы и возможность сговора в ущерб меньшинству. Как пишет Роулс, участники договора действуют таким образом, как если бы их враги определяли их место в будущей общественной иерархии.

«Вуаль неведения» должна быть столь непроницаемой, сколь это возможно. Это означает, что участники договора изолированы от потока информации, если только она не является совершенно необходимой для достижения рационального соглашения. Кроме того, люди не могут руководствоваться в своем решении какими-либо принципами справедливости, известными им заранее. В основе их решения лежит только одна мотивация – заключить договор в своих собственных интересах, насколько это возможно в условиях недостатка информации. В то же время они имеют в виду не только собственный интерес, но и обладают интересами высшего порядка, что предопределяется наличием у них определенной морали. Столь сложная конструкция понадобилась Роулсу для того, чтобы гарантировать для гипотетического выбора усло-

вия равенства и беспристрастности. А поскольку все участники договора обладают разными интересами, еще одним следствием введения «вуали неведения» станет гарантия анонимности договора.

Механизм принятия решения Роулс объясняет на конкретном примере. Поскольку участники договора не знают, богаты они или бедны, чем они занимаются в реальной жизни и одарены ли они от природы, то какая стратегия может оказаться в этой ситуации наиболее рациональной? Очевидно, считает Роулс, любой человек будет стремиться защитить положение наиболее обездоленных в данном обществе. А поскольку не возможно быть уверенным, что участник договора не будет принадлежать к дискриминируемой расе или вероисповеданию, то общество будет избавлено и от расизма, и от национальной или религиозной дискриминации. Коль скоро участники договора, по сути дела, те же рациональные эгоисты, действующие под «вуалью неведения», они обязательно одобряют общий принцип, который сведет к минимуму их возможные потери в реальном обществе.

Этот вывод вытекает из роулсовской интерпретации природы человека. Люди, заключающие договор, обладают двумя основными качествами: им присуще чувство справедливости и способность сформулировать концепцию блага.

Кроме того, участники договора должны знать, что любое рациональное существо предположительно будет стремиться обладать так называемыми приоритетными социальными благами, без которых осуществление свободы станет пустой претензией. В этой связи важно отметить, что самоуважение также фигурирует в списке приоритетных благ. Следовательно, чисто деонтологический подход к положению о справедливости у Роулса не лишен также телеологических соображений, поскольку они представлены уже в исходной позиции. Таким образом, люди в исходной позиции не знают, какими будут их собственные представления о благе, но они все-таки имеют представление о том, какие из приоритетных благ социального характера люди предпочитают иметь, причем больше, а не меньше.

Далее, поскольку выбор должен быть сделан между несколькими концепциями справедливости, участники договора, рассуждающие под «вуалью неведения», должны обладать соответствующей информацией о конкурирующих принципах справедливости. Они должны знать утилитаристские аргументы и, такова уж ирония, принципы справедливости самого Роулса, ибо выбор делается не между какими-то законами, а между всеобъемлющими концепциями справедливости.

Участники договора имеют представление об определенных приоритетных благах. Роулс перечисляет их в третьем условии договора. Мы можем разделить их на пять основных групп:

- 1) основные свободы, в том числе свобода слова, совести, ассоциаций;
- 2) свобода передвижения и выбора профессии, равно как и социальной роли на фоне разнообразных возможностей;
- 3) власть, прерогативы должности и положения, ответственность, связанная с этим;
- 4) доходы и благосостояние;
- 5) социальные основы самоуважения.

Таким образом, хотя участники договора ничего не знают о своих конкретных целях, предполагается, что все они мотивированы стремлением к определенным приоритетным благам.

Распределение этих благ входит в сферу интересов справедливости. Для того, чтобы сделать такое распределение справедливым, Роулс предлагает обратиться к основным структурам общества, т.е. к главным социальным институтам. Поскольку теория блага сама по себе не может быть источником права, справедливость должна проистекать из чего-то другого. Здесь Роулс снова возвращается к понятию беспристрастности, подразумевая группу независимых этических ограничений. Беспристрастность ограничивает то, что люди могут делать по отношению друг к другу в процессе стремления к благу. С точки зрения Роулса, – это основное лекарство от слабостей утилитаризма, максимизирующего, в том числе, и удовлетворение социально-приоритетными благами.

Таким образом, в то время как «вуаль неведения» обеспечивает условия беспристрастности и анонимности при заключении договора, приоритетные блага создают минимальный уровень мотивации, необходимый для начала процесса рационального выбора. Две эти предпосылки обеспечивают деятельность участников договора только в общих интересах всех рациональных индивидов, причем наиболее важным оказывается установление социального сотрудничества такого типа, чтобы каждый человек обладал полной свободой реализации своих целей при условии, что они совместимы с равной свободой для других.

Что же касается собственных желаний, то участники договора знают только то, что применимо практически к каждому: у них есть какой-то жизненный план и некий уровень личных связей с другими индивидами. У них есть также общее представление об экономике, политике, социологии. Наконец, они верят, что их выбор должен будет принимать во внимание давление обстоятельств, им присуща определенная психологическая стабильность.

То, что Роулс не стал вводить какую-либо иерархию благ, предполагает терпимость к индивидуальным склонностям. В то же время, для того, чтобы прийти к справедливости, люди с «исходной позиции» должны быть свободными и равными. Как известно, свобода – это такое социальное пространство для жизнедеятельности субъекта, в котором отсутствует внеэкономическое принуждение и которое совмещается с подобным же пространством для жизнедеятельности других субъектов. Это высшая ценность для человека. Признавая это, Роулс в то же время добавляет, что вкладывает в понятие «свободного» участника договора то, что люди выступают в качестве независимых и автономных источников прав, реализация которых ведет к социальному сотрудничеству. Их не ограничивают никакие приобретенные ранее представления, в сущности, они руководствуются только собственным интересом. Их рациональный эгоизм проявляется, прежде всего, в том, что, не стремясь никому навредить, они в то же время не про-

являют друг к другу никакого интереса, заботясь только о собственном благополучии. Они не знают и чувства зависти. Иными словами, они свободны предлагать и обсуждать любые принципы справедливости, но придут к соглашению только тогда, когда найдут наилучшие, наивыгоднейшие условия для самих себя. То есть, они обладают свободой, тесно связанной с «рациональной автономией», которую Роулс приравнивает к положению о рациональности в кантовском императиве или неоклассической политической экономии, иными словами, рациональности умных и предусмотрительных людей.

Равенство в исходной позиции относится, прежде всего, к свободе, включая и равенство в процедурных правах по отношению к источникам права на получение доли ресурсов общества. Все участники общественного договора имеют «одинаковую стоимость», или равноценны.

Таковы общие черты исходной позиции. Многие аспекты роулсовской версии общественного договора содержат определенные натяжки. Например, почему Роулс так уверен, что люди выберут наиболее спокойный вариант решения, исходя из наилучшей возможности оказаться бедняком в реальном мире? В конце концов, человеческая натура содержит и склонность пойти на риск, сыграть, поставить на кон, а дальше пусть будет «или пан, или пропал».

Несмотря на некоторые натяжки и противоречия, можно сказать, что Роулс фактически восстановил традицию общественного договора в западной либеральной политико-философской и теоретической мысли.

Принципы справедливости

Итак, люди в исходной позиции заключают договор относительно принципов справедливости, которые по идее должны гарантировать наивысший из возможного социальный минимум.

Поскольку в исходной позиции имеется согласие, что наиболее рациональный путь должен ограничить потенци-

альный ущерб для человека, то анонимно будут одобрены следующие два принципа:

1. Все люди обладают равными правами на максимально большую совокупность равных основных свобод, совместимую с аналогичной системой свобод для всех (Принцип свободы).

2. Социальное и экономическое неравенство должно регулироваться таким образом, чтобы: а) оно было направлено к наивысшей выгоде наименее преуспевающих; б) институты и положение в обществе должны быть открыты для всех при условии честного соблюдения равенства возможностей (Принцип дифференциации).

Именно эти принципы и являются результатом гипотетического общественного договора. Они справедливы, поскольку процедуры их формулирования были честными.

Два принципа справедливости Роулс намеренно выстроил в определенном иерархическом (лексическом – в его терминологии) порядке, что в целом соответствует традициям моральной философии. Это такой тип упорядочивания, который предполагает удовлетворение первого принципа и только после этого переход ко второму. Иными словами, принцип не начинает действовать, пока не выполнен, или не применен предыдущий. Это не требует сбалансированности принципов – названный раньше обладает абсолютным весом по отношению ко всем последующим. Тем самым, принцип равной свободы оказывается приоритетным по отношению к принципам, регулирующим экономическое и социальное неравенство. Можно сказать и по-другому. Основная структура общества должна регулировать неравенство в распределении богатства и власти таким способом, чтобы оно было совместимо с равной свободой, на которой настаивает первый Принцип. Лексический порядок придаст специфический вес всем элементам, но не делает их взаимозаменяемыми. В применении к теории справедливости это означает, что потеря свободы, даже незначительная, не может быть компенсирована увеличением экономической эффективности.

Благополучие не может быть обретено за счет свободы. Но и свобода – не безгранична. Основные свободы могут быть

ограничены, однако только во имя обеспечения максимально широкой совокупной системы свободы для каждого. Например, свобода печати может быть ограничена, если это необходимо для того, чтобы обеспечить беспристрастность судей. Допускается ущемление одних свобод за счет других, однако при условии, что конечная совокупная система свобод даст большую свободу. Лексический порядок распространяется не только на последовательную реализацию двух принципов, но также и на две части второго принципа, однако, несколько по-другому. Экономически наиболее благополучные люди в соответствии с лексическим порядком должны иметь преимущественно по отношению ко всем остальным участникам общественного договора.

Сумма, которую предстоит разделить, не определена заранее, а зависит от природы распределения, что ведет к различиям в производительности; при системе арифметического равенства производительность может быть столь низкой, что даже интересам наименее преуспевающих людей может быть нанесен ущерб. Существует точка, в которой социальные перераспределения становятся контрпродуктивными. Именно в этой точке принцип дифференциации (второй принцип Роулса) вступает в действие.

Вполне естественно, что Роулс оказался между двух огней со стороны двух групп оппонентов. «Справа» звучат обвинения в эгалитаризме (абсолютном приоритете наименее преуспевающих), в то время как «слева» исходят обвинения в узаконивании неравенства. Ответ Роулса первой группе заключается в том, что в ситуации произвольного неравенства преимущества наиболее преуспевающих будут подвергаться угрозе со стороны бедных. Отвечая на возражения второй группы, он говорит, что более эгалитаристское разрешение будет анонимно отвергнуто, поскольку в этом случае потерпевшими окажутся все. Принцип дифференциации избирает ситуацию, наиболее близкую к равенству, однако не предполагающую уравнивательность.

Преимущества для наименее обеспеченной части общества определяются Роулсом через индексы социально-прио-

ритетных благ. К этим благам, как мы уже показали, относятся права, свободы, возможности самореализации, доходы, благосостояние, а также социальные основания самоуважения. Предполагается, что индивиды стремятся к этим благам, вне зависимости от других мотиваций или своих конечных целей. В самом общем виде, он определяет наименее преуспевающих в обществе людей как частично совпадающую группу обездоленных с точки зрения этих основных благ. Эта группа включает людей, которым меньше повезло, чем другим, в отношении семьи, в которой они родились, и классовой принадлежности, чьи природные данные менее богаты, которых удача обходит стороной и, соответственно, кто меньше обеспечен. Однако что здесь важно, так это то, что эти люди остаются в нормальных, обычных рамках (ни индивиды, нуждающиеся в специальном лечении, ни душевнобольные под эту категорию не подпадают).

Одним из наиболее важных среди приоритетных благ является свобода. А поскольку никто не знает заранее своего места в обществе, то в интересах каждого будет одобрить первый принцип, который обеспечивает для всех равную свободу. Но почему Роулс все-таки говорит не о свободе вообще, а о системе свобод? Дело в том, что различные свободы, по Роулсу, могут проявляться в определенных рамках независимо друг от друга. При этом, максимизация одной из них несовместима с максимизацией других. Разные пропорции каждой из свобод должны быть соединены таким образом, чтобы составить «целостную систему» из максимально возможного числа равно распределенных свобод. Депутаты конституционных конвентов или члены законодательных собраний должны сбалансировать одни свободы по отношению к другим. Что же именно Роулс включает в список основных свобод?

Во-первых, это политическая свобода, которую он понимает как «принцип равной свободы, применяемый к политическим процедурам, определенным Конституцией», выражающийся в «принципе равного участия». Этот принцип предполагает, что все граждане должны обладать равным правом на участие в определении результатов конституционного процесса, устанавливающего законы.

Во-вторых, это свобода слова, включая свободу печати.

В-третьих, это свобода совести, т.е. свобода делать то, что является правильным в соответствии с верой человека; но эта свобода является подчиненной по отношению к государственным интересам общественного порядка и безопасности. Но это, у таких теоретиков либерального направления как Брайан Барри, противоречит традиционному постулату либерализма, что «личная свобода предполагает делать то, что человек хочет».

Однако у Роулса, если религия нарушает свободу человека или требует нарушения прав других людей, государственные интересы преобладают.

В-четвертых, правление закона, или правовое государство. Оно включает целый ряд предписаний:

1) принцип превращения «возможностей в долженствование», то есть законы должны содержать требование единственно возможного поведения;

2) сходные случаи должны рассматриваться аналогичным образом;

3) никакая обида не может быть причинена иначе как на законном основании, что предполагает знание законов и их широкое обнародование»;

4) определение естественных прав человека.

Что здесь важно, так это то, что роулсовское положение о «правлении закона» никак не ограничивает содержание законов. Для него «право – эти система».

В-пятых, свобода от произвольного ареста и заключения под стражу.

И, наконец, в-шестых, право на частную собственность.

Идея первого принципа, таким образом, заключается в том, что каждый человек должен обладать равным правом на максимально широкую совокупную систему названных свобод, но что особенно важно, совместимую с аналогичной системой свобод для других людей, поскольку все обладают равными правами.

Таким образом, Роулс отчасти выходит за пределы свобод, включенных им в группу приоритетных благ, дополняя

их демократическими правами, защищающими другие индивидуальные интересы, а также свободой личности, правом на обладание частной собственностью, а также свободами, диктуемыми правлением закона, например, свободой от произвольного ареста. Их приоритет обеспечивается тем, что, по мнению Роулса, никакой рациональный выборщик не будет рисковать, ставя себя в положение, где его интересы (возможно, интересы меньшинства?) могут оказаться под угрозой в условиях недемократического режима. Поэтому, называя эти свободы, выборщик думает прежде всего о безопасности. Вместе с тем, Роулс подчеркивает, что фундаментальная свобода может быть принесена в жертву только ради других фундаментальных свобод и никогда не может стать предметом торга ради большего экономического процветания. Ибо права человека и его свобода – изначальные человеческие ценности, присущие каждому как представителю рода человеческого, ориентир прогрессивного развития общества. Тем не менее, он неоднократно оговаривает, что свободы не могут быть гарантированы в условиях репрессивного, тоталитарного режима, или в случае, если экономическое развитие страны находится на крайне низком уровне. Соответственно, в таких условиях не могут быть реализованы и принципы справедливости.

Если приоритетность будет четко соблюдаться, то даже катастрофическое снижение уровня обеспечения приоритетными благами, достаточно серьезное, чтобы угрожать развалом общества, по мнению Роулса, не позволяет оправдать даже минимальное ослабление соблюдения принципа формальной гарантированной Конституцией свободы, даже если будут все основания полагать, что выживание может быть достигнуто ценой установления временной тирании. Иными словами, предполагается «улица с односторонним движением», то есть, свобода не может быть обеспечена до тех пор, пока общество не достигает определенного уровня демократии и процветания, в то время как, если она уже гарантирована, то никакой упадок не может привести к ее отмене. Обратного хода нет.

Все условия исходной позиции, да и сами принципы справедливости, предполагают именно конституционную демократию.

«Так же, как свободный рынок, как считается, основывается на классической экономической теории, на политических свободах и законной защите, гарантирующих каждому человеку право заключения договоров, действий в соответствии с договорами, компенсацию за нарушение контракта и т.д., представление Роулсом его модели, я полагаю, вне всякого сомнения постулирует такую же систему политических прав и защиты в контексте заключения договора».

Роберт Вольф. Понимая Роулса.

Если говорить в историческом смысле, то первый принцип содержит в себе сущность системы правового и политического равенства, получившего развитие в XVIII–XIX веках с приходом эпохи промышленного капитализма, в то время как второй принцип определяет стандарты социальной справедливости, смягчающие неравенство и другие проблемы, связанные с его функционированием.

Еще раз подчеркнем, что, в соответствии с лексическим порядком, они выстроены по степени важности. Таким образом, речь идет о приоритетности (абсолютном приоритете), придаваемом свободе по отношению к благосостоянию, и на их обоих, в свою очередь, по отношению к равенству возможностей. В сущности – это кодификация системы ценностей «либерализма благосостояния».

Принцип дифференциации и принцип справедливого равенства возможностей содержатся во втором принципе справедливости. Остановимся на этом несколько подробнее.

Принцип дифференциации утверждает, что социальное и экономическое неравенство должно регулироваться таким образом, чтобы служить пользе наименее обеспеченной части общества. Для того, чтобы понять, как работает принцип дифференциации, необходимо остановиться на двух понятиях – «социальное и экономическое неравенство» и «наименее преуспевающая часть общества».

Прежде всего, следует указать, что первый и второй принципы справедливости распределяют разные группы приоритетных благ. Первый принцип, как мы уже говорили, за-

нимается распределением основных свобод. Принцип дифференциации распределяет иные блага: богатство, доходы, власть, авторитет и также основания для самоуважения. Поэтому понятие «социальное и экономическое неравенство» относится к неравенству с точки зрения личных перспектив приобретения таких «приоритетных благ» как благосостояние, власть, авторитет и доходы.

Под «наименее преуспевающей частью общества» Роулс понимает группу людей, имеющих минимальные перспективы обретения все тех же «приоритетных благ»: благосостояния, доходов, власти, авторитета и т.д.

Но каким образом можно повернуть перспективы приобретения социальных благ на пользу «наименее преуспевающих»? Предположим, что необходимо крупномасштабное инвестирование капитала в определенную отрасль промышленности с тем, чтобы повысить уровень занятости и произвести новые товары и услуги. Можно предположить также, что это в конечном счете пойдет на пользу наименее преуспевающим людям. Тогда, очевидно, для них с ростом занятости увеличатся и перспективы увеличения своих доходов. Однако весьма вероятно, что отдельные люди не пожелают идти на риск крупного инвестирования, если у них не будет уверенности в возможности увеличения собственных прибылей в случае успеха. В этом случае налоговые льготы на инвестируемый капитал и снижение налога на прибыль могут создать необходимые стимулы для инвесторов. Принцип дифференциации как раз и говорит о необходимости снижения налогов, если это необходимо для максимального расширения перспектив наименее преуспевающей части общества.

Очевидно, что успешный капиталист-инвестор увеличит свою долю «приоритетных благ» – богатства и власти по сравнению с другими членами данного общества. Однако это неравенство узаконивается в соответствии с принципом дифференциации, поскольку предельно расширяет также и перспективы наименее преуспевающих граждан. Если какой-то другой институт в состоянии сделать для них нечто большее, то он может считаться более справедливым.

Еще один пример такого рода неравенства – это особые полномочия президента США, гарантированные Конституцией. В соответствии с принципом дифференциации, эти особые полномочия могут считаться узаконенными только в том случае, если они используются на пользу наименее преуспевающих граждан США.

Как же работает принцип дифференциации? Сначала мы выбираем человека определенного общественного положения, например, неквалифицированного рабочего, а затем выделяем наименее преуспевающую группу среди всех неквалифицированных рабочих, после этого определяем средний уровень их доходов. В этом случае перспективы репрезентативной части определяются как «средние по данному классу». Другое определение, которое дает Роулс, характеризует группу наименее преуспевающих людей, имеющую менее половины средних доходов. В этом случае перспективы «репрезентативной наименее преуспевающей части общества» соответствуют средним перспективам по данному классу.

Это несколько запутанное объяснение принципа дифференциации – весьма существенный недостаток теории справедливости Роулса, что становится особенно заметным при рассмотрении проблемы процедурной справедливости. Роулс различает несколько вариантов процедурной справедливости, но особенно важным он считает то, что она утилизирует институциональное устройство, а также соответствующие концепции, в том числе и концепцию «репрезентативной наименее преуспевающей части общества», что позволяет применить принципы справедливости без концентрации внимания на конкретных людях. Роулс пишет, что в этом случае «нет необходимости, реализуя требования справедливости, обращать внимание на бесконечное разнообразие обстоятельств и меняющееся положение определенных лиц. Тем самым, при определении принципов можно избежать колоссальных трудностей, неизбежных в случае, если бы такие детали были необходимы».

В целом его второй принцип справедливости предполагает, что определенное неравенство может быть сочтено более

предпочтительным по сравнению с эгалитаристским распределением.

«Второй принцип справедливости применяется при первом приближении к распределению доходов и благосостояния и к созданию организаций, использующих различия во власти и собственности (отсюда проистекает собственно и само название принципа дифференциации).

В то время как распределение благосостояния и доходов не должно быть равным, оно должно быть направлено к выгоде всех, и в то же самое время власть и командные институты должны быть открыты для всех. Второй принцип реализуется благодаря открытости позиций, и затем как субъект этих ограничений организует социальное и экономическое неравенство таким образом, чтобы все от этого выгадали».

В то же время он считает, что распределение таланта, способностей и энергетического потенциала личности столь же произвольно с моральной точки зрения, как и пол, семейное благосостояние, национальность или классовая принадлежность, получаемая ребенком при рождении. Распределение является честным и беспристрастным, только если все, чем владеют люди, рассматривается как коллективное социальное благо. Распределение благ и услуг – это совместные усилия со стороны всех. С учетом совместных усилий, единственно честным принципом является такой, который признает неравенство только в том случае, если оно идет на пользу наименее обеспеченным.

«Представляется одним из установленных положений в нашем анализе, что никто не может обладать большим правом на природное достояние, чем кто-то другой, у кого иные стартовые условия. Утверждение, что человек заслуживает особых данных, позволяющих ему предпринять усилия для развития своих способностей, в равной степени проблематично, поскольку его характер в значительной степени зависит от удачливости его семьи и имеющихся социальных условий, нам чести не сделает. Как представляется, в этих случаях положение о вознаграждении по заслугам неприменимо. Таким обра-

зом, более преуспевающие представители рода человеческого не могут сказать, что они заслуживают своего успеха и поэтому имеют право на такой тип сотрудничества, в котором они смогут воспользоваться своими преимуществами, но без внесения своего вклада в благосостояние других. У них нет оснований для такого утверждения. С точки зрения здравого смысла, тем самым, принцип дифференциации представляется приемлемым как для более преуспевающих, так и для менее преуспевающих индивидов».

Процитированный отрывок показывает, что справедливость, как ее понимает Роулс, содержит в себе не только признание равенства людей, но и необходимости дифференцированного подхода с учетом их неравенства. Честное равенство возможностей лексически следует за принципом дифференциации. Иными словами, если основные права максимизировать до наивысшей точки, совместимой с равным распределением, то может быть введено неравное распределение других благ, если только это обеспечивает наибольший выигрыш для наименее привилегированных граждан, иными словами, приемлемо для всех слоев населения.

Но здесь возникает весьма существенный вопрос: почему участники общественного договора, находящиеся под «вуалью неведения», предпочитают принципы справедливости в их определенном лексическом порядке любой версии утилитаризма? Антижертвенное воплощение теории справедливости Роулса именно здесь обретает свою наивысшую значимость. Позаимствованный Роулсом из теории принятия решений в ситуации неопределенности принцип дифференциации находит свое выражение в понятии «максимума к минимуму» (максимин): участники договора избирают такой способ организации общества, при котором минимальная доля максимизируется.

Единственной мотивацией индивидов в ситуации общественного выбора становится то, что участники его будут сотрудничать, содействуя реализации договора, содержание которого было совместно определено и анонимно принято, т.е.

договор устанавливает связи участия. Это вводит серьезное ограничение, поскольку соглашение должно быть окончательным, не допускающим каких-либо сомнений, а его предмет – основополагающая структура общества, ни больше, ни меньше. Если, например, две концепции справедливости приходят в конфликт друг с другом, и одна из них допускает ситуацию, которая оказывается неприемлемой для кого-то, в то время как другая концепция исключает такую возможность, тогда доминирующей станет последняя.

Интерес Роулса сосредотачивается на доказательстве того, что в утилитаристской схеме человек, занимающий наименее выгодное положение, является жертвой, в то время как в теории справедливости Роулса – он выступает в качестве партнера. Этого достаточно, как считает автор, для доказательства верности его теории.

Принцип «максимин» – максимум для минимума, то есть максимальные преимущества для наименее преуспевающей части общества.

В обществе, провозгласившем принципы Роулса, наименее преуспевающие люди будут знать, что их положение обеспечит им максималистско-минималистские преимущества, вытекающие из неравенства, которое они осознают. Если же уровень колебаний в неравенстве будет ниже, то вероятность того, что именно они окажутся жертвами такого порядка вещей, будет существенно выше. Более преуспевающие граждане, численность которых всегда меньше, воспримут данные аргументы как убедительные, ибо их относительные потери (по сравнению с более выгодным положением в условиях менее справедливого распределения) компенсируются сотрудничеством с согражданами, при отсутствии которого их относительные привилегии подвергнутся угрозам. В обществе же, которое громко провозглашает свой утилитаристский характер, наименее преуспевающие могут оказаться в совершенно иной ситуации. От них требуется признать, что величайшее благосостояние группы – достаточное основание

для того, чтобы узаконить их незавидный жребий. Они вынуждены будут согласиться оказаться в положении «козла отпущения» системы. На практике же ситуация будет еще хуже, ибо утилитаристская система не в состоянии соответствовать правилу публичности. Принцип жертвенности, воплощаемый утилитаризмом, должен оставаться скрытым, тайным для того, чтобы быть эффективным. Именно поэтому утилитаристская концепция отвергается в исходной позиции.

Принцип равных возможностей утверждает, что люди, обладающие одинаковым уровнем таланта и способностей, затрачивающие равную энергию и усилия, будут обладать теми же самыми перспективами успеха в данной сфере устремлений. Семейное происхождение, раса, религия, пол, национальность не должны быть препятствиями на пути к успеху. А для того, чтобы это не давало бы и излишних преимуществ, т.е. ради гарантии равенства возможностей, общество вынуждено вводить высокие налоги на наследство, обеспечивать широкую систему общественного образования, принимать антидискриминационные законы. При определенном уровне эффективности подобных общественных мер распределение благ и услуг может действительно зависеть от таланта, способностей и целеустремленности.

Посмотрим, как работает этот принцип, на конкретном примере, приведенном А. Бухэненом. Предположим, что некто А и Б стремятся занять одно и то же положение в обществе, которое требует определенной квалификационной подготовки. Предположим, что они примерно одинаковы в своих способностях и устремлениях, но А происходит из крайне бедной семьи, которая не в состоянии оплатить его учебу, а Б – наоборот, весьма богат и пользуется помощью родителей. Очевидно, что роулсовский принцип равных возможностей предполагает необходимость институциональной структуры, способной оплатить обучение А. Тот факт, что он происходит из бедной семьи, не должен лишать его перспектив, достижимых для других с аналогичными способностями и устремлениями, но обладающих большими материальными возможностями.

Напомним, что во втором принципе справедливости также присутствует правило лексического порядка. Однако в данном случае принцип равных возможностей оказывается лексически приоритетным по отношению к принципу дифференциации (хотя формулируются они в обратной последовательности). Иными словами, предполагается сначала удовлетворить принцип равных возможностей, а только затем – принцип дифференциации.

Определенную роль во втором принципе справедливости Роулса играет «эффективность». Роулс определяет ее следующим образом:

«...Мы можем сказать, что организация прав и обязанностей в основной структуре (общества – А.Т.) является эффективной только в том случае, если невозможно изменить правила и перестроить схему прав и обязанностей для того, чтобы поднять уровень ожиданий любого человека (по крайней мере, одного) без того, чтобы одновременно не понизить ожидания некоторых других (по крайней мере, одного) человека».

Если после распределения окажется, что некто обладает значительно большим богатством, чем другие, то ситуация не может быть исправлена с помощью перераспределения – мешает правило эффективности. Более того, распределение богатства в любое данное время всегда находится под сильным кумулятивным влиянием как природного, так и социального распределения в прошлом. Случайность или везение во многом определяют, кто богат, а кто беден в данное время. Поскольку «вуаль неведения» не дает нам возможности узнать заранее, повезет нам или нет, то, по Роулсу, рациональным становится поиск пути минимизации наших потерь, и поэтому эффективность в процессе заключения общественного договора роли не играет. Рациональные участники договора, как мы уже показали выше, будут стремиться избежать риска попадания на «дно общества».

Но тогда возникает вопрос, которому Роулс придает немаловажное значение: на каком основании члены демократического общества могут допустить тенденцию к подверженности основной структуры общества социальным случайностям

естественного или исторического происхождения? Поскольку мы считаем, что граждане – свободные и равные моральные личности, институциональное выражение чему дает приоритет первого принципа равной свободы, рассуждает Роулс, то, очевидно, начать следует с предположения, что все остальные социально-приоритетные блага, и в особенности доходы и богатство, должны также быть равными – каждому должна достаться доля, равная долям других. Но общество также должно принимать во внимание организационные требования и экономическую эффективность. Поэтому неразумно поддерживать распределение поровну.

Роулс противопоставляет первый принцип, в котором речь идет о равном распределении, первой части второго принципа, допускающего неравенство до тех пор, пока наименее обеспеченная часть населения не станет столь благополучной, насколько это вообще возможно в имеющихся условиях. Он считает, что первый принцип является эгалитаристским, поскольку он отрицает возможность узаконивания ограничения свободы одного человека на том основании, что это увеличивает чью-то свободу и, тем самым, возрастает общая сумма свободы. Основная структура общества допускает неравенство, поскольку это улучшает положение каждого, включая и наиболее обездоленных, причем таким образом, чтобы это неравенство сочеталось с равной свободой и честным равенством возможностей. А коль скоро рассуждения начались с равной доли, то те, кто получает наименьшую выгоду, должны, если можно так выразиться, обладать правом вето; и тем самым, приходят к принципу дифференциации.

Сформулировав два принципа справедливости, Роулс кратко остановился на том, как должна быть организована основная структура общества для того, чтобы им соответствовать. Роулс концентрирует свое внимание на институциональном устройстве, которое, по его мнению, может соответствовать принципу дифференциации. Для этого, как он считает, необходимо создать четыре правительственных органа:

1. Орган контроля за накоплением ресурсов.
2. Орган стабилизации.

3. Трансфертный орган.

4. Орган распределения.

Иными словами, в случае гарантированного равенства возможностей и максимально широких основных свобод, принцип дифференциации может быть реализован при наличии институционального устройства, выполняющего свои функции с помощью вышеназванных органов:

1. Существует частная собственность на капитал и природные ресурсы. Свободная рыночная система поддерживается органом контроля за накоплением ресурсов.

2. Функцией органа стабилизации будет «попытка обеспечить разумно полную занятость».

3. Трансфертный орган призван гарантировать социальный минимум (т.е. минимальный доход для каждого) либо с помощью выплат в связи с созданием и развитием семей и специальных платежей в случае болезни или безработицы, или более систематически, например, с помощью градаций дополнительных выплат (т.е. негативного подоходного налога).

4. Орган распределения должен защищать максимально возможную справедливость при распределении благодаря средствам налогообложения, обязательно принимая во внимание право собственности. При этом необходимо учитывать два аспекта: во-первых, должны быть введены налоги на наследство и дарение, равно как и определенные ограничения на право наследования; во-вторых, должен быть установлен порядок налогообложения для того, чтобы реализовать на практике требования справедливости.

Обращает на себя внимание тот факт, что в модели справедливого общественного устройства (за исключением пункта 2, где речь идет о «разумно полной занятости»), реализация принципа справедливости предполагается Роулсом практически только с помощью распределительных методов, т.е. через перераспределение доходов и богатства наиболее обеспеченной части общества в пользу беднейшей, главным образом, средствами налогообложения. Иными словами, перспективы «репрезентативной наименее преуспевающей части

общества» в обретении богатства, власти, авторитета и т.д. могут быть расширены с помощью различных доплат к заработной плате, получаемой в условиях свободного рынка. Грубо говоря, свободный рынок решает одну часть задачи, налогообложение и перераспределение доходов – другую. Таким образом, Роулс считает возможным применение его принципов справедливости в обществе без отказа от конкурентного рынка и частной собственности на средства производства. Это и есть теория «социального рыночного хозяйства», столь популярная сегодня в США.

Тема 2.

Структура гражданского общества

Майкл Оакшотт против рационализма

Перу Майкла Оакшотта принадлежит несколько работ, значение которых для развития теоретической мысли весьма велико. В 1933 году он опубликовал философский труд «Опыт и его типы», в 1962 году – «Рационализм в политике», снижавший ему известность как консервативному автору. Подобно Томасу Гоббсу, Майкл Оакшотт написал свое самое знаменитое эссе «О человеческом поведении» (1976) уже в довольно зрелом возрасте. Целый ряд работ, написанных в те годы, увидели свет только недавно и среди них такие эссе, как «Религия, политика и моральная жизнь», «Политика веры и политика скептицизма», а также «Мораль и политика в современной Европе».

Оакшотт Майкл (1901–1990) – один из видных представителей британской политической философии и теории. Окончил кембриджский университет. В 1949–1951 гг. – профессор Оксфордского университета. С 1951 года – профессор кафедры политических наук Лондонской школы экономики и политической науки. Член Британской Академии с 1966 года. С 1947 по 1953 гг. редактор «Кембридж Джорнэл» – одного из органов британской консервативной мысли.

Консервативные мыслители, как правило, причисляют Оакшотта к стану консерваторов. Действительно, для этого есть некоторые основания. Он бросил вызов важнейшему положению Просвещения – вере в разум человека. Просветители и их последователи-либералы полагали, что люди – принципиально разумные существа, несмотря на иррациональность, вспыхивающую время от времени в суевериях, невежестве и религиозной вере. Разум заключен в способности человека обдумывать, предлагать альтернативы, делать выбор, руково-

дствуясь знанием и расчетом. Разумность человека – также в отборе наиболее эффективных средств для достижения поставленных целей. Как и многие другие консерваторы, Оакшотт отрицает причинно-следственные связи, не веря в возможность действовать по принципу цели-средства. Вот какова логика его рассуждений:

«Общий характер и склад Рационалиста, я думаю, определить несложно. По сути, он защищает (он всегда защищает) независимость мышления во всех обстоятельствах, поскольку мысль свободна от обязательств перед любым авторитетом, за исключением авторитета «разума». Его положение в современном мире делает его вздорным: он враг авторитетов, предрубеждений или просто традиционного, соответствующего обычаю или привычке. Его умственное состояние одновременно скептическое и оптимистическое: скептическое потому, что нет такого мнения, привычки или убеждения, ничего столь глубоко укоренившегося или столь широко поддерживаемого, чего он не решился бы подвергнуть сомнению и о чем он не стал бы судить с помощью того, что он называет своим «разумом»; оптимистическое, поскольку Рационалист никогда не сомневается в способности своего «разума» (соответствующим образом примененного) определять ценность явления, истинность мнения или правильность действия.

Он не обладает чувством накопления опыта, а лишь данности опыта, причем обращенного в формулу: прошлое приобретает для него значение препятствия. У него нет той негативной способности (которую Ките приписывал Шекспиру), способности признания тайны и изменчивости опыта без раздраженного поиска порядка и ясности, а есть лишь способность подчинения опыта; у него нет дара к точному и подробному восприятию, пониманию действительного, того, что Лихтенберг назвал негативным энтузиазмом, но только способность видеть общие очертания, налагаемые на события общей теорией. Ум Рационалиста в лучшем случае производит на нас впечатление тонко заточенного холодного инструмента, ума, скорее, хорошо вышколенного, чем образованного. С точки зрения

ума, им движет желание не столько к тому, чтобы участвовать в жизненном опыте своего народа, сколько к тому, чтобы демонстративно быть человеком, добившимся всего своими собственными силами. И это придает его интеллектуальной и практической деятельности почти противоестественную осмотрительность и самосознанность, лишая их какой-либо пассивности, какого-либо чувства гармонии и последовательности и разлагая их на ряд критических периодов, каждый из которых должен быть преодолен *tour de raison* (ловкостью ума). Его ум лишен атмосферы, не знает смены времен года и колебаний температуры; его мыслительная деятельность изолирована от всех внешних влияний и протекает в вакууме. А отрезав себя от традиционного знания своего общества и отрицая ценность образования более широкого, чем обучение технике анализа, он склонен приписывать человечеству неизбежную неопытность во всех критических случаях жизни, и если бы он был более самокритичен, то не мог бы не удивиться тому, как люди вообще умудрились выжить. Обладая почти поэтическим воображением, он старается прожить каждый день так, будто это первый день в его жизни, и уверен, что сформировать привычку – значит погибнуть. И в случае, если бы мы, даже не помышляя об анализе, заглянули бы внутрь, под внешнюю оболочку, мы, возможно, увидели бы в темпераменте, если не в характере, рационалиста глубокое недоверие ко времени, нетерпеливую жажду вечности и раздражительную нервозность перед лицом всего актуального и временного.

Любая наука, любое искусство, любая практическая деятельность требуют определенных навыков, в сущности, всякая человеческая деятельность опирается на знания. И, вообще говоря, знание бывает двух видов, каждый из которых всегда включен в какую-либо практическую деятельность. На мой взгляд, не будет большим преувеличением назвать их двумя видами знания, поскольку (даже несмотря на то, что они не существуют отдельно друг от друга) между ними существуют довольно значительные различия. Первый вид знания я назову техническим знанием, или знанием техники. Техника включена в любой вид искусства и область науки, в любую

практическую деятельность. Во многих видах деятельности это техническое знание сформулировано в виде правил, которые должны или могут быть внимательно изучены, запомнены и, как мы говорим, воплощены на практике; но независимо от того, зафиксировано ли оно в точной формулировке, главная его характеристика состоит в том, что оно поддается точной формулировке, хотя для этого может потребоваться специальное мастерство и чутье. Техника (или часть ее) вождения автомобиля по дорогам Англии содержится в Дорожном кодексе, техника приготовления пищи – в поваренной книге, а техника открытий в естественных науках или в истории – в правилах исследования, наблюдения и верификации. Второй вид знания я назову практическим, поскольку он существует только в процессе использования, не является результатом размышления и (в отличие от техники) не может быть сформулирован в виде правил. Однако это не означает, что данный вид знания является эзотерическим. Это означает только, что метод, с помощью которого оно передается и становится общим знанием, не является методом формулировки доктрины. И если мы рассмотрим его с этой точки зрения, то не будет, на мой взгляд, заблуждением говорить о нем как о традиционном знании. Этот вид знания тоже включен в любой вид деятельности; владение мастерством любого рода, занятие каким-либо конкретным видом деятельности без него невозможно.

Итак, Рационализм, как я его понимаю, есть утверждение, что то, что я назвал практическим знанием, вовсе таким не является, утверждение, что, собственно говоря, не существует знания, кроме знания технического. Рационалист считает, что единственный элемент знания, включенный в человеческую деятельность, – это знание техническое, а то, что я назвал практическим знанием, на самом деле есть лишь разновидность незнания, которое могло бы не приниматься в расчет, если бы оно не было действительно вредным. Для Рационалиста верховная власть «разума» означает верховную власть техники».

Майкл Оакшотт. Рационализм в политике.

По мнению Оакшотта, разум находит значительно лучшее применение при размышлении над истинами религии, при оценке мудрого порядка сословий и классов в существующем обществе и т.д. Традиция – это стиль жизни человека, а не пути на пути прогресса. Она намного превосходит любое суждение, продиктованное разумом, ибо способности нашего разума в понимании мира весьма и весьма ограничены.

Тем не менее, некоторые другие аспекты политической теории Оакшотта, позволили считать его либералом, прагматиком, историцистом, экзистенциалистом, и даже постмодернистом. Таким образом, мировоззрение Оакшотта практически невозможно отнести к какой-либо одной категории. Например, сам Оакшотт в работе «О человеческом поведении» назвал себя платоником, отмечая большое влияние, которое на него произвели труды древнегреческого мудреца Платона.

Когда Оакшотт рассуждает о религии, его идеи напоминают платоновские, а призыв к политической терпимости повторяет тезис Сократа («Республика», книга 8), что режим, основывающийся только на одном принципе, саморазрушителен. Кроме того, Оакшотт попытался найти общее у Платона и Гегеля и воссоединить некоторые их положения. С одной стороны, Оакшотт представляет во многом гегелевский взгляд, что философы должны уметь преодолевать ограниченные интеллектуальные ресурсы, предполагающие занятие наукой, историей и другими практическими дисциплинами для того, чтобы понять опыт как тотальность, как целостность. С другой стороны, Оакшотт призывает своих читателей учиться у сократовских диалогов, как нужно идентифицировать и исследовать характер обусловленного мышления, которое и предопределяет поведение человека. Сказанное позволяет нам понять, почему Оакшотт подчеркивает значение философского исследования и одновременно придерживается взгляда на философию, который говорит, что философия не способна быть основанием для других типов понимания.

В 1920-х годах Оакшотт занимался проблемой религии, хотя ничего и не опубликовал на эту тему в те годы. Майкл Коулинг (с которым мы познакомились в предыдущем пара-

графе), находившийся под сильным влиянием взглядов Оакшотта, ничего не знал об этом интересе и даже писал, что Оакшотт внес свой вклад в гибель Бога в Англии. Коулинг назвал Оакшотта ведущим английским консервативным мыслителем столетия, однако он так и не смог сформулировать отношение мыслителя к религии¹. Только из посмертно опубликованных работ стало ясно, какое место религия занимала в жизни Оакшотта.

Оакшотт выделил два христианских подхода к жизни. Ранние христиане верили, что второе пришествие не за горами и стремились преодолеть как удовольствия, так и обязанности в этом мире, готовя себя к спасению. Поздние христиане, разочарованные откладыванием наступления новой эры, сформулировали доктрину, обеспечивающую духовное руководство на период постоянно откладывающегося контакта с деградирующим миром. Короче, если ранние христиане полностью отрицали ценности этого мира, поздние христиане пошли на компромисс. Для Оакшотта отрицание всех мирских ценностей является наиболее глубокой и истинной формой религии. Индивид-мирянин и религиозный индивид представляют два разных типа «я». Миряне теряют себя в практической жизни общества в своем стремлении к лучшему будущему. Религиозные индивиды приспособляются к павшему миру и стремятся к моментам искренности и единства. Оакшотт считал, что современной религии необходим более твердый взгляд против внешних, мирских ценностей, то есть духовный подход, допускающий полную автономию «я».

Оакшотт вовсе не стремился сформулировать новые религиозные взгляды. Его больше интересовали отношения между философией и практической политикой. Находясь под сильным влиянием Гегеля, Оакшотт настаивал на том, что человеческие суждения нуждаются в субординации реальных идей. Он писал, что философия анализирует разные типы понимания, которые создают связную реальность Ученые-

---

¹ Cowling M. Religion and Public Doctrine in Modern England. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.

естествоиспытатели предполагают наличие некоего целостного знания, когда проводят свои эксперименты. Историки делают то же самое, стараясь объяснить какое-то событие. Философы предполагают, что предположения, лежащие в основе конкретных видов деятельности, являются единственной основой для хорошего или дурного поведения. Хорошее и дурное опираются не на некую объективную истину, а на их роль в обеспечении характера человеческого поведения. Оакшотт полагает, что философ пытается понять взаимосвязанный и целостный мир опыта, то есть фактически встает на рациональные позиции.

Как же соотносятся философия и политика, по мнению Оакшотта?

В работе «Рационализм в политике» он писал по этому поводу:

- философия политики может идентифицировать, но не создать предположения, на основе которых осуществляется политическая деятельность. Действительно, философия политики необходима для политической практики, поскольку стоит над предположениями и настроениями, имеющими отношение к этой практике, понимаемой как целое;
- философия политики признает, что, поскольку эти утверждения присущи самой деятельности, то они являются единственным основанием для оценки поведения как хорошего или дурного. Всякая попытка трансформировать предпосылки одной сферы деятельности в другую приведет к разрушению единственного источника связности, присутствующего в человеческом поведении. По мнению Оакшотта, когда государство или любая другая централизованная власть пытается диктовать гражданам определенный тип поведения ради достижения рациональных политических целей, то тенденции теряют свою связность и свою способность устанавливать процедуры для достижения частных целей. Философии следует внести более позитивный вклад в связи с тем, что она обладает способностью идентифицировать идеалы как предпосылки бытия мира.

Понятно, что политическая философия стремится определить постоянный характер политической деятельности. Философия политики идентифицирует контекст предположений и редактирует политическое мышление.

Таким образом, Оакшотт выделил две стороны политической философии. Чем более философичной является политическая философия, тем более сомнительны ее собственные предположения и процедуры и тем меньше может она сказать о политической практике, поскольку она стремится к целостному пониманию опыта. С этой точки зрения то, что отличает политическую философию от других типов философии, так это ее происхождение из мира политики. Но как только эта точка отсчета исчезает из виду, политическую философию невозможно отличить от других философских направлений, например, философии религии, философии науки, эстетики и т.д.

Вторая сторона политической философии, которую акцентировал Оакшотт, – это идентификация и исследование контекста, в котором осуществляется политическое мышление, то есть предварительных условий появления многих мнений, предопределяющих политическую практику. Политический философ, с этой точки зрения, занимается тем, что пытается определить тот процесс размышлений, при котором понимание политических феноменов переходит с одного уровня на другой.

Объединяет две стороны политической философии помещение политической мысли в контекст, то есть сократовский поиск знания с помощью мнений других людей. Уникальная роль философии заключается в ее способности к пониманию абстрактного мышления, которое он назвал «теорией» в своем эссе «О человеческом поведении». Позднее Оакшотт пересмотрел свой взгляд на политическую философию. В эссе «Политика веры и политика скептицизма» он написал, что вся современная политическая философия была создана в контексте конкурирующих друг с другом идей, пытающихся определить, как нужно управлять государством. В своем последнем эссе «Правление права» Оакшотт высоко оценил Гоббса как «пио-

нера» в определении гражданских ассоциаций, то есть общества, не ставящего перед собой великих целей. Тем не менее, по его мнению, Гоббс так и не сумел определить стандарты для оценки, способствует ли право формированию определенного типа общества – лакуна в политической философии, которую еще предстоит заполнить.

Остается неясным, хотел ли Оакшотт только понять политический мир или стремился создать новый? Как бы там ни было, уже очевидно, что он выходит далеко за границы консерватизма, предлагая не только новые темы, но и их новое видение.

Структурализм: Клод Леви-Стросс

Структурализм происходит от латинского слова «struo», что означает «класть рядами одно на другое, строить, располагать в порядке». Структурализм, как это явствует из названия, концентрирует свое внимание на структурах, причем его интересуют сегодня уже не столько социальные структуры, как это было поначалу, сколько структуры лингвистические. Такая смена интересов получила название «лингвистического переворота», который весьма радикально изменил природу практически всех общественных наук.

Структурализм явился продуктом разнообразных веяний в нескольких предметных областях. Основы структурной лингвистики и структурализма заложил швейцарский ученый Фердинанд де Соссюр (1857–1913). В 1916 году он издал работу под названием «Курс общей лингвистики», в которой он поставил вопрос о необходимости рассмотрения языка как знаковой структуры. Заслуга де Соссюра заключается в том, что он ввел различие между языком (*lingue*) и речью (*parole*). Язык – это формальная, грамматическая система. Это система фонетических элементов с управляемыми отношениями. Де Соссюр верил в существование предопределенных законов. Многие его последователи занимались преимущественно поиском этих законов.

Наличие языка делает возможной речь. Речевое высказывание является также индивидуальным актом воли и понимания. Хотя де Соссюр и признавал значение использования людьми языка субъективным образом, он полагал, что использование речи отдельным индивидом не может представлять интерес для интересующегося наукой лингвиста. Предметом интереса для лингвиста должен стать язык как формализованная система, а не субъективный способ его использования отдельными людьми.

Язык, таким образом, может рассматриваться как система знаков, и смысл каждого знака становится понятным благодаря изучению отношений между знаками в системе. Особое значение имеют отношения различия и, в частности, бинарные оппозиции. Например, смысл слова «горячий» становится понятным по контрасту со словом «холодный», а вовсе не из общих представлений о мире. Смысл, разум, а в конечном счете и весь социальный мир, формируются благодаря структуре языка.

Интерес к структуре перерос интерес просто к языку и распространился на всю знаковую систему. Такое направление исследований получило название «семиотики» и у него появилось много сторонников. Семиотика шире, чем структурная лингвистика, поскольку интересуется не только языком, но и другими знаками и символами, например, выражением лица, языком телодвижений, практически всеми формами коммуникации, а также литературными текстами.

Основателем семиотики считается Ролан Барт, который распространил идеи де Соссюра на все сферы социальной жизни. Не только язык, но и поведение в обществе, в политике является своего рода знаками. Знаковыми процессами можно считать телевизионные программы, моду, кулинарию, то есть практически все, что нас окружает в повседневной жизни.

Во французском структурализме наиболее крупной фигурой, безусловно, является Клод Леви-Стросс, которого также часто, наряду с Бартом, называют «отцом-основателем» структурализма. Леви-Стросс попытался применить понятие струк-

туры к самым разным темам своих исследований, но для политической теории наибольшее значение имеет структурализм в антропологии. Например, Леви-Стросс для того, чтобы понять структуру мифов, обратился к исследованию примитивных обществ. В более широком смысле Леви-Стросс применил структурализм ко всем формам коммуникации. Его главная заслуга заключается в том, что он реконструировал широкий спектр социальных феноменов (например, кровное родство) как систему коммуникаций, что позволило сделать их предметом структурного анализа.

Леви-Стросс в работах «Структурная антропология» (1958), «Мифологии» (1964–1971), «Структурная антропология-2» (1973) и других изложил основные принципы структурной методологии. Кратко их можно сформулировать следующим образом:

- 1) изучая явления культуры, следует обратить преимущественное внимание не на их элементы, а на структуры;
- 2) исследуя культурные феномены, следует делать это синхронно (т.е. одновременно, в их совпадении во времени), а не диахронно (т.е. последовательно);
- 3) приоритет в исследовании принадлежит структурам, а не субъектам.

Леви-Строссу удалось показать, что в мифах народов, даже никогда не вступавших друг с другом в контакт, отражаются одни и те же структуры. Он также доказал, что первобытное мышление в своей основе не отличается от мышления современного.

Проиллюстрируем сказанное примером. Леви-Стросс сравнил лингвистическую структуру со структурой кровного родства. В результате он пришел к следующим выводам:

во-первых, термины описания кровного родства аналогичны фонемам языка;

во-вторых, ни термины родства, ни фонемы не имеют смысла сами по себе. Они обретают этот смысл только будучи помещенными в более широкую систему. Леви-Стросс ис-

пользовал целый ряд бинарных оппозиций в своих антропологических исследованиях (например, сырое/вареное), подобно тому, как де Соссюр применил их в лингвистике;

в-третьих, он признал, что существуют эмпирические вариации в зависимости от места как в системах фонем, так и в описании кровного родства, но даже эти вариации могут быть прослежены вплоть до общих, имплицитно присутствующих знаков.

Самое важное то, что, по его мнению, и система фонем, и система кровного родства являются продуктами структур разума. Однако они – вовсе не продукт сознательного мышления, а следствие бессознательной, логической структуры разума. Эти системы, равно как и структуры разума, который их сформировал, действуют на основе общих законов.

Еще один пример. Брачные правила и системы родства сформулировали ряд процессов, позволяющих установить определенный тип коммуникации между индивидами и группой. Опосредующим фактором в этой коммуникации выступает женщина, которая, также как слова в системе языка, циркулирует между кланами, родами и семьями. Право обмена женщинами как противовес кровосмешению, может функционировать лишь в замкнутой системе нескольких брачных классов, передающих женщин «по кругу», так что все время сохраняется равновесие. Внутри этих систем Леви-Стросс выделили минимальные единицы как элементарные структуры общества. Эти структуры являются не биологическими данными, представляют культурный символизм.

«Система родства существует только в человеческом сознании; она представляет собой произвольную систему».

Эту модель Леви-Стросс распространил на экономику, которая под рубрикой обмена товаров формирует символическую систему, сравнимую с обменом женщин в системе родства и обменом слов в системе языка.

Деонтологический либерализм: Джон Роулс

Возрождение политической теории в 70-е годы произошло в немалой степени в результате полемики с утилитаризмом. Или, иначе, нормативная политическая теория попыталась дать альтернативу всем типам телеологической этики. Под телеологической этикой здесь понимается любой тип морали, который судит о ценности человеческого поведения по тому, служит ли оно конкретной цели или, иначе, телосу. Хотя это вроде бы не тождественно человеческому счастью, тем не менее, утилитаризм является чисто телеологической теорией. К телеологическим можно отнести также и аристотелевскую идею о том, что люди (мужчины, не рабы и не иностранцы) реализуют свою рациональную природу, участвуя в качестве граждан в общественной жизни полиса. Ведущие политические мыслители, писавшие после 1870-х гг., такие как Джон Роулс, Роберт Нозик, Алан Гевирт, Рональд Дворкин и другие, настаивали на том, что телеологическая этика, будучи примененной к политической жизни, разрушает свободу. Почему? Теоретики дают на это следующий ответ:

во-первых, утилитаризм не принимает во внимание плюрализм человеческих целей, поскольку одну из этих целей – максимизацию счастья или пользы – они ставят выше всех других, а также рассматривают общее благо как совокупность пользы всего общества, не интересуясь отдельными индивидами;

во-вторых, телеологическая этика отдает приоритет целям, а не средствам. Например, они утверждают, что совокупные цели общества не должны ограничиваться индивидуальными правами человека. Утилитаризм, по существу, по многим позициям противостоит либерализму. Критики утилитаризма этого толка получили название **деонтологических**, или кантианских, либералов. Они противопоставляют деонтологическую этику этику прав и обязанностей)» опирающуюся на учение Имманула Канта, телеологической этике (этике цели).

Тема 3.

Гражданское общество и политическое сообщество

Юрген Хабермас

«Франкфуртская школа» на удивление богата громкими именами. Среди них следует назвать Юргена Хабермаса – одного из крупнейших современных философов и теоретиков политики.

Среди философских отметим его работы, посвященные исследованию отношений между знанием и интересами человека – пример более широкой проблемы отношений между субъективными и объективными факторами. По его мнению, субъективные и объективные факторы не могут рассматриваться в изоляции друг от друга. Системы познания существуют на объективном уровне, в то время как интересы человека в большей степени являются субъективным феноменом.

Хабермас Юрген (род. в 1929 г.) – социолог, философ и политический теоретик. Один из наиболее значительных представителей «второго поколения» Франкфуртской школы. В 1971–1983 гг. содиректор Института по исследованию условий жизни научно-технического мира имени М. Планка в Штарнберге, затем профессор Франкфуртского университета имени И.-В. Гете.

Хабермас различает три системы знания и соответствующих им интересов. Интересы, которые лежат в основе каждой из систем знания, обычно неизвестны людям, поэтому задачей критической теории является их открытие.

Первый тип знания – это *аналитическое знание*, или *классические позитивистские научные системы*. С точки зрения Хабермаса, лежащий в основе этого типа знания интерес – это

технический контроль, который находит применение по отношению к окружающей среде, другим обществам, а также людям внутри общества. Он полагает, что аналитическая наука легко превращается в подавляющий контроль.

Второй тип системы знания – это *гуманистическое знание*, и его интерес сводится к *пониманию* мира. Он исходит из общего представления, что понимание нашего прошлого в целом помогает нам понимать происходящее сегодня. Такая система знания имеет также практический интерес в понимании друг друга и понимании самого себя. Он не подавляет, но и не освобождает.

Наконец, третий тип – *критическое знание*, которое представляет сам Хабермас и «Франкфуртская школа» в целом. Интерес, породивший этот тип знания, – это *освобождение человека*. Как предполагалось, критическое знание, разрабатываемое Хабермасом и другими теоретиками, будет способствовать подъему самосознания масс (через механизмы, разработанные фрейдизмом), что приведет к возникновению социального движения, которое и обеспечит желаемое освобождение.

Хабермас неоднократно указывал в своих работах, что его целью на протяжении многих лет была разработка теоретической программы, которая могла бы быть понята как реконструкция исторического материализма. Хабермас принял важное положение Маркса (человеческий потенциал) как свое собственное. Тем не менее, по его мнению, Маркс не сумел увидеть различие между трудом (работой, целенаправленно-рациональной деятельностью) и социальным (символическим) взаимодействием (или коммуникативным действием). С точки зрения Хабермаса, Маркс проигнорировал последнее, что привело к определенной ограниченности его теории. По Хабермасу, проблема работ Маркса в ограничении самогенерирующего действия человеческого существа только трудом. Теоретик прямо говорит, что в качестве начальной точки своего рассуждения он принимает различие между работой и взаимодействием. В сущности, это различие проходит красной нитью через все труды Хабермаса, хотя с течением времени он начал ис-

пользовать другие термины: *целерациональное действие* (работа) и *коммуникативное действие* (взаимодействие).

В свою очередь, рассматривая целерациональное действие, Хабермас вводит еще одно различие: инструментальное действие и стратегическое действие. И то, и другое, направлено на рассчитанную реализацию собственного интереса. *Инструментальное* действие предполагает наличие одного действующего лица (актера), который *рационально* анализирует наилучшие средства для достижения поставленной цели. *Стратегическое* действие предполагает наличие двух или трех индивидов, которые координируют свои целерациональные действия ради достижения какой-то цели. Целью и инструментального и стратегического действия является инструментальное господство.

Наибольший интерес для Хабермаса представляет коммуникативное действие, то есть действия людей, которые координируются не с помощью эгоцентрических калькуляций успеха, а через акты *достижения понимания*. Участники коммуникативного действия не просто прежде всего ориентированы на свой собственный успех; они реализуют свои индивидуальные цели при условии, что они могут *гармонизировать* свои планы действий на основе *общего определения ситуации*. Иными словами, индивидуальная цель не достижима без коммуникативного взаимопонимания.

В коммуникативном действии имеется важный речевой компонент. Однако оно не сводится только к речи и невербальной коммуникации, оно значительно шире.

Основное отличие Хабермаса от Маркса заключается в утверждении, что именно коммуникативное действие, а отнюдь не целерациональное действие (работа), является отличительной особенностью феномена человека. Хабермас говорит о неискаженной коммуникации, то есть коммуникации без принуждения. Отталкиваясь от этого требования, Хабермас подверг критике искаженную коммуникацию. Хабермаса интересовали такие социальные структуры, которые и осуществляют искажение коммуникации, подобно тому, как Маркс исследовал

структурные источники искажения труда. Однако Маркса и Хабермаса сближает то, что у них обоих была основная идея, и это позволило им избежать релятивизма и выносить суждения относительно различных исторических феноменов.

Хабермас подверг серьезной критике Макса Вебера и многих представителей критической теории именно за отсутствие основной идеи. Кроме того, для обоих мыслителей основная идея представляет не только аналитическую точку отсчета, но и политическую цель. Иными словами, если для Маркса такой целью было коммунистическое общество, в котором будет иметь место неискаженный труд людей, то для Хабермаса политической целью будет общество неискаженной коммуникации (коммуникативного действия). Маркс стремился к уничтожению капиталистических барьеров на пути к неискаженному труду. Хабермас был заинтересован в уничтожении барьеров для свободной коммуникации. Аналогичным образом, с помощью *терапевтической критики*, то есть формы аргументации, которая помогает прояснить систематическое самовосприятие, критический теоретик пытается помочь людям в целом преодолеть социальные барьеры на пути к неискаженной коммуникации. Таким образом, существует аналогия между психоанализом и критической теорией. Психоаналитик помогает пациенту во многом тем же способом, что и критик помогает угнетенным группам общества.

Как и у Маркса, хабермасовский идеал будущего общества находится в современном мире. Мы подходим к проблеме рационализации в трудах Хабермаса. Здесь чувствуется влияние не только Маркса, но и Вебера. Хабермас вводит различие *между* целерациональным действием и коммуникативным действием. Более ранние теоретики концентрировали свое внимание, считает Хабермас, на рационализации целерационального действия, которое привело к росту производительных сил и расширению технологического контроля над жизнью. Эта форма рационализации, как об этом писали и Вебер, и Маркс, является главной, возможно, самой главной проблемой современного мира. Однако проблемой является рацио-

нализация целерационального действия, а не рационализация как таковая. Фактически он предпочитает рационализацию коммуникативного действия. Рационализация коммуникативного действия, собственно, и делает его свободным от господства. Рационализация, тем самым, воплощает эмансипацию, снимает ограничения с коммуникации. Именно здесь находится место для легитимации и идеологии. Именно они и являются двумя наиболее важными причинами искажения коммуникации и должны быть поэтому уничтожены.

Развитие новой, менее ограничивающей нормативной системы лежит в центре теории социальной эволюции Хабермаса. Вместо новой производительной системы рационализация приводит к новой, менее искаженной нормативной системе.

Конечной точкой эволюции, по Хабермасу, является рациональное общество. Под *рациональностью* он понимает устранение барьеров, искажающих коммуникацию, а в более широком смысле она означает систему коммуникации, в которой идеи представляются открыто и защищаются от критики, а с помощью аргументации достигается соглашение.

Хабермас вводит и еще одно различие между коммуникативным действием и дискурсом. Если коммуникативное действие имеет место ежедневно, то **дискурс** – эта такая форма коммуникации, которая выведена за пределы контекста опыта и действия и структура которой убеждает нас, что рекомендации, предупреждения и утверждения являются эксклюзивным объектом дискуссии; а также, что ее участники, равно как и темы, ничем не ограничены, разве что только отсылкой к цели обсуждения поставленных вопросов; что не применяется никакая иная сила, кроме еще лучшего аргумента, и что всякие мотивы, за исключением совместного стремления к истине, исключены.

В теоретическом мире дискурса спрятанная под миром коммуникативного действия существует **«идеальная речевая ситуация»**, в которой не сила и не власть, а наилучший аргумент празднует победу. Чем убедительнее аргументы и надежнее свидетельства, тем ближе к истине подходят говоря-

щие. Аргументы, которые вытекают из дискурса (и относительно которого участники приходят к согласию) являются истинными. Тем самым, Хабермас признает консенсусную теорию истины. Такая истина является частью всей коммуникации, а ее полным воплощением становится цель эволюционной теории.

Консенсус теоретически возникает из дискурса, когда все четыре типа обоснования признаются всеми участниками, а именно:

- 1) утверждения говорящего воспринимаются как понятные и продуманные;
- 2) предложения говорящего истинны; его текст содержит достоверное знание;
- 3) говорящий выглядит правдивым в момент, когда выдвигает предложения – ему верят;
- 4) говорящий имеет право выдвигать соответствующие предложения.

Консенсус и возникает, когда все эти требования приняты, и он разрушается, если одно из условий оказывается сомнительным. В современном мире действуют силы, которые разрушают этот процесс, не допуская возникновения консенсуса, и именно эти условия должны обеспечить идеальное общество Хабермаса.

Таким образом, в рамках традиции критической теории Хабермас разработал свою собственную. Он и сегодня остается ведущим теоретиком левого политического спектра.

Тема 4.

Демократия и гражданское общество

Современные представления о природе человека

В 1960–70-е годы большое влияние в академическом обществе приобрели работы двух авторов – Эриха Фромма и Герберта Маркузе. В свою очередь, на труды обоих мыслителей большое влияние оказал психоанализ, в особенности работы Зигмунда Фрейда. Поэтому их взгляды на природу человека в немалой степени предопределялись сознанием, При-
сущим современному миру.

Прежде чем рассмотреть подходы Фромма и Маркузе, следует немного остановиться на фрейдистской теории природы человека.

Фрейд Зигмунд (1856–1939) был основателем психоанализа.

Фрейд родился в Австрии, там же учился на невропатолога. Занимаясь клиническими исследованиями проблем истерического паралича, он заинтересовался возможностями, которые предоставляют бессознательные умственные процессы для лечения этого заболевания. Используя сначала метод гипноза, а затем метод толкования сновидений и словесных ассоциаций, которые он ввел в практику, Фрейд сделал крупное открытие в области исследования работы мышления. Его исследования бессознательного и упор на главенствующую роль сексуальности в умственной жизни взрослых и детей вызвали много споров и навлекли на Фрейда серьезную критику, как со стороны медицинского сообщества, так и со стороны общественности. Тем не менее, у Фрейда было много учеников и последователей, который развили его научные открытия и усовершенствовали терапевтический метод. Несмотря на то, что лишь небольшая часть современных психиатров и психо-

аналитиков называют себя «фрейдистами», в действительности все области психиатрии многим обязаны Фрейду. В последние годы своей жизни Фрейд вынужден был покинуть Австрию, чтобы избежать преследования со стороны нацистов. Умер он в Англии.

Диагноз Фрейда относительно условий человеческого существования очень близок к выводам Томаса Гоббса. Каждый ребенок, по Фрейду, это потенциальный тиран, готовый господствовать, даже уничтожить любого, кто не позволяет ему мгновенно исполнить свое желание. Он – прирожденный эгоманьяк: «Дай!», «Папа, посмотри на меня!», «Хочу пить» – обычные детские фразы. Часто он видит в отце конкурента за мамино влияние – Эдипов комплекс. Только его природная слабость и ограниченность ресурсов сдерживают его диктаторские амбиции и замашки.

Эти агрессивные импульсы и склонности никогда не исчезают, но они подавляются либо внешними силами, либо контролем «суперэго». Загнанные глубоко вовнутрь, они периодически выходят на поверхность, выражаясь в стремлении господствовать над другими людьми. Это объясняет, почему во время войны все эти инстинкты раскрываются полностью, когда армия оккупантов пыгает, насилует и убивает свои жертвы.

Фрейд дал следующую оценку человеческой психики:

«Люди – не мягкие существа, стремящиеся к тому, чтобы их любили, и которые в лучшем случае могут защитить себя, если на них напали; они, наоборот, – существа, в которых инстинктивный дар содержит немалую долю агрессивности. В результате сосед для них – не потенциальный помощник или сексуальный объект, а некто, провоцирующий на удовлетворение по отношению к нему своей агрессивности, эксплуатацию его способности работать без компенсации, нанесение оскорбления, причинение боли, провоцирующий пытки и убийства. *Nomo homini lupus.* (Человек человеку волк – А. Т.). Кто перед лицом всего своего опыта жизни и истории имеет мужество оспорить это утверждение?»

С точки зрения Фрейда, ни одна цивилизация, общество или форма политической организации не могут полностью выразить и реализовать человеческий потенциал, поскольку само существование общества зависит от сублимации определенных инстинктов и даже их подавления. Мужчины и женщины имеют ярко выраженную двойственную природу. Они живут в двух измерениях – в царстве инстинктивного стремления к удовольствию и в социальной сфере.

Там, где правит принцип удовольствия, в людях срабатывает прежде всего животное начало. Они стремятся максимизировать удовольствие и минимизировать боль, в особенности связанные с сексуальным удовлетворением. Вспомним, что Томас Гоббс писал, что неограниченное стремление к удовольствию несовместимо с существованием упорядоченного общества. В социальной жизни полное и безболезненное удовлетворение желаний человека невозможно, так как ресурсов хронически не хватает, и люди неизбежно приходят в конфликт друг с другом. Понимание этого приходит к человеку еще в детстве. В результате принцип удовольствия модифицируется, а значение принципа реальности, предопределяющего социальность, растет. Принцип реальности находит свое воплощение в институтах, критериях и обычаях, знакомство с которыми и составляет смысл воспитания.

Растущая приверженность принципу реальности неизбежно трансформирует принцип удовольствия. Инстинктивное стремление к удовольствиям сублимируется в социально приемлемых практиках и подавляется во имя принципа реальности.

Цивилизация обладает ценностью, поскольку «высочайшая психическая активность» играет большую роль в жизни людей, но сам факт наличия этой активности зависит от сублимации или подавления большей части мощных человеческих инстинктов. Тип сублимации, который Фрейд имел в виду, – это, прежде всего эротические желания, которые необходимо заменить социально приемлемыми, такими, например, экономичность, страсть к порядку и чистоте. Возможности реа-

лизации желаний также сильно ограничены. Очевидно, что подчинение диктату принципа реальности означает нечто большее, чем простую модификацию инстинктивной жизни человека, оно предполагает фундаментальные изменения.

Сталкиваясь с мощными, потенциально разрушительными устремлениями человека, цивилизованное общество постоянно подвергается угрозе. Общество должно неустанно трудиться с тем, чтобы предотвращать взаимную враждебность, которая легко переходит в насильственный конфликт. Это предопределяет значение правительства, основная задача которого – введение закона и поддержание порядка в своей стране. Зная природу человека, нельзя не признать, что цивилизация – огромное достижение, полагал Фрейд, но следует ожидать, что периодические обвалы цивилизации в дикость – почти неизбежны.

Фрейд полагал, что в то же время для людей жизнь в цивилизованном обществе отнюдь не безвредна: подавление инстинктивных желаний и сублимация порождают неврозы. Например, он считал, что человечество не отказалось от гетеро-сексуальности только потому, что это необходимо для воспроизведения человеческого рода и продолжения цивилизации. Однако ограничение сексуальной активности приводит к неврозам, создавая напряжение между внутренними потребностями и требованиями общества. Отсюда – неизбежное напряжение между человеком и обществом. Получается, что только с помощью самоограничения человек может стать полноценным членом своего общества, поскольку это предполагает глубокую связь с его нормами и стандартами. Тем не менее, полной идентификации никогда не бывает.

Благодаря фрейдистскому подходу к проблеме природы политической идентичности, психотерапия приобрела политическое измерение. Однако оно связано с терапевтическими, а не с реформаторскими целями. Таким образом, не бывает идеального общества, к которому все в равной степени испытывали бы привязанность и которое полностью воплощало идеалы, желания и инстинкты индивидов.

Возможность фундаментальных реформ или революции с целью большего приспособления общественной организации к потребностям и потенциалу людей предполагает, что некоторые общества менее репрессивны, чем другие, а одни формы политической организации могут быть лучшим объектом приспособления человека, то есть такими, которые позволяют человеку жить в гармонии и с обществом, и со своими внутренними потребностями и желаниями. Позднее, Фромм и Маркузе поставили фрейдизм на службу идеалу освобождения человека. Но сам Фрейд этого не признавал. Его взгляды отличались социальным пессимизмом и консерватизмом. Тем не менее, благодаря Фрейду была установлена связь между политической теорией и психоаналитической теорией природы человека, что привело к изменению самого языка политической теории, она перестала рассуждать о власти, праве и других моральных категориях, а перешла к квазимедицинским категориям типа «потребности», «импульсы», «психическое здоровье», «невроз» и «патологии» в политической жизни. Иными словами, политическая теория начала представлять себя в качестве лекарства от болезней общества и человека.

Эрих Фромм: природа человека и политические реформы

Подобно тому, как Руссо критиковал Гоббса, Фромм и Маркузе критиковали Фрейда. Фромм и Маркузе во многом не соглашались друг с другом, однако они полагали, что Фрейд преувеличил человеческую агрессивность. Если Фрейд считал агрессивность неизбежной и инстинктивной, Фромм и Маркузе рассматривали ее как следствие социальных условий, подлежащих изменению.

Фромм Эрих (1900–1980) – видный немецкий психолог. Изучал психологию, социологию и философию во Франкфурте-на-Майне и Гейдельберге, а психоанализ – в Берлинском университете. В 1932 г. он опубликовал свою первую ра-

боту социального характера, предложив соединить фрейдизм с марксистской теорией социальных сил. После прихода нацистов к власти в 1934 г. Фромм был вынужден эмигрировать в США, где преподавал в Йельском и Колумбийском университетах, колледже Беннингтона и в других местах. В 1951 г. он стал профессором Национального университета Мексики. В 1971 г. переехал в Локарно (Швейцария), где и умер в 1980 г.

По Фромму, человеческая деструктивность вовсе не является основной мотивацией. Это превращенная форма приоритетной потребности в «трансцендентности». Человек обладает разумом и воображением и поэтому не может принять чисто пассивную роль в природе.

«Его ведет стремление выйти за пределы роли создания, случайности и пассивности своего существования, став «творцом», – подчеркивает Фромм. Обычно потребность в трансцендентности удовлетворяется конструктивно: давая новую жизнь, воспитывая детей или создавая произведения искусства, с помощью пения, любви или заботы. Таким образом, нормальное выражение этой потребности не представляет угрозы для социального порядка. Более того, сама склонность человека к формированию организованных обществ отчасти объясняется этой страстью.

Если стремление к трансцендентности не находит нормального и конструктивного выхода, то оно начинает искать какие-то другие, более доступные каналы выражения. В этом случае человек обращается не к творчеству, а к разрушению. В любом случае он превращается в создание, стоящее над объектами своего творчества или разрушения. Однако у человека нет заданного, инстинктивного стремления к разрушению. Он становится деструктивным только в том случае, если не находит другого способа выражения своей трансцендентности. То есть, это своего рода «вторичный потенциал».

Таким образом, Фромм не принял довольно пессимистического подхода Фрейда к общественной жизни и политике. Задача общества вовсе не в постоянной защите от инстинк-

тивной агрессивности его членов и не в создании условий для сублимации. Общество должно создать условие для реализации творческого потенциала граждан, то есть для выражения их конструктивной энергии. Политическая система вовсе не должна быть репрессивной, она должна лишь создавать возможности для раскрытия потенциала людей. А, следовательно, общество может быть изменено в интересах развития людей и реализации человеческого потенциала. Фромм совершенно правильно указывает, что социальная и политическая жизнь у Фрейда полна безысходности. Несомненно, общество находится в конфликте с асоциальными аспектами человеческого бытия, в особенности, с его потребностью в сексуальном удовлетворении, но оно может находиться в конфликте также и с наиболее ценными человеческими качествами, подавляемыми и искажаемыми некоторыми типами обществ. Фромм отрицает подход, предполагающий, что содержательная сторона жизни человеческой целиком предопределяется и структурируется обществом. А если это не так, то есть если наше представление о природе человека выходит за пределы социального порядка, тогда сама оценка общества может проводиться с той точки зрения, насколько оно соответствует природе человека. Сущностно важными чертами человека (но отнюдь не предопределенными социально) являются: стремление к счастью, гармонии, любви и свободе. Эти черты лежат в самой природе человека. Некоторые общества создают соответствующую форму социального опыта ради достижения и удовлетворения этих желаний, другие препятствуют этому или искажают сами потребности. С точки зрения Фромма, современные капиталистические общества относятся ко второй категории. Они не способны создать общества, в которых люди в состоянии действовать на основе своих глубоких инстинктов и желаний. В капиталистическом обществе человек становится отчужденным.

Отчуждение, по Фромму, – это тип душевного заболевания. Невротическая личность – отчужденная личность. Человек как бы отстранен от своих собственных действий. Либеральный капитализм – это форма социальной организации,

которая не только подавляет инстинкт стремления к удовольствию, но и принуждает человека к сублимации. Конечно, это присуще любому типу общества, однако либеральный капитализм искажает саму суть человеческого потенциала. Таким образом, Фромм увязывает душевную болезнь с моральным аспектом отчуждения.

Для того, чтобы управлять обществом, которое действительно сможет обеспечить душевное здоровье своих членов, то есть максимизирует постижение гармонии, любви и свободы и минимизирует отчуждение и отстраненность, Фромм предлагает различные реформы. Он детально раскрывает их в работе «Здоровое общество». Пытаясь совместить фрейдистские и социалистические взгляды, он утверждает, что только экономические перемены в инфраструктуре капиталистического общества будут недостаточными. Душевное здоровье, полагает Фромм, «может быть обеспечено только благодаря одновременным изменениям в промышленной и политической организации, в духовных и философских ориентациях, в характере, структуре и культурной деятельности. Концентрация усилий в одной из этих сфер при исключении всех остальных деструктивна для всей программы изменений».

Фромм полагает, что для успешной реализации намеченных реформ необходимо установление контроля со стороны народа за поведением «верхов» в экономике, участие рабочих в принятии решений на фабриках и заводах, политическая децентрализация, коммунитаристская реформа образования. Предполагается, что именно образовательный процесс может способствовать генерированию духовного обновления и новому открытию ритуалов и совместных акций, что могло бы сплотить людей на новых основаниях. Целью Фромма, очевидно, являлось общество коммунитаристского типа, в котором люди чувствуют себя одной семьей благодаря тесным связям друг с другом на всех уровнях. Иными словами, он предлагает трансформацию атомистического общества в коммунитаристское, то есть такое общество, в котором человек является целью в себе и никогда – инструментом для достижения чужой цели.

Еще в 30-е годы совместно с М. Хоркхаймером Фромм начал изучать авторитарную личность. В 1950 году вышла книга «Авторитарная личность», подготовленная другими теоретиками Франкфуртской школы – Т. Адорно, Д. Левинсоном и другими, в основу которой легли как их собственные исследования, так и результаты Фромма. Обобщая полученные результаты, М. Хоркхаймер сделал вывод, что теоретикам удалось описать новый антропологический вид – авторитарную личность. Этот тип личности соединяет в себе идеи и навыки, типичные для высокоразвитого индустриального общества с иррациональными и даже антирациональными убеждениями. Он одновременно является человеком просвещенным и зараженным предрассудками, он гордится своим индивидуализмом, но стремится стать похожим на других, он акцентирует собственную независимость, но готов подчиняться власти и авторитету. Именно этот тип личности не терпит чужого мнения, но одновременно содержит в себе изрядный потенциал фашизма, даже если живет в демократической стране.

Похоже, что в отличие от Фрейда, Фромм все же предполагает, что любое общество должно подавлять определенные сексуальные инстинкты, однако капиталистическое общество он обвиняет прежде всего в искажении и репрессиях по отношению к другим основополагающим желаниям людей – стремлению к свободе, любви и гармонии. Если капиталистические общества являются атомистическими, то есть обществами чужих друг для друга людей, то здоровое общество должно стать сообществом, имеющим соответствующую экономическую и политическую структуру. Таким образом, Фромм, по существу, избрал свой собственный путь описания моральных ценностей через постановку вопроса о здоровом и больном обществе. Таким образом, он выдвинул теорию, в соответствии с которой человек не предопределяется обществом, но общество предопределяется людьми. Фромм сформулировал концепцию природы человека, которая могла дать некоторые ориентации при разработке программ социальных и политических реформ.

Тема 5.

Гражданское общество и экономическое развитие

Карл Маркс и политическая теория

Марксистская политическая теория занимала и продолжает занимать важнейшее место в современной интеллектуальной жизни общества. В истории человечества, пожалуй, еще не было такой научной теории, которая оказала бы столь большое влияние практически на все области социального и гуманитарного знания. Опираясь на наследие «классиков» политической мысли, философии, истории и экономики, Маркс и Энгельс смогли сформулировать новое понимание общественного развития.

Марксистское мировоззрение сформировало социальное и политическое мышление по наиболее фундаментальным вопросам. Практически большинство современных проблем политической теории имеет марксистское происхождение. Например, одной из популярных тем в сегодняшних политико-теоретических дискуссиях между учеными разных «школ» является проблема роли культурных институтов в анализе современных индустриальных обществ. Хотя концепции и конкретные положения серьезно различаются в зависимости от места теории в политическом спектре, в целом имеется консенсус по поводу того, что культурные институты, как бы они ни понимались, заняли в обществе доминирующие позиции, которые раньше занимали экономические. В самом общем виде, таким образом, речь идет, используя марксистскую терминологию, об отношениях между *базисом* и *надстройкой*. Сегодня большинство политических и социальных мыслителей «переворачивают» эти отношения: по Марксу, приоритетом обладал экономический базис по отношению к надстройке,

теперь надстройке придается значительно большее значение. По-прежнему, сохраняются марксистские термины и представление об обществе в целом, а многие современные теории явно или скрыто имеют марксистское происхождение. Таким образом, идеи Маркса продолжают жить даже в трудах тех теоретиков, которые отвергают марксизм в целом.

Гегелевское наследие

Наиболее сильное влияние на формирование взглядов Карла Маркса оказал видный немецкий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831). Сейчас нам уже трудно представить, каким мощным центром притяжения интеллектуальной немецкой, да и всей европейской, мысли был Гегель в середине XIX столетия. Формирование молодого поколения в значительной степени происходило под знаком гегелевской философии. На период учебы Маркса в Берлинском университете как раз приходился спор между «гегельянцами» – убежденными сторонниками Гегеля, и «младогегельянцами» – в целом продолжавшими гегелевскую традицию, но критиковавшими многие отдельные аспекты его теории.

Среди «младогегельянцев» был и Людвиг Фейербах (1804–1872 гг.), впоследствии признанный также одним из крупнейших немецких философов XIX века. Критические идеи Фейербаха произвели сильное впечатление на молодого Маркса. Позднее он развил философские идеи Гегеля и Фейербаха, подняв их на новую высоту.

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) – один из крупнейших немецких философов, создатель системы абсолютного идеализма, профессор философии в Гейдельбергском и Берлинском университетах.

Его основные труды: «Наука логики», «Философия природы», «Философия права» и др.

Гегелевская философия стремилась дать оценку истории в целом. Вся история человечества, полагал Гегель, может быть рассмотрена как единый, организованный и *рациональный*

прогресс. Многие философы и историки рассматривали ее по-другому: как случайную цепь событий, которые следуют одно за другим хаотично и неорганизованно. Такой подход показался Гегелю искусственным и надуманным. Правильно следует рассматривать историю как связный рассказ о развитии и прогрессе. Этот прогресс не является гладким, последовательным или кумулятивным, он достигается в процессе борьбы, конфликта, разрывов в преемственности, которые, тем не менее, имеют свою логику.

Для Гегеля конфликт – это упорядоченный процесс, состоящий из формирования и преодоления противоречий. Тогда история человечества – это просто реализация потенциала, который присутствовал уже на более ранних стадиях развития. История – это естественное выражение сущностной природы людей, подобно тому, как дерево является естественным выражением сущностной природы семени. Поэтому человечество *должно* реализовать собственный потенциал развития. Гегель нисколько не сомневается в коллективистской природе истории, то есть это история человечества в целом, больших групп людей, но отнюдь не отдельных индивидов.

Подобно тому, как семя должно со временем превратиться в определенный сорт дерева, люди обречены придти к полной свободе. Сущностный потенциал людей никогда не найдет своего выражения, если их способность к развитию ограничена обстоятельствами и условиями жизни. Человечество получит свое полное развитие, когда станет свободным, то есть *свободным* от всех условных запретов. В процессе истории люди обязательно представляют собой нечто меньшее, чем истинная и полная природа человечества. Семя находит свое полное выражение в зрелом дереве. Так же и люди сумеют найти свое полное выражение только по окончании периода роста – то есть когда история завершится. Достижение полной свободы возможно только с окончанием «роста» людей.

Следовательно, наступит конец истории. Поскольку история является процессом изменений, через которые человечество реализует свой потенциал, в тот момент, когда он будет полностью реализован, дальнейшее развитие прекратится, а

стало быть, история закончится. История движется к своему концу в двух смыслах: 1) в форме конкретного результата, и 2) как бытие, направленное к своему концу. В каком смысле человечество развивается? Для Гегеля развитие выражалось, прежде всего, в развитии разума или духа. Гегель использовал немецкое слово «Zeitgeist», то есть «дух времени».

Тремя основными ступенями диалектически развивающегося духа являются: субъективный дух (антропология, феноменология, психология), объективный дух (право, мораль, нравственность) и абсолютный дух (искусство, религия, философия).

Если внимательно посмотреть на историю группы людей, то обнаружится, что их искусство, религия и философия в данное историческое время будут иметь определенное сходство, им будет присущ общий тип мышления, разделяемые взгляды. Эта концепция поддерживает коллективистские взгляды Гегеля, поскольку он полагает, что общее, которое мы находим у разных мыслителей одного и того же времени – не случайность. На них, как на отдельных индивидов оказывало влияние нечто большее. Иными словами, разум или дух, движущий исторический процесс, – это разум человечества, выражающийся в определенных людях и периодах.

Господствующий на данной ступни истории народ является носителем Мирового духа. Он получает единственный раз возможность составить эпоху всемирной истории.

Идеализм – одна из тенденций (характерных для философского объяснения мира) приписывать идеям большую реальность, чем чувственно воспринимаемым вещам, искать прообразы общих свойств вещей и явлений в значениях идей.

Материализм – одна из основных тенденций в философии, противоположная идеализму, и заключающаяся в установлении фактическим и логическим путем духовного и психического от материального. Материя и природа является первичной, идеи вторичны.

Имя Гегеля ассоциируется с философским идеализмом, подчеркивающим значение разума, ментальное, а не матери-

ального мира. С его точки зрения, социальный аспект физического и материального мира имеет наибольшее значение, а отнюдь не сами эти миры. По мнению Гегеля, люди с помощью пяти чувств обретают знание об окружающих вещах. Лишь позднее они обрели способность понимать также и самих себя. А это в свою очередь позволило им почувствовать, что они могут стать чем-то еще большим. С точки зрения гегелевской диалектики возникает неизбежное противоречие между тем, чем люди были, и тем, кем они хотят стать. Разрешение этого противоречия достигается через развитие способности человека обретать свое место в более широком духе общества. Люди начинают понимать, что их полная реализация возможна только при развитии и распространении духа общества как целого.

Таким образом, выстраивается цепочка:

Понимание вещи - понимание себя - понимание более широкой структуры.

Гегель, таким образом, предложил общую теорию эволюции мира. Это субъективистская теория, поскольку изменения происходят на уровне сознания, вне контроля индивидов. Иными словами, неизбежная эволюция сознания как бы «тащит» индивидов за собой.

Какова природа и логика исторического процесса? Поскольку развитие истории – это развитие мысли, а сутью мышления является логика, то из этого следует, что развитие истории – логический процесс. Для того, чтобы рассматривать историю как рациональный процесс, необходимо понять логику ее развития. Отсюда вытекает необходимость *диалектической логики*.

Для Гегеля первостепенное значение имеет развитие философии. Его история – это история цивилизаций, включая войны и внутренние конфликты. В любой момент исторического прогресса разум и дух людей и цивилизаций определяется противоречиями. Конфликт и развитие через конфликт являются интегральной частью социальной жизни.

Например, военные победы Наполеона были частью той же логики, что и философские аргументы Рене Декарта или Джона Локка. История общества, его интеллектуальной культуры, и даже самой философии – все это части одной тенденции. Разумеется, ни Наполеон, ни Декарт не предполагали, что всего лишь играют роль в этой тенденции. Гегель писал о «хитрости разума», показывая, как проявляется логическая тенденция в истории через людей, не понимающих, какую роль они играют. Только человек, овладевший философией Гегеля в состоянии понять эту логику истории.

Обратимся теперь к политической теории Гегеля. Единственный учебник, написанный Гегелем – это «Философия права» (1821 г.). Концепции свободы и государства предопределяют гегелевскую трактовку политики, этики и истории. Согласно Гегелю воля в своей сущности свободна. В отличие от животных мы имеем цели и сознательно к ним стремимся. Обладать волей – значит стремиться к свободе. Реализация свободы не зависит только от личности, она в то же время социальна.

Политическое мировоззрение Гегеля близко к древнегреческому. Он сформулировал теорию современного государства, понимая под ним не систему институтов (полиция, армия, образование, юриспруденция и т.д.), которая управляет жизнью любой современной нации, а объективное воплощение этической жизни. Иными словами, Гегель говорит о квазирелигиозном чувстве причастности к сообществу (полису).

В первой части «Философии права» Гегель говорит о **законах собственности**. Собственность – не есть нечто естественное, – писал Джон Локк, – она основывается на договоре. Частная собственность – это общественное отношение, которое зависит от признания других. Собственность связывает человека с обществом. Можно обладать чем-то, но это не будет собственностью, если факт владения не признан обществом.

Во второй части учебника речь идет о соотношении морали прав моральных субъектов с ответственностью за свои поступки. Третья часть посвящена социальной этике, описывает взаимоотношения между семьей, гражданским обществом и государством.

Гражданское общество, по Гегелю, это сферы производства, распределения и потребления продуктов, необходимых для удовлетворения определенных потребностей и желаний. Гражданское общество имеет свои собственные институты – общественное управление, организацию правосудия, полицию и корпорации. Гегель назвал эти институты гражданского общества «внешним государством», поскольку они являются простыми инструментами для достижения личных целей.

Под гражданским обществом он, по существу, имеет в виду буржуазное общество:

Гражданское общество создано, впрочем, лишь в современном мире, который всем определениям идеи предоставляет впервые их право.

С точки зрения развития понятия права – это необходимый этап.

Право, по Гегелю, употребляется в трех основных значениях:

1. право как свобода (идея права);
2. право как определенная ступень и форма свободы («особое право»);
3. право как закон («позитивное право»).

Гражданское общество раздираемо противоречиями, в нем сталкиваются различные личные интересы, это почти «война всех против всех», как у Гоббса. Здесь еще не достигнута полная свобода, оно не справляется с проблемами бедности и черни.

Государство – основание гражданского общества. Формирование современного государства связано с утверждением буржуазного строя.

«То, что есть государство – это шествие Бога в мире, его основанием служит власть разума, осуществляющего себя как волю».

Гегелевская идея государства – это правовая деятельность, в которой государство, которое также есть конкретное право, предстает как правовое государство. Свобода и означает наличие правового государства.

Называя нелепым демократический принцип - «все должны принимать участие в государственных делах», Гегель возвысил государство над индивидом и обществом. Он не понял, что в этом заложена идея будущего подавления личности государством, то есть ликвидации свободы и права. Тем не менее, гегелевский этатизм носит правовой характер и, тем самым, прямо противоположен тоталитаризму. Идеальным государством для Гегеля была конституционная монархия. Именно такое будущее он видел для Пруссии, которая, как он считал, вполне может стать «этически целенаправленным государством». Но так и не стала. История распорядилась по-другому.

Производство и природа человека: марксистский подход

Роль своего рода «мостика» между Гегелем и Марксом сыграли труды Людвиг Фейербаха. Будучи «младогегельянцем», философ критиковал Гегеля за увлечение проблемами сознания и духа общества. Фейербах как сторонник материалистической философии предположил, что необходимо отойти от субъективного идеализма Гегеля и перенести внимание с идей на материальную реальность и деятельность реальных людей. Особый интерес для Фейербаха представляла религия. Он полагал, что Бог - это проекция человеческой сущности. Люди создали Бога и поставили его над собой. Следствием стало то, что они оказались отчужденными от Бога и придали ему множество положительных характеристик, рассматривая себя как несовершенных, слабых и грешных. Фейербах полагал, что такую религию необходимо преодолеть, и это можно сделать с помощью материалистической философии, благодаря которой люди (а не религия) станут высшим объектом, то есть целями в себе. Предметом интереса материалистической философии являются именно реальные люди, а не абстрактные идеи.

Карл Маркс подверг фундаментальной критике идеи обоих философов. Он, подобно Фейербаху, выступил с критикой гегелевской идеалистической философии. В основе

этой критики лежала не просто его материалистическая ориентация, но и интерес к практической деятельности. Гегель рассматривал такие социальные факты, как богатство или государство, скорее, как идеи, нежели как реальные, материальные явления. Даже когда он обращался к такому материальному процессу, как труд, Гегель видел в нем лишь абстрактный, ментальный труд. Для Маркса же труд был реальным, так же как реальными, были и люди, занятые этим трудом.

Карл Маркс (1818–1883) родился в Трире (Пруссия) 5 мая 1818 года в семье юриста. В его роду были раввины, однако его отец по деловым соображениям принял христианство (лютеранство). В 1841 г. Карл получил степень доктора философии в Берлинском университете, где сильное влияние имели «младогегельянцы». Позднее он сотрудничал в либерально-радикальной «Новой Рейнской газете», через десять месяцев его назначили главным редактором. Однако вскоре правительство закрыло газету по цензурным соображениям. Уже ранние статьи Маркса отражали его мировоззрение, которому он остался верен на протяжении всей своей жизни. В то же время они содержали демократические принципы, были насыщены гуманизмом и юношеским идеализмом. Он отвергал абстрактность гегелевской философии, равно как и наивные мечты социалистов-утопистов.

Маркс женился в 1843 году на Женни фон Вестфален и вскоре после этого вынужден был покинуть Германию и переехать в Париж, где обстановка была более либеральной.

В Париже он не только знакомится с французским социализмом и английской политической экономией, но и приобретает друга на всю жизнь – Фридриха Энгельса. Энгельс – сын текстильного фабриканта, давно уже увлекался социалистическими идеями. В 1844 году состоялся знаменитый разговор Маркса и Энгельса в одном из парижских кафе, положивший начало их сотрудничеству и дружбе. В следующем году Энгельс опубликовал свою знаменитую работу «Положение рабочего класса в Англии», а также в соавторстве с Марксом такие работы, как «Святое семейство» и «Немецкая идеология». Перу самого Маркса в этот период принадлежат «Философские рукописи 1844 года».

Хотя у Маркса и Энгельса были общие теоретические ориентации, между ними было также немало различий. Маркс обнаруживал склонность к теории, был хорошим семьянином и во многом – типичным интеллектуалом. Энгельс был, скорее, практическим мыслителем, удачливым бизнесменом, не верившим в институт семьи. Несмотря на различия, Маркс и Энгельс создали союз, они вместе писали статьи и книги, вместе работали в радикальных организациях. И Энгельс даже поддерживал Маркса материально с тем, чтобы дать ему время для интеллектуальной и политической работы.

По просьбе Прусского правительства, французские власти выслали семью Марксов из Парижа. Они вынуждены были переехать в Брюссель. Радикализм Маркса продолжал усиливаться и он начал принимать все более активное участие в международном революционном движении. Он вступил в Коммунистическую Лигу и по просьбе товарищей вместе с Энгельсом написал знаменитый «Манифест Коммунистической партии». Именно в этом документе был сформулирован лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

В 1849 году Маркс переехал в Лондон. Разочарованный провалом европейской революции 1848 года, он отошел от политической деятельности и полностью посвятил себя науке. Именно в этот период он начал работу над своим фундаментальным анализом капиталистической системы. Результатом стали три тома «Капитала», которые начали публиковаться в 1867 году. В 1864 году Маркс вновь вернулся в политику – начал работать в «Интернационале». Его слава как теоретика и политика быстро росла. Тем не менее, Маркса постигло несколько тяжелых ударов судьбы: в 1876 году Интернационал был распущен, в 1881 году умерла его супруга, через год – дочь.

14 марта 1883 года Маркс скончался.

По мнению Маркса, гегелевский идеализм приводит к весьма консервативной политической ориентации. Как было показано выше, по Гегелю, процесс эволюции происходит вне контроля со стороны людей и отнюдь не под влиянием их деятельности. Иными словами, нет никакой необходимости в

революционных изменениях, если в любом случае люди просто плывут по течению в направлении расширяющегося мирового сознания. Любая проблема, по Гегелю, лежит в сознании.

Позиция Маркса принципиально отлична от гегелевской. По его мнению, проблемы современной жизни всегда имеют реальные, материальные источники (например, структура капитализма). И разрешение этих проблем возможно только через изменение этих структур с помощью коллективных действий большого числа людей. Если Гегель «поставил мир с ног на голову» (то есть сделал акцент на сознании, а не на материальном мире), то Маркс выстроил свою диалектику на материальной основе.

Маркс поддержал фейербаховскую критику Гегеля по целому ряду позиций (в частности, материализм и отрицание абстрактной стороны в гегелевской теории). Однако в целом теория Фейербаха также не удовлетворила его. Прежде всего, Фейербах, главным образом, интересовался миром религии, в то время как Маркс полагал, что анализу должен быть подвергнут весь социальный мир, в том числе и экономика. Хотя Маркс и принял материализм Фейербаха, он отверг его односторонность и отсутствие диалектики в его трудах. Фейербах, по его мнению, не понял самого важного в учении Гегеля – диалектики, а также отношений между людьми и материальным миром. Наконец, по Марксу, Фейербах, как и большинство философов до него, не понял значения практики – практической деятельности, в особенности, революционной деятельности. *Философы только объясняли мир, дело в том, чтобы изменить его.*

Таким образом, Маркс взял у двух великих мыслителей те идеи, которые считал наиболее важными: у Гегеля – диалектику, у Фейербаха – материализм. Критически осмыслив эти идеи, обогатив их своими собственными положениями, Маркс разработал диалектический материализм, изучающий диалектические отношения в материальном мире. Материализм Маркса и его интерес к экономике заставил его внима-

тельно изучить английскую политическую экономию, в частности, труды Адама Смита, Давида Рикардо и других представителей «классической» политэкономии. Некоторые положения их теорий привлекли внимание Маркса. В этих работах встретилось положение о том, что источником всякого богатства является труд. На этой основе Маркс разработал *теорию стоимости*. Он сделал вывод, что прибыль капиталиста основывается на эксплуатации труда наемных работников. Капиталисты платят рабочим меньше, чем они заслуживают, поскольку получают меньше, нежели стоимость того, что они в действительности производят в рабочее время. *Прибавочная стоимость*, удерживаемая и реинвестируемая капиталистом, составляет базис всей капиталистической системы. Капитализм рос благодаря постоянно возрастающему уровню эксплуатации рабочих (а, следовательно, и объему прибавочной стоимости) и инвестированию прибыли в экспансию системы. Прочитав К. Маркса:

«...В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, над которым возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С измене-

нием экономической основы более или менее происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче – от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт, борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий социальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами, производственными отношениями...»

К. Маркс. К критике политической экономии. Предисловие.

В то же время К. Маркс высказал критику в адрес политэкономов за то, что, вскрыв язвы капитализма, они рассматривали их как его неизбежный компонент. Более того, они призывали людей к принятию капитализма и к упорному труду во имя успеха в этой системе. Они также, с точки зрения Маркса, не заметили извечный конфликт между капиталистами и рабочими и не поставили вопрос о радикальном изменении экономического порядка. Маркс же, как известно, был последовательным и убежденным сторонником радикальных перемен, перехода от капитализма к социализму.

Пролетариат / буржуазия – в трудах Маркса пролетариат – это городское население рабочих, получающих заработную плату. Буржуазия – средний класс, состоящий из владельцев фабрик, магазинов, а также банкиров, финансистов и их помощников, включая чиновников и лиц интеллектуального труда. Термин «пролетарий» происходит от древнего латинского слова, обозначавшего низший класс населения Рима. Термин «буржуазия» происходит от средневекового понятия «бурж», означавшего обнесенный стенами город. Бюргеры, или буржуа, были жителями такого города, а позднее буржуа

стали называть торговцев и руководителей цехов, которые составляли экономическую элиту городов в противоположность аристократам, благосостояние и власть которых основывались на землевладении.

Перу Маркса принадлежит множество работ, посвященных практически всем аспектам жизни и развития общества и государства. Крайне трудно кратко изложить их содержание. Попытаемся остановиться хотя бы на основных его идеях, имеющих отношение к политической теории.

Маркс разработал теорию капиталистического общества, в основе которой лежит специфическое представление о природе человека. Он полагал, что люди в основе своей являются производительными существами, то есть для того, чтобы выжить, они вынуждены трудиться, при этом взаимодействуя с природой и находясь внутри нее. Они производят пищу, одежду, инструменты, дома и другие необходимые для жизни вещи. Благодаря своей естественной производительности, люди, кроме того, выражают свой творческий потенциал. Творческие импульсы реализуются совместно с другими людьми, иными словами, люди по природе своей социальны. Они должны в совместном труде создавать все, необходимое для жизни.

На протяжении всей истории этот естественный процесс подвергался искажениям, поначалу под воздействием убогих условий жизни в примитивном обществе, а позднее – разнообразных структур, создаваемых обществом. Эти структуры вмешиваются в естественный производственный процесс. Но именно в капиталистическом обществе это проявилось наиболее сильно – слом естественного производственного процесса достиг своей кульминации.

Материальная база (базис) – состоит из трех элементов: средства производства (сырье, земля и энергетические ресурсы, с которыми работают люди), производительные силы (фабрики, машины, технологии, знание и опыт) и производственных отношений. Система отношений, связывающая тех, кто обладает контролем над средствами производства, и тех, кто ими не обладает и продает свой наемный труд, называется производственными отношениями.

Надстройка – второстепенные аспекты общества, такие, как структура законодательства, господствующая религия, искусство и литература, а также форма и организация государства. Общество, тем самым, основывается на той его части, которая называется базисом.

В условиях капитализма происходит слом естественной связи между людьми, а также между людьми и тем, что они производят. В этом заключается смысл концепции *отчуждения*.

Отчуждение – Маркс рассматривает людей как существ, участвующих в общественном производстве, которые реализуют себя и обретают свое счастье через свободное, производительное, здоровое осуществление своих естественных способностей в совместном труде с другими людьми. Капитализм мешает этому осуществлению, отчуждая людей от продуктов труда, от самого труда, от их собственной человеческой природы и друг от друга. В результате происходит обнищание большинства, абсурдное в условиях технической рациональности.

Отчуждение возникает в силу наличия двух классов в обществе, когда малочисленные капиталисты владеют всем производственным процессом, продуктами производства и рабочим временем тех, кто на них работает. Вместо того, чтобы производить для себя, что было бы естественным, в капиталистическом обществе люди производят нечто для капиталиста. С интеллектуальной точки зрения, Маркса прежде всего интересовали структуры капитализма и то, как они эксплуатируют трудящихся. В плане политической теории этот интерес подтолкнул его к разработке проблем освобождения людей от капиталистической эксплуатации.

Таким образом, для Маркса особое значение имеет тот факт, что одни люди контролируют других. И дело не только в том, что одна группа населения участвует в физическом труде, а другая нет, суть дела заключается в наличии *частной собственности*. Иными словами, линия водораздела проходит между теми, кто владеет средствами производства, и теми, кто продает свой наемный труд. Первые контролируют, или иначе, эксплуатируют вторых. Эксплуатация заключается в том, что

те, кто непосредственно не участвуют физически в производственном процессе, владеют частью продукта, произведенного другими, хотя сами ничего не сделали для его производства.

Маркс вовсе не считал себя политическим теоретиком. Его труды охватывают слишком широкий круг вопросов для того, чтобы ограничить их лишь политической теорией, однако в работах Маркса можно встретить многие ее элементы.

По мнению Маркса, главное место в надстройке занимает государство, являющееся инструментом правящего класса для сохранения своего господства. По мере изменения производственных отношений изменяется и характер государства. Внутренняя структура любого государства определяется степенью развития производительных сил. Новые производительные силы обязательно сопровождаются развитием разделения труда. Кроме того, все стадии этого развития могут рассматриваться как типы и формы собственности. Маркс выделяет четыре стадии в развитии собственности:

1. *Эдем*. Первобытно-общинный строй. Производства еще нет. Люди занимаются охотой и рыболовством, выращивают домашних животных. Разделение труда еще крайне примитивно, как правило, на уровне разделения труда внутри семьи.

2. *Рабство*. Сюда Маркс относит рабовладельческую и феодальную формации. Зародыши рабства были уже в Эдеме, однако своей «чистой» формы оно достигает только с ростом населения, общества усложняются, взаимодействие между племенами приобретает форму торговли или войны. В «Немецкой идеологии» Маркс пишет о том, что поначалу в сложных племенных общинах, возникших в результате объединения нескольких племен, сохраняются традиционные формы общинной собственности, которые существуют наряду с частной собственностью, которая поначалу возникает как аномалия, а в конечном счете вытесняет общинные традиции. При феодализме, который является системой производства, основанной на земельной собственности, государство контролировалось земельной аристократией. Все люди разделены на владеющих и не владеющих землей.

3. При капитализме основная форма собственности – *капиталистическая*. Появляется класс торговцев, капитализм и означает победу этого нового класса, который часто называют средним классом, или буржуазией. При капитализме, когда капитал имеет большее значение, чем земля, обладающий капиталом класс капиталистов контролирует государство. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс писали: «Современная государственная власть – это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии».

4. Еще одна форма собственности – *социалистическая*. Социалистическая революция может произойти, полагал Маркс, когда рабочие осознают свою власть над работодателями. Если буржуазную революцию можно охарактеризовать как победу буржуазии над феодальными землевладельцами, то социалистическая революция – это победа рабочих над буржуазией.

По Марксу, любая философская или политическая теория всегда служит господствующему классу. Теория Маркса также, носит классовый характер, но она служит другому классу – пролетариату. Исторический материализм Маркса, по существу, обосновывал необходимость революции рабочего класса.

Маркс предсказал появление нового класса промышленных рабочих – пролетариата, который в один прекрасный день вступит в бой с буржуазией. После победы пролетариата он будет заниматься «государственным управлением, но господства больше не будет».

Государство же попросту «*отомрет*» (позднее эта идея будет развита В.И. Лениным в работе «Государство и революция»). Прочитируем Фридриха Энгельса:

«Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность. Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство. Существовавшему и существующему до сих пор обществу, которое движется к классовым противоположностям, было необходимо государство, т.е. организация эксплуататорского класса

для поддержания его внешних условий производства, в особенности для насильственного удержания эксплуатируемого класса в определенных данным способом производства условиях подавления (рабство, крепостничество или феодальная зависимость, наемный труд). Государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видимой корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество: в древности оно было государством рабовладельцев – граждан государства, в средние века – феодального дворянства, в наше время – буржуазии. Когда государство наконец-то становится представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним».

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг.

Таким образом, в идеях Маркса можно выделить, по крайней мере, два варианта оценки отношений между государством и имеющимися классами общества.

Первая из них и, по-видимому, наиболее влиятельная, – это взгляд на то, что государство является инструментом господствующего класса, служащее его долговременным интересам. Именно этот подход был изложен в «Манифесте Коммунистической партии». Здесь Маркс говорит о классовой борьбе как простом столкновении противоположностей.

Вторая говорит об отношениях государства и конкретных классов общества. Именно об этом Маркс писал в статьях, посвященных политическим событиям во Франции – «Классовая борьба во Франции» (1850) и «Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта» (1852). Маркс подчеркивает наличие множества классов, а также показывает, каким образом государство, с одной стороны, доминирует в гражданском обществе, а с другой, – ограничивает власть буржуазии. Таким образом, государственные органы отнюдь не только выполняют функцию долгосрочной координации интересов господствующих классов. Маркс видел роль государства также и в ограничении и сдерживании тех, кто владеет средствами производства.

Классы – «...большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы – это такие группы людей, из которых одна может присваивать себе труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» (В.И. Ленин).

У Маркса с самого начала было немало последователей и еще больше противников. Можно даже утверждать, что вся политическая теория XX века в немалой степени является отражением спора между марксистами и антимарксистами. Более того, негативная реакция на идеи Маркса в немалой степени способствовала формированию современной западной политической теории как таковой.

Государство, таким образом, одновременно и является автономным, и служит интересам правящего класса. Следует, однако, заметить, что в своих ранних статьях Маркс еще не сформулировал целостного подхода к государству и его будущему.

Но и позднее Маркс не так уже много внимания уделил образу будущего коммунистического общества. Его больше интересовало, как именно можно приблизить крах капитализма. Он полагал, что противоречия и конфликты в капитализме диалектически приведут его к окончательному краху, но он не считал этот процесс неизбежным. В соответствующее время понадобятся определенные действия людей, и коммунистическое общество станет реальностью. В распоряжении капиталистов огромные ресурсы для предотвращения наступления коммунизма, но даже с ними сможет справиться классово сознательный пролетариат. Коммунистическое общество – это общество, в котором впервые можно будет достичь марксистского идеала производительности. С помощью современной техники люди будут взаимодействовать с природой и другими людьми гармонично ради производства необходимых для жизни матери-

альных благ. Иными словами, в таком обществе будет покончено с отчуждением. Он предсказал, что истинное коммунистическое общество, где не будет господства одного класса над другими, не будет нуждаться в государстве как таковом и заменит его рациональным управлением в общих интересах.

Неомарксистский постмодернизм: Фредерик Джемесон

Как было уже показано выше, типичной чертой постмодернизма является дизъюнкция между Модерном и Постмодерном. Тем не менее, некоторые постмодернисты, хотя и признают важные различия между эпохами, видят и определенную преемственность между ними. Наиболее известным примером такого подхода является эссе Фредерика Джемесона «Постмодернизм или культурная логика позднего капитализма» (1984), а также книга под тем же названием, опубликованная в 1991 году.

Он полагает, что капитализм переживает сегодня свою «позднюю» фазу, продолжая оставаться доминирующей чертой современного мира, но он уже воспринял новую культурную логику – постмодернизм. Иными словами, если культурная логика сегодня и изменилась, то лежащая в ее основе экономическая структура сохраняет свою преемственность с более ранними стадиями капитализма.

Джемесон отказался от весьма популярного среди постмодернистов (например, у Лиотара, Бодрийера и других) тезиса о том, что теория Маркса сама по себе уже является великой нарративностью и поэтому никак не может сочетаться с постмодернизмом. Джемесон стремится показать, что именно марксизм представляет наилучшее теоретическое объяснение самого постмодернизма. Если критика культуры Джемесона получила широкое признание, то за марксизм его сильно критиковали, особенно ортодоксальные марксисты. Критики полагали, что он дал неадекватный анализ экономического базиса культурного мира.

Вполне в духе марксистской диалектики, Джемесон видит в постмодернистском обществе одновременное наличие «катастрофы и прогресса». Вспомним, что и Маркс рассматривал капитализм: с одной стороны, как процесс освобождения и прогресса, а с другой – эксплуатации и отчуждения.

Джемесон прежде всего признал, что постмодернизм обычно ассоциируется с радикальным разрывом, однако позднее он поставил это положение под вопрос: означает ли он фундаментальное изменение или разрыв, или же это просто периодическая смена моды, то есть изменение, predetermined известным модернистским требованием обновления стиля?

Познакомимся с логикой его рассуждений.

Джемесон выделил три стадии развития капитализма:

Первая стадия – рыночный капитализм, то есть складывание единых национальных рынков. Эта стадия была проанализирована К.Марксом в «Капитале».

Вторая стадия – империализм, то есть появление системы глобальных экономических связей. Анализ этой стадии был проведен В.И. Лениным в работе «Империализм как высшая стадия капитализма» и ряде других трудов.

Третья стадия – поздний капитализм – связан с мощной экспансией капитала в районы, в которых не было товарных отношений. Эта экспансия представляет собой «самую чистую» форму капитала, которая когда-либо появлялась. Марксизм, по мнению Джемесона, не понимает нового исторического содержания капитализма, которое предполагает не модификацию марксистской теории, а ее расширение. Ключом к пониманию «позднего капитализма», по Джемесону, является его мультинациональный характер (выход за пределы западной традиции) и тот факт, что он колоссально расширил количество и разнообразие товаров на рынке (общество потребления).

Изменения в экономической структуре привели к культурным изменениям. Джемесон видит следующие закономерности:

- реалистическая культура соответствует рыночному капитализму;

- культура Модерна соответствует монополистическому капитализму (империализму);
- постмодернистская культура соответствует мультинациональному («позднему») капитализму

Очевидно, что в сказанном угадывается осовремененная версия положения Маркса о соотношении базиса и надстройки.

Капитализм эволюционировал от стадии монополистического капитализма (империализма), когда культура все же в какой-то степени еще оставалась автономной, к настоящему взрыву культуры на мультинациональной. Произошла мощная экспансия культуры, распространившейся на всю сферу социальной жизни – от экономических ценностей и государственной власти и вплоть до структуры человеческой психики, которая также приобрела «культурный» характер.

Реальность под влиянием этих процессов сводится к некоему «образу» реальности, превращается в псевдо-событие, то есть становится симулякрумом.

Симулякрум – от латинского слова, означающего «притворяться». Или иначе, подделка, вымысел. В то время как подделка строится на сходстве копии и оригинала или идеи вещи, симулякрум строится на несоответствии, на различии.

Джемесон описывает это как «господство культуры». Постмодернизм, таким образом, может быть описан как силовое поле, на которое воздействуют культурные импульсы. Или иначе, постмодернизм как «новая систематическая культурная норма» состоит из группы гетерогенных элементов. Термин «господство культуры» означает, что, хотя постмодернистская культура и преобладает, одновременно с ней действуют и многие другие импульсы и течения.

Постмодернистское общество, с точки зрения Джемесона, характеризуется четырьмя основными чертами:

1. *Отсутствие глубины, поверхностность.* Культурные проекты удовлетворяются поверхностными образами и не интересуются глубинным смыслом, то есть ограничиваются симулякрами, когда, например, в живописи невозможно отличить оригинал от копии. Симулякр – это копия копии, когда, ска-

жем, копируется картина, кото рая в свою очередь была написана с фотографии. Джемесон описывает симулакр как идентичную копию с оригинала, который никогда не существовал. Симулакр, по определению, поверхностен, ни о какой глубине не может быть и речи.

2. Ультра эмоций. Джемесон сравнивает две картины – близкий к фотографии портрет Мэрилин Монро (Уорхол) и классическую картину в традициях Модерна – «Крик» (Манч). Портрет Мэрилин Монро поверхностен, в нем нет места искреннему чувству. «Крик» – сюрреалистическая картина, показывающая человека в момент величайшего горя. Это эмоционально насыщенное произведение, типичное для уходящего в прошлое мира Модерна. В постмодернистском мире отчуждение сменилось фрагментацией. Последствием фрагментации стала безличность. Тем более удивительно, что у многих это вызывает эйфорию.

3. Потеря историчности. Мы не можем познать прошлое. Все, чем мы располагаем – это тексты, рассказывающие о прошлом. В этой связи Джемесон вводит термин «попурри», исключительно важный для постмодернистского мышления, поскольку историки не могут представить истину о прошлом или даже соединить в связном рассказе события прошлого, они удовлетворяются созданием «попурри» – совокупности идей, крайне противоречивых и запутанных. Более того, сегодня вообще нет ясного представления об историческом развитии течения времени. Прошлое и настоящее тесно переплетены. История не дает нам истинной картины прошлого, а только знакомит нас со своими идеями и стереотипами относительно прошлого. В качестве примера можно привести любой фильм на историческую тему (например, «Рэгтайм»). Там присутствуют атрибуты какой-то эпохи. В случае «Рэгтайма», это старинные автомобили, стилизованные под 20-е годы здания, туалеты по моде тех времен. Однако герои действуют и говорят вполне в соответствии с современным менталитетом, а многие вещи на экране попали туда явно из другой эпохи. Это и есть ни что иное, как утрата историчности. Между тем,

потеря чувства времени, неспособность различать прошлое, настоящее и будущее на индивидуальном уровне считается признаком шизофрении. Для постмодернистского индивида события всегда фрагментарны и прерывисты.

4. *Новые технологии*, которые ассоциируются с постмодернистским обществом. На смену производительным технологиям (например, конвейер по сборке автомобилей) пришла репродуктивная технология (компьютеры, телевизоры и т.д.). Телевизор, например, ничего не создает, кроме поверхностных образов, компьютер – виртуальной реальности. Вряд ли подобная техника вызвала бы восторг в эпоху промышленной революции.

Таким образом, Джемесон создает образ Постмодерна, в котором люди не в состоянии понять мультинациональную капиталистическую систему или взрыв культуры, в условиях которого они живут. Парадигму этого мира и место в нем человека Джемесон поясняет на примере отеля «Бонавентура» в Лос-Анджелесе. Этот отель был построен архитектором-постмодернистом Джоном Портмэном. Постоялец не может сориентироваться в холле отеля. Дело в том, что в отеле «Бонавентура» холл окружен четырьмя абсолютно идентичными башнями, в которых находятся комнаты. Поскольку все четыре стороны холла совершенно идентичны, постоялец не в состоянии сориентироваться, в какую сторону идти. Джемесон называет это «гиперпространственным» местом, в котором представления о пространстве, типичные для Модерна, оказываются совершенно бесполезными. Позднее администрация отеля вынуждена была ввести цветные коды и таблички с указанием направлений. Однако в соответствии с первоначальным проектом отель был построен таким образом, что сориентироваться в холле отеля человек был не в состоянии. Джемесон использовал этот пример для того, чтобы показать нашу неспособность ориентироваться в среде, которую создают мультикультурный капитализм и культурный взрыв, присущий «позднему капитализму».

Джемесон – марксист, поэтому, в отличие от других постмодернистов, он все же попытался сформулировать хотя бы частичное разрешение проблемы постмодернистского обще-

ства. По его мнению, для этого необходимы познавательные карты, с помощью которых можно сориентироваться. Однако карты прошлого вряд ли смогут здесь помочь. Необходим прорыв в немыслимо новые типы представлений «позднего капитализма», с помощью которых можно будет понять, каково наше положение как индивидуальных и коллективных субъектов, и вновь обрести способность действовать и бороться. Сегодня эти способности людей полностью нейтрализованы благодаря социальному замешательству. Политическая форма постмодернизма будет иметь в качестве основной задачи открытие и проектирование глобальных познавательных карт. Под познавательными картами Джемесон понимает классовое сознание – чисто марксистский термин. Однако речь идет о новом типе классового сознания. Познавательные карты могут формироваться на основе разных источников – трудов политических и социальных теоретиков, писателей и обычных людей, способных определить и сформулировать свой собственный путь. Карты – не самоцель, так как они могут быть использованы в качестве основы для радикальных политических действий в постмодернистском обществе.

Джемесон полагает, что мы ушли из мира, рассматриваемого во временных координатах, поэтому без карты нам не обойтись. Нынешний мир определяется пространственно. Доказательством этого и служит идея гиперпространства в отеле «Бонавентура». Поэтому для Джемесона важнейшей проблемой сегодняшнего дня является потеря способности определить наше положение в этом пространстве и найти его на познавательной карте.

Сильной стороной трудов Джемесона является его попытка синтезировать марксистскую политическую теорию и постмодернизм. Однако его позиция, что, впрочем, вполне естественно, вызвала одинаковое раздражение и у марксистов, и постмодернистов. Марксисты критиковали его за излишне сильный акцент на культуре, постмодернисты – за принятие тотальности. Но такова судьба всякого, кто пытается объединить разные позиции, во многом противоречащие друг другу.

Тема 6.

Трансформация современных гражданских обществ

Мишель Фуко

Наряду с Деррида, одним из крупнейших представителей постструктурализма является Мишель Фуко. В отличие от структуралистов, интересовавшихся, главным образом, проблемами лингвистики, Мишель Фуко работал по целому ряду теоретических представлений. Разумеется, Мишель Фуко испытал влияние своих предшественников, однако он не просто опирался на их идеи, а сумел их трансформировать таким образом, что сумел интегрировать их в свою весьма необычную теоретическую ориентацию. Например, он анализирует веберовскую теорию рационализации, но делает из нее другие выводы: никакой «железной клетки» нет, поскольку рационализация повсюду встречается с сопротивлением. В работах Фуко можно встретить и марксистские идеи, однако его больше интересовала «микро-политика власти», нежели власть на уровне общества. Нередко он прибегал и к методам герменевтики для того, чтобы лучше понять социальные и политические феномены. В трудах Фуко ощущается, кроме того, влияние феноменологии, однако он отрицал идею автономного, придающего смысл субъекта. В его текстах мы находим также элементы структурализма, но он не признает формальную модель поведения в соответствии с правилами. Что еще важнее, Фуко разделял интерес Ницше к отношениям между властью и знанием. Именно такое многообразие теоретических подходов и позволило причислить Фуко к постструктурализму.

Фуко Мишель (1927–1984) – один из наиболее известных французских философов и политических мыслителей второй половины XX века. Славу ему обеспечило несколько неорди-

нарных произведений, оказавших сильное влияние на развитие современной социальной и политической мысли. Среди работ Фуко заметное место занимают не только его труды о власти, но также и трилогия, посвященная проблемам сексуальности – «История сексуальности» (1976), «Забота о себе» (1984) и «Использование удовольствия» (1984). В этих работах ясно отразился интерес Фуко к проблемам сексуальности, в особенности нетрадиционной сексуальной ориентации. Известно, что он приобщился к наркотикам в известном месте – Забриски поинт в долине Смерти в Калифорнии.

Фуко стремился дойти до края не только в своей личной жизни, но и в работе. Именно это позволило ему стать одним из наиболее известных мыслителей нашего времени. «Не спрашивай меня, кто я, и не проси меня остаться таким же, – написал он однажды. – Больше, чем одна личность, без сомнения такая же как я, писала для того, чтобы не иметь своего лица». Фуко умер в 57 лет от СПИДа.

В ранних трудах Фуко влияние структурализма было особенно заметным. Однако с течением времени оно несколько ослабло, замещаясь другими теоретическими подходами. Остановимся более подробно на эволюции взглядов Фуко.

Фуко начал с разработки проблем методологии и того, что он назвал «археологией знания». Предметом его исследования были элементы знания – идеи, кредо, типы дискурсов. Он противопоставил свою «археологию знания» истории познания и истории идей, считая их излишне рациональными. По его мнению, в истории познания слишком много внимания уделяется преемственности. «Археология знания» стремилась установить определенные правила формирования условий того, что может быть сказано в рамках конкретного дискурса в любое данное время. Здесь ясно прослеживается влияние структурализма. Фуко проявлял особый интерес к проявлению дискурсивных событий, высказываемых в письменных утверждениях. В особенности его привлекали ранние формулировки того или иного положения. Он стремился вскрыть основные условия, сделавшие данный дискурс воз-

можным. Совокупность этих утверждений и то, каким образом они формируют науку, проистекает не из предмета, а из основных правил дискурса и сложившихся практик. Точнее, Фуко интересовался основными практиками дискурса, которые, собственно, и создали основу для научного дискурса, в особенности в гуманитарных науках. Позднее Фуко отказался от этого типично структуралистского подхода, поскольку он ничего не мог сказать с его помощью об отношениях между властью и знанием – ницшеанской проблемой, которая имела особое значение для Фуко.

Область интересов «позднего» Фуко может быть охарактеризована одной фразой – «генеалогия власти». Он многое берет у Ницше как философа, писавшего прежде всего о власти. Фуко начал размышлять о том, каким образом люди управляют собой и другими. В частности, он проследил, каким образом знание генерирует власть, превращая людей в подданных, и затем позволяет управлять ими с помощью знания. Он критиковал иерархизацию знания. Поскольку наиболее высоко ценимые формы знания (например, наука) обладают наибольшей властью, они и заслуживают самой серьезной критики. Фуко интересовали технологии, выводимые из знания (в особенности научного знания) и то, каким образом они используются различными институтами для осуществления власти над людьми. Хотя Фуко и сумел выявить связь между знанием и властью, «заговор элиты» оказался вне сферы его интересов, поскольку мыслителя больше привлекали структурные отношения. В истории Фуко не увидел прогресса от жестокости примитивных обществ к современному гуманизму, основывающемуся на более широкой системе знаний (об этом много писали в 50–60 гг.). По его мнению, история развивалась от одной системы господства (основанной на знании) к другой. Причем всегда знание-власть подвергается «вызовам», поскольку сопротивление им неизбежно. Фуко часто обращается к историческим примерам, но по-настоящему его интересует только современность. Фуко пишет историю настоящего.

В работе «Сумасшествие и цивилизация» (1965) он представил «археологию знания» на примере психиатрии. Фуко

начинает свое исследование с эпохи Возрождения, когда разум и безумие еще не были разделены. Между 1650 и 1800 гг., то есть в «классическую эпоху», между ними устанавливается различие и в конце концов разум подчиняет себе безумие. Иными словами, Фуко описывает «прерванный диалог» между разумом и безумием.

Разум торжествует в самом чистом виде, он одерживает триумф над застывшим безумием, которое выбрасывается из сферы воображаемой свободы. Время процветания безумия осталось в эпохе Возрождения. В Модерне для него уже нет места. «Кажется, еще совсем недавно оно, не стесняясь, выходило на белый свет, – пишет Фуко, – вспомним, хотя бы, короля Лира или дон Кихота. Но не прошло и полвека, как безумие оказалось заточенным в крепость».

Здесь очевидно влияние образа «железной клетки», описанного Максом Вебером. Безумные (иррациональное) отгорожены прутьями «железной клетки», построенной из разума (рационального).

Научная психология XIX века выросла именно на основе введения разделения между человеком безумным и находящимся в здравом уме, осуществленном в предыдущем столетии. Фуко даже назвал психиатрию «монологом разума о безумии». Поначалу медицина была ответственна за физическое и моральное лечение безумных, однако позднее научная психиатрия преодолела моральные барьеры. Иными словами, подлинно психологическая медицина стала возможной только тогда, когда безумие было противопоставлено норме в качестве вины. По мнению Фуко, то, что считается сегодня психиатрической практикой, – это вполне определенная современная моральная тактика, берущая свое начало в XVIII столетии, которая заключается в поддержке права на жизнь в сумасшедшем доме, и, по существу, воплощающая мифы позитивизма. Таким образом, для Фуко психология и психиатрия – моральное начинание, а не научная сфера, и направлено против безумных, которые не в состоянии защитить себя от такой «помощи». Практически безумцы приговорены так называемым научным прогрессом к заключению в «гигантской моральной тюрьме».

Фуко, как уже понятно, не признавал никакого научно-медицинского или гуманитарного прогресса в лечении душевнобольных. Однако он заметил другой прогресс: нормальные люди усиливают подавление и угнетение душевнобольных, а ведь еще в XVII веке права здоровых и больных ничем не отличались друг от друга. Кроме того, в последние годы душевнобольных даже перестали судить по законам здоровых, мол, сумасшествие само себя осудит. Во многих отношениях такой внутренний контроль – это наиболее репрессивная форма контроля. Таким образом, «археология знания» приводит мыслителя к совсем иным выводам, чем делают историки. Такой метод исследования позволил Фуко сделать весьма важные выводы относительно роли гуманитарных наук в усилении морального контроля над людьми.

Структурализм Фуко нашел свое выражение в том, что он выделил два типа безумия и показал, что на наиболее глубоком уровне безумие – это форма дискурса. Сумасшествие, особенно в «классическую» эпоху еще не связывалось с какими-либо психическими или физическими изменениями. Бессвязный язык бреда считался высшей истиной безумия. Вспомним, хотя бы, с каким почтением на Руси относились к юродивым.

Фуко использовал структуралистский метод и в более поздней книге «Рождение клиники», в которой он обратился к медицинскому дискурсу и лежащей в его основе структуре. Фуко писал: «В вещах, сказанных людьми, имеет значение не только то, что они могли бы думать по эту или ту сторону вещей, но и то, что их с самого начала систематизируют, делая для последующего времени бесконечно доступными новым дискурсам и открытыми задачам их трансформации».

В книгах «Сумасшествие и цивилизация» и «Рождение клиники» Фуко доказал, что медицина была предшественницей гуманитарных наук. Вплоть до XIX столетия медицина была наукой классифицирующей и ее основной фокус был направлен на установление упорядоченной системы болезней. Лишь с XIX века медицина начала обращать внимание на

сами болезни, на то, как именно они проявляются у отдельных индивидов и у более широкого общества (эпидемии, пандемии). Медицина, которая до этого занималась болезнью, теперь расширила сферу своего применения и начала заниматься также здоровьем людей – профилактикой заболеваний. Она встала на нормативную позицию, вводя различие между здоровыми и больными людьми, то есть между нормой и патологией. Тем самым она подготовила почву для гуманитарного знания, которое перенесло эту дихотомию норма/патология на людей вообще, а также общество и государство.

Дихотомия – последовательное деление на две части.

Однако клинической структуры у медицины в то время еще не было. Ключом к пониманию процесса эволюции является момент зарождения клиник, в которых пациенты наблюдались в условиях постельного режима. Здесь Фуко ввел очень важное для понимания его теории понятие – «взгляд», то есть такой взгляд, который одновременно является знанием. Иными словами, знание выводится из того, что врач видит, а не из книг. Будучи структуралистом, Фуко рассматривал взгляд как своего рода язык без слов. Неудивительно, что его заинтересовала глубинная структура этого языка без слов. Способность видеть и трогать (в особенности во время аутопсии) больных и даже мертвых привела к важнейшим изменениям и стала важным источником знания. Фуко рассматривает анатомо-клинический взгляд как «великий прорыв» в западной медицине. Таким образом, имела место не эволюция знания, а эпистемологический переворот. Врачи перестали играть по старым правилам. У новой игры были новые правила. Эта игра заключалась в том, что люди (пациенты) превратились в объекты научного знания и практики. Или, если говорить в структуралистских терминах, изменилась природа дискурса – названия болезней, их типология, сфера объектов и т.д.

Значение медицины для формирования гуманитарных наук, по Фуко, не только методологическое, но и онтологические, поскольку человек превращается в «Объект позитивного

знания. Приведем отрывок из текста Фуко в книге «Рождение клиники»:

«...Речь идет только об области медицины и о способе, которым в течение нескольких лет структурировалось особое знание о больном индивиде. Чтобы клинический опыт стал возможным как форма познания, была необходима полная реорганизация больничной сферы, новое определение статуса больного в обществе и установление определенного отношения между содействием и опытом, между помощью и знанием. Необходимо было поместить болезнь в коллективное и однородное пространство. Необходимо было также открыть язык совершенно новой области: постоянной и объективно установленной корреляции наблюдаемого и высказываемого. Итак, было определено абсолютно новое использование научного дискурса: использование безусловной верности и покорности многоцветному содержанию опыта – говорить то, что видится; но также использование формирования и установления опыта – побуждать увидеть, говоря о том, что наблюдается. Таким образом, медицинский язык было необходимо расположить на этом внешне поверхностном, но, на самом деле, глубоко скрытом уровне, где формула описания есть в то же время разоблачающий жест. И это разоблачение включает в себя в свою очередь дискурсивное пространство трупа как область первопричины и проявлений истины: раскрытую внутренность. Формирование патологической анатомии в эпоху, когда клиницисты определяли свой метод – не простое совпадение: равновесие опыта требовало, чтобы взгляд, устремленный на индивида, и язык описания покоились на устойчивом, видимом и разборчивом основании смерти.

Эта структура, где артикулируется пространство, язык и смерть – то, что в совокупности называется клиникоанатомическим методом – образует историческое условие медицины, которое представляет себя и воспринимается нами как позитивное. Позитивное – приобретает здесь глубокий смысл. Болезнь отрывается от метафизики страдания, которому на протяжении веков она была родственна, и обретает в наблюдаемости

смерти законченную форму, где ее содержание появляется в позитивных терминах. Болезнь, мыслимая по отношению к природе, была неоднозначным негативом, причины, формы и проявления которого объявляли себя не иначе как окольным путем и всегда издалека; болезнь, воспринимаемая по отношению к смерти, становится исчерпывающе разборчивой, без остатка открытой эффективному рассечению речью и взглядом. Именно тогда, когда смерть была эпистемологически интегрирована в медицинский опыт, болезнь смогла отделиться от контрприроды и *обрести плоть в живой плоти* индивидов.

Без сомнения, для нашей культуры решающим останется то, что первый научный дискурс, осуществленный ею по поводу индивида, должен был обратиться, благодаря этому моменту, к смерти. Именно потому, что западный человек не мог существовать в собственных глазах как объект науки, он не включался внутрь своего языка и образовывал в нем и через него дискурсивное существование лишь по отношению к своему опыту «безумия» дал начало всем видам психологии; от выделения места для смерти в медицинском мышлении родилась медицина, которая представляет собой науку об индивиде. И возможно, в целом, опыт индивидуальности в современной культуре связан с опытом смерти: от вскрытых трупов Биша до фрейдовского человека упрямая связь со смертью предписывает универсуму свой особенный облик и предуготовляет речи каждого возможность быть бесконечно услышанной; индивид обязан ей смыслом, который не прекращается вместе с ним. Разделение, которое она проводит, и конечность, метку которой она предписывает, парадоксально связывают универсальность языка с хрупкой и незаменимой формой индивида. Чувственный и неисчерпаемый для описания по истечении стольких веков, он находит, наконец, в смерти закон своего дискурса. Она позволяет увидеть в пространстве, артикулированном речью, телесное изобилие и его простой порядок.

Исходя из этого, можно понять важность медицины для создания наук о человеке: важность не только методологическую, в той мере, в какой она касается человеческого существа как объекта позитивного знания».

Многие темы, затронутые ранее, вновь появились в еще одной работе Фуко – «Дисциплина и наказание» (1979), однако в ней больше внимание уделено генеалогии власти и существенно меньше структурализму, дискурсу и т.д. Знание и власть, по мнению Фуко, прямо и непосредственно определяют друг друга. В этой работе Фуко обратился к периоду между 1757 и 1830 годами, то есть к тем временам, когда пытки заключенных были заменены контролем над ними на основании тюремных правил. Эти изменения происходили отнюдь не по рациональным основаниям. Считается общепринятым, что отказ от пыток и переход к правилам тюремного содержания означал гуманизацию обращения с криминальными элементами. Отношение к ним стало более доброжелательным, менее болезненным и менее жестоким. Реальность же, считает Фуко, заключается в том, что наказание стало более рационализированным. Возможно, пытки в давние времена и были публичным зрелищем, однако это была дурная политика власти, поскольку среди зрителей нередко возникали бунты, то есть пытки провоцировали изрядные неприятности для власти.

В случае пыток связь между знанием и властью очевидна. По мере развития правил, эта связь становится все менее ясной. Новая система правил была более регулярной, более эффективной, более постоянной и более детализированной. Иными словами, эффективность делала наказание дешевле. Новая система создавалась отнюдь не с целью более гуманного обращения с заключенными, а, наоборот, с целью усиления наказания. Так появилась новая технология власти и наказания. Она была более многообразной, более эффективной, более бюрократизированной по сравнению с пытками. Но, что самое главное, она была более безличной и предполагала слежку уже не только за преступниками, но и за всем обществом.

Новая технология дисциплинарной власти воспроизводила военную модель. Она представляла собой не столько всеобъемлющую систему власти, сколько систему множество микровластей. Фуко описал «микрофизику» власти с присущими ей бесчисленными точками противоречий. Дисциплинарная власть включает в себя три инструмента:

1. *Иерархическое наблюдение*, или способность официальных инстанций охватывать всю сферу своего контроля одним взглядом.

2. *Способность выносить нормализующие суждения* и наказывать тех, кто нарушает нормы. О человеке могут судить в негативном ключе и даже наказать по причинам временных отклонений в правилах (опоздание), в деятельности (невнимательность) или поведении (невежливость).

3. *Способность наблюдения за субъектами* и вынесения суждений о людях и их поведении. Последний инструмент дисциплинарной власти включает в себя два предшествующих.

Однако Фуко отнюдь не ограничивается негативным отношением к росту дисциплинарного общества, он видит в нем и положительные моменты. Например, он считает, что дисциплина совершенно необходимо в военной области, равно как и на производстве. Тем не менее, Фуко выражает серьезные опасения в связи с расширением сферы дисциплины, когда она, например, распространяется на государственную сферу, тем самым, превращая все общество в объект дисциплины.

По его мнению, дисциплина разлита по всему обществу, затрагивая практически все его части и аспекты. Можно сказать, что она затрагивает большинство главных институтов. Фуко риторически вопрошает: стоит ли удивляться, что тюрьмы напоминают фабрики, школы, бараки, больницы, которые, в свою очередь, напоминают тюрьмы? В конце концов, делает вывод Фуко, происходит распространение дисциплинарной системы и уголовно-пенициарных институтов на все общество. Здесь очевидно присутствует образ «железной клетки», хотя и в несколько другом смысле, чем у Вебера.

В этой работе Фуко снова обращается к проблеме происхождения гуманитарных наук – своей любимой теме. Переход от пыток к тюрьме означает переход от наказания тела к наказанию разума и души. Этот переход стал возможным с появлением понятия «нормы», нормальности, а также зарождением морали заключенного. В конце концов способность «судить» нашла свое проявление в появлении множества мелких «судей», таких, например, как психиатры и преподаватели.

Это дало толчок к зарождению новых отраслей знания. Люди стали рассматриваться в качестве объектов познания. Так родился новый научный дискурс. Из этого Фуко сделал вывод, что гуманитарные науки, всего за сто лет возвысившие человека, выросли из дисциплины, ограничивающей человека. Необходимо упомянуть и еще один важный вопрос, раскрытый Фуко в «Дисциплине и наказании». Он обратился к проблеме, каким образом знание превращается в технологию власти. Для примера он взял Паноптикум (круглую тюрьму, в которой помещение надзирателя находится в центре). Такое устройство тюрьмы дает возможность тюремщикам полностью держать заключенных под контролем. Более того, надзиратели даже не обязаны постоянно присутствовать в своем помещении – уже сам факт наличия подобной структуры изрядно ограничивает заключенных. Если Паноптикум построен в форме круглой башни, охрана видит все камеры. Таким образом, Паноптикум оказывается мощным источником власти для тюремщиков, поскольку обеспечивает им возможность тотального наблюдения за заключенными. Власть увеличивается еще больше, так как заключенные сами начинают себя контролировать, предполагая *возможность* наблюдения в любой момент. На этом примере, как считает Фуко, ясно прослеживается связь между знанием, технологией и властью. Он даже рассматривает Паноптикум как своего рода лабораторию по сбору информации о людях. На более высоком уровне абстракции Паноптикум становится для Фуко основанием всякого дисциплинарного общества.

Коротко остановимся и на еще одной работе Фуко – «Истории сексуальности» (1980). Здесь также акцент сделан на генеалогии власти. Сексуальность, с точки зрения Фуко, – это крайняя точка перехода во властных отношениях. Он рассматривает, каким образом секс вписывается в дискурс человеческого общества и то, каким образом власть воздействует на этот дискурс.

Фуко не согласился с широко распространенным мнением, что Викторианская эпоха в Англии означала подавление сексуальности в целом и сексуального дискурса в особенно-

сти. Вспомним, хотя бы, известный роман Фаулза «Женщина французского лейтенанта» и снятый по нему фильм. Наоборот, эта эпоха вызвала настоящий взрыв в развитии сексуального дискурса. Именно в те годы началось систематическое изучение сексуальности, ее классификация, накопление данных, проводились количественные и причинно-следственные исследования. По мнению Фуко, вся жизнь английского общества в эпоху королевы Виктории была пронизана сексуальностью, особенно в школах.

Особое внимание Фуко уделяет медицине и медицинскому дискурсу по поводу сексуальности. По-видимому, именно медицине в наибольшей степени свойственен научный подход к этой проблеме. Однако Фуко видит в медицинском подходе больше морали, чем науки. Он более чем критичен по отношению к медицине, утверждая, что она не столько стремится к истине, сколько старается не допустить ее раскрытия. Не меньшую роль в искажении нашего отношения к сексуальности сыграла и религия, в особенности западное христианство. По мнению Фуко, все это самым непосредственным образом связано с гуманитарными науками и их стремлением обрести знание по этому вопросу. Подобно тому, как верующие исповедуются священнику, они раскрывают все свои секреты перед врачом, психиатром или социологом. Исповедь, в особенности на сексуальную тему, неизбежно приобретает научную форму. На Западе, пожалуй, больше, чем где-либо еще, наука тяготеет к вопросам секса. Короче, секс может объяснить все, или почти все.

С точки зрения Фуко, научное исследование сексуальности предполагает, прежде всего, выяснение отношений между сексом и властью. Власть представлена здесь не как единое целое, а в виде множества микроэлементов. Власть и сопротивление этой власти – всюду.

До XVIII столетия общество контролировало преимущественно смерть. Но с начала этого века контроль был распространен и на жизнь, и, прежде всего, на секс. Власть над жизнью (сексом) имела две формы:

1) «анатомическая политика человеческого тела», целью которой было дисциплинирование человеческого тела (и, главным образом, секса);

2) «биополитика в отношении населения», целью которой является контроль и регулирование роста населения с помощью заботы о здоровье, жизненных ожиданиях (сначала нужно закончить университет, а потом уже думать о женитьбе) и т.д.

В обоих случаях общество начинает рассматривать жизнь как объект политики. На современном Западе секс стал важнее души и сравнялся по значимости с самой жизнью. С помощью познания сексуальности общество начинает использовать все большую власть по отношению к жизни. Однако несмотря на постоянное усиление контроля, Фуко видит также возможности для эмансипации (освобождения) через преодоление увлечения сексуальностью. Он видит возможности для роста сопротивления как со стороны тела, так и со стороны знания.

Фуко скончался в 1984 году, а его современник Деррида продолжает работать и сегодня. Тем не менее, течение философско-политической мысли, которое символизировали эти две фигуры, – постструктурализм, ушло в прошлое, будучи замещенным очень тесно связанным с ним постмодернизмом.

Между постструктурализмом и постмодернизмом всегда было крайне трудно провести демаркационную линию. Постмодернизм может быть рассмотрен как продолжение и превеличение постструктурализма. По-видимому, на сегодняшний день – это одно из наиболее влиятельных течений в социально-политической мысли Запада.

Тема 7.

Ценности гражданского общества

Маркузе: природа человека и революция

Проблема природы человека раскрыта Гербертом Маркузе в работе «Эрос и цивилизация». Подход Маркузе существенно отличается от взглядов Фромма, хотя и он тоже признает идеи Фрейда об инстинктивной агрессивности человека неверными и политически реакционными. Маркузе полагал, что Фрейд в своих поздних работах писал об агрессивности как манифестации «инстинкта смерти», или Танатоса. Целью инстинкта смерти является прекращение напряженности, боли и борьбы, то есть это не что иное, как негативная манифестация принципа удовольствия. Соответственно, первичным инстинктом человека становится Эрос, устремленность «либидо» к удовольствию и наслаждению.

Маркузе Герберт (1898–1979) – один из видных представителей «Франкфуртской школы», пытавшийся приспособить марксистскую теорию к новым историческим условиям 1920–1970 годов. В 1933 г. он присоединился к институту Социальных исследований во Франкфурте-на-Майне. В 1934 г. Маркузе вынужден был бежать от нацизма и эмигрировать в США, где и прожил всю свою жизнь. Во время второй мировой войны (с 1941 по начало 50-х годов) служил в Управлении стратегической службы, а после войны работал в Государственном департаменте США. В 60-е годы примкнул к «новым левым», заняв крайне радикальную позицию по отношению к капиталистическому обществу. Его даже называли «отцом новых левых».

Эрос и Танатос, то есть стремление к жизни и тяга к смерти – предстают в качестве оппозиционных друг другу сил, однако только в том случае, если мир враждебен по отношению к реализации приоритетного стремления человека

к удовольствию и наслаждению. Но если реальность способствует наслаждению от любви, то инстинкт смерти потеряет свой автономный статус и противоречие по отношению к Эросу. По мнению Маркузе, «конфликт между жизнью и смертью тем более ограничен, чем ближе жизнь подходит к состоянию наслаждения». В случае, если репрессии становятся ненужными, «Эрос воплотит в себе, как это уже было, цель инстинкта смерти».

Маркузе полагает, что продуктивный потенциал современного общества сделал взгляды Фрейда на принцип реальности устаревшими. Фрейд рассматривал реальность как неизбежно противостоящую желанию человека наслаждаться. В быстро развивающемся обществе скардность и скромность более не считают высшими добродетелями. Принцип реальности Фрейда был ключевым компонентом его анализа агрессивности. Но, по мнению Маркузе, теория Фрейда отражала всего лишь определенную стадию социального развития. Иными словами, все описанное Фрейдом – это картина исторической ситуации, а не анализ естественных и биологических условий

В современном обществе репрессалии более уже не являются необходимостью. Если современное общество ограничивает свободное выражение индивидуальных желаний, то оно предрекает собственное падение. Пришло время для человека обрести подлинную свободу, то есть перевернуть Фрейда с головы на ноги. Вместо фрейдистского тезиса о том, что цивилизация должна вечно вести борьбу против недостатков человека, Маркузе рисует картину «объединяющей и ублажающей силы Эроса, закованной или выброшенной больной цивилизацией».

С точки зрения Маркузе, или характер природы человека и парадигмы мышления являются социально предопределенными, или они обладают неизменным содержанием, переносимым из общества в общество. Индивид нуждается в помощи с тем, чтобы приспособиться к социально приемлемым стандартам поведения, либо эти стандарты вообще следует отвергнуть, поскольку они не имеют значения для развития идеальной

личности. В случае если личность и индивидуальность интерпретируются с точки зрения ее потенциала в рамках, установленных формой цивилизации, то она рассматривается как весьма успешно приспособляющаяся. Если же она понимается с точки зрения трансцендентности ее содержательной стороны, включая возможности, выходящие за пределы ее фактического существования, в этом случае она окажется вне установленной формы цивилизации, то есть появятся новые типы личности, несовместимые с основной массой людей.

Таким образом, любая попытка в политической теории как-то интерпретировать природу человека как приспособляющуюся к нормам цивилизации, неизбежно носит консервативный характер, поскольку она обязательно будет руководствоваться разделяемыми смыслами. Если же встать на позиции внешней, трансцендентной природы человека, то тогда разделяемые взгляды и смыслы могут включать в себя ложное сознание, истинный потенциал и способности человека могут быть поняты неверно в конкретном обществе. Любая радикальная политическая теория, с точки зрения Маркузе предполагает наличие некоего внешнего критического взгляда на Маркузе утверждает, что хотя фрейдистская теория может показаться довольно консервативной и пессимистичной, она содержит в себе семена критической теории общества, которую разрабатывал сам Маркузе. Это связано во многом с тем, что фрейдистская теория выражает такой взгляд на природу человека, который не зависит от конкретной культуры и специфического общества, а также его политической организации. В «Эросе и цивилизации» он соглашается со взглядами Фрейда, что определенный уровень репрессии является обязательным для существования цивилизации и культуры. В то же время он полагает, что масштабы репрессий в современном западном обществе не могут быть обоснованы или оправданы тем, что некоторый уровень репрессий необходим для самого сохранения общества. Поэтому Маркузе попытался переосмыслить понятие репрессии, играющей центральную роль в теории Фрейда.

По мнению Маркузе, можно выделить два типа репрессий: базовые и избыточные репрессии. Базовые репрессии – это такая форма подавления и наказания, которая существует для того, чтобы установить порядок в организованном обществе. Современные капиталистические общества и соответствующие политические организации используют значительно больший объем репрессий, чем это необходимо для их сохранения. Это, и есть избыточные репрессии. Такой тип репрессий применяется не столько для сохранения данного общества, сколько для поддержания общества с совершенно определенным способом социальной и политической организации. В свою очередь, общество, применяющее избыточные репрессии, как правило, является обществом с классовым господством. Избыточные репрессии исчезнут только вместе с уничтожением капиталистической системы и классового господства, полагает Маркузе. В таком новом обществе даже и базовые репрессии постепенно станут ненужными. Искажения в природе человека вызываются именно избыточными репрессиями – так происходит в больном обществе. Базовые человеческие потребности и устремления постепенно трансформируются. Эгоизм и концентрация на самом себе постепенно заменяются сотрудничеством и творческим отношением к жизни. Следовательно, возможно создание общества без репрессий, то есть такого общества, которое добровольно будет удовлетворять потребности человека. Но такое общество не может возникнуть без революций. В другой своей работе – «Одномерный человек» – Маркузе утверждает, что революция возможна только в том случае, если в обществе появляется какой-то негативный элемент, стоящий на противоположных позициях по отношению к общепринятым убеждениям и стандартам, в особенности относящимся к проблематике удовлетворения потребностей человека со стороны общества.

Как известно, Маркузе считал, что таким негативным элементом станет пролетариат. Маркузе отрицает такую возможность. По его мнению, пролетариат интегрировался в капитализм «всеобщего благоденствия» и стал частью статус-

кво. Он, наряду с другими слоями, испытал на себе воздействие искажающих природу человека ценностей потребления. Негативный элемент в позднекапиталистическом обществе скорее будет включать всех людей, независимо от классового происхождения, которые по тем или иным причинам ощущают свое отчуждение от искаженных стандартов общества. Например, рост женского движения. По Маркузе, женщины, в силу маргинальности своего положения, сохранили человеческие качества, во многом внешние по отношению к господствующим ценностям данного общества.

Маркузе считает, что радикальная требует трансцендентной теории природы человека. Только такая теория может бросить вызов общественному мнению, то есть ее следует рассматривать не как метафизическую абстракцию, а как практическую теорию, воплощающуюся в деятельности и представлениях маргиналов по отношению к доминирующим взглядам на общество.

Обратим внимание, что во взглядах Маркузе присутствует и моральный аспект. Фрейдистская аргументация принуждает его использовать такие понятия, как психическое здоровье, сумасшествие и патология. Иными словами, связь между теорией природы человека и политической моралью описывается им в медицинских терминах. Он говорит об основных человеческих потребностях и увязывает их с природой человека, рассуждая о здоровье, целью достижения которого и должны стать политические реформы. Эти потребности отнюдь не основываются на какой-то абстрактной метафизической теории (хотя может появиться теория, осмысливающая их), а имплицитно присутствует в требованиях и самосознании тех, кто считается маргиналами по отношению к патологическим требованиям господствующей культуры.

Тема 8.

Современный публичный дискурс

Гражданское общество, третий сектор и место социально-политических движений

Термин «гражданское общество» впервые появился в трудах философов древней Греции и античного Рима. Пройдя вслед за этим через ряд взлетов и падений интереса к данной тематике политических исследований, развиваясь и усложняясь, он дошел до нашего времени, приобретя достойное место в политической науке, являясь, по сути, одним из базовых элементов современной политической теории. Так, американский политолог Т. Каротерс отмечает, что «с окончанием холодной войны гражданское общество стало ключевым элементом «духа времени»¹». Ф. Шмиттер, указывая на особую значимость гражданского общества в деле демократического строительства, подчеркивает, что наличие гражданского общества определенного уровня способствует консолидации и сохранению демократии².

Центральной проблемой в концептуальном осмыслении гражданского общества, вызывающей острейшую полемику, является взаимообусловленность гражданского общества и государства. Чтобы подойти к этому вопросу, рассмотрим упрощенную схему теоретического восприятия самого гражданского общества и проблематику взаимоотношения его с государством в рамках исторического континуума.

Теоретико-концептуальное осмысление гражданского общества не закончено и не может быть закончено к настоящему моменту. Являясь функцией производной от времени и

---

¹Каротерс Т. Критический взгляд на гражданское общество / Т. Каротерс // <http://www.academy-go.ru/Site/GrObsh/Publications/Karoters.html>

² Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии / Ф. Шмиттер // Полис. – 1996. – №5. – С. 16.

находясь в тесной взаимосвязи с порождающим его социумом, гражданское общество, по мнению А.Г. Володина, «относится к категории явлений, в осмыслении которых пока еще не достигнута необходимая теоретическая ясность»¹. Достаточно открыть любую работу или учебник по политологии, как сталкиваешься с совершенно разнообразными определениями гражданского общества.

Видимо, трактовка гражданского общества будет и впредь трансформироваться и модернизироваться в соответствии с окружающим его «духом времени», что определяется разомкнутой исторической перспективой самого гражданского общества, изменяющегося и изменяемого постоянно модифицирующимися условиями эволюции разных цивилизационно-культурных образований, в рамках которых оно находится. Английский журнал «Экономист», исследующий взаимодействие граждан и политических структур западноевропейских государств, отметил, что главным достоинством демократии является ее способность к развитию, уточнив далее, что и «сегодня каждая зрелая демократия продолжает эволюционировать»², к этому я бы добавила, что параллельно этому, эволюционирует и каждое гражданское общество, соотносимое с той или иной демократией.

У древних мыслителей *политическое* предполагало под собой и все общественное – семью, религию, культуру и др. Быть членом общества означало одновременно и быть членом государства, вследствие чего и общество и государство не рассматривались в отрыве друг от друга.

Усложнение государственных и общественных образований, сопровождающееся усложнением их понятийно-категориального оформления – возникновение в них, напри-

---

¹ Володин А.Г. Гражданское общество и модернизация в России. Истоки и современная проблематика / А.Г. Володин. // Полис// <http://www.politistudies.ru/fulltext/2000/3/10.htm>.

² Цитируется по: Вайнштейн Г. Что думают западные граждане о западной демократии... и что нам до этого? / Г.Вайнштейн // Русский журнал. – 2000 // <http://www.russ.ru/politics/meta/20001120.html>.

мер, понятия коммуникации – усложняло и природу и внутреннюю структуру политического. В итоге возникло *категориальное осмысление феномена гражданского общества* как элемента политической теории, прошедшего путь от плоского видения общества, как простой совокупности политических граждан у Аристотеля до многоуровневого сложного и специфического процесса коммуникации между государством и гражданином¹.

С другой стороны, поливариантность понятия гражданского общества в различных эволюционирующих цивилизационных образованиях (полис, национальное государство, социальное государство; монархия, диктатура, демократия...) не предполагает его четкого концептуального оформления, а лишь может одномоментно открыть те или иные специфические черты, принципиально выделяемые на том или ином отрезке времени теми или иными его исследователями, соответствующие их представлениям об особенностях существующего конкретно-исторического феномена гражданского общества.

Здесь мне хотелось бы отметить еще одну принципиальную черту в общетеоретическом рассмотрении гражданского общества. Так, большинство политологов, следуя примеру, А. Токвиля, который именно в гражданском обществе видел основную причину беспрецедентных успехов Америки в создании действенной демократии, воспринимают гражданское общество, как некую панацею от кризисов государства и демократий². Что касается российских политологов, то для них характерна некая рецепция западного гражданского общества в качестве идеальной модели для российской действительности. Но, с моей точки зрения, гражданское общество – явление, порождаемое конкретным цивилизационным процессом и этому обществу присущи не только значительные достоинства, но и свои проблемы – болезни и кризисы. Так, фашизм в Гер-

---

¹ Снегуров А.Ю. Организации – посредники в структуре гражданского общества; Некоторые проблемы политической модернизации России // Полис. – 1996. – №5.

² Tocqueville A. Democracy in America / A.de Tocqueville. – N.Y.: Anchor Book, 1969.

мании, пришел к власти, сумев воспользоваться возможностями, открытыми широкой, но еще слабой демократией 1920-ых.

Этим мне хотелось бы подчеркнуть, что не стоит переоценивать – как и недооценивать – фактор развития гражданского общества и его исключительно положительную роль в целом и в развитии современных социально-политических движений в частности. «Если мы сводим гражданское общество только к акторам, преследующим благородные цели, сама концепция становится ... понятием теологическим, а отнюдь не политическим и социологическим»¹, отмечает американский политолог Т. Каротерс. Это же подчеркивает и Ф. Шмиттер, указывая, что каждое конкретное гражданское общество будет оказывать на демократию смешанное воздействие, и, что нет никаких гарантий, что позитивное воздействие возобладает над негативным². М. Олсон открыто предупреждает, что тесно связанные социальные, экономические и политические организации часто подвержены неэффективной картеллизации и тому, что в политике называют «стремлением в получении ренты», а в обыденной жизни – коррупцией³.

Все это указывает на чрезвычайную внутреннюю сложность феномена гражданского общества, который *нельзя трактовать однозначно с оценочных позиций*. Существующий объективно, сам по себе, этот феномен приобретает особенности порождающего его пространственно-временного континуума, предполагая разновекторную направленность действий составляющих его индивидов. Понятно, что наряду с добропорядочными гражданами в ряду субъектов гражданского общества могут быть, и даже наверняка есть, радикально настроенные элементы, выражающие свою сущность через уча-

¹ Каротерс Т. Критический взгляд на гражданское общество / Т. Каротерс // <http://www.academy-go.ru/Site/GrObsh/Publications/Karoters.html>

² Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии / Ф. Шмиттер // Полис. – 1996. №5. – С. 25.

³ М. Olson. The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities / М. Olson. – New Haven: Yale University Press, 1982. – P. 2.

стие в деятельности радикалистских, террористических и иных маргинальных движений.

Возвращаясь к центральной проблеме гражданского общества, а именно, к его взаимодействию с государством, рассмотрим упрощенную схему, созданную на основе рассмотрения магистральных идей политических мыслителей прошлого и настоящего. Особенность которой заключается не в перечислении всех теоретических концептов (данная задача не входит в проблематику нашего исследования), а в вычленении их суммарной векторной направленности, определяющей взаимоотношение государства и гражданского общества в целом.

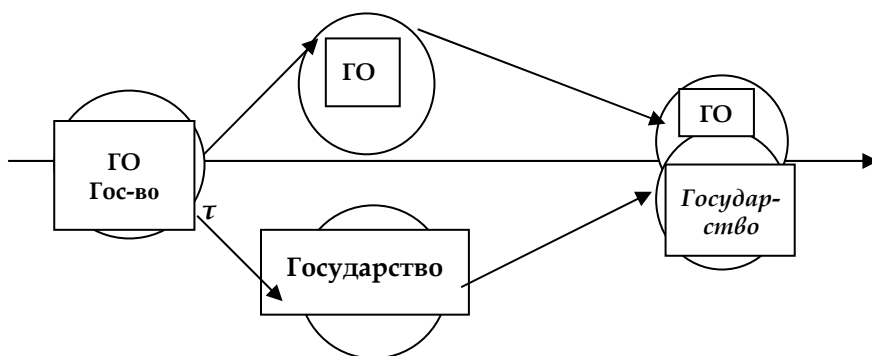

Схема 1

Вышеприведенная схема дает в первом приближении представление об эволюции моделей взаимоотношения гражданского общества и государства: от первоначального совмещения этих понятий к взаимопротивопоставлению их (в рамках приоритетности того или иного образования) и в дальнейшем, к тесной взаимосвязи их в духе модели социального партнерства.

Так, на заре начала исследования гражданское общество не воспринималось в отрыве от государства: государственное и гражданское были в основном равными по значению.¹ При-

¹ См. стр. 18.

обретая современное звучание в Новое время, гражданское общество стало рассматриваться как «сфера, параллельная, но отдельная от государства – как институт, где граждане создают объединения и ассоциации согласно их собственным интересам и потребностям¹».

У Гегеля (либеральный консерватизм) гражданское общество – это совокупность институтов, раздираемых противоречиями и служащих простыми инструментами для достижения личных целей, в то время, как в государстве «дух народа – нравы, законы – являются господствующим началом, здесь человека признают ... и каждый отдельный человек ... повинуется всеобщему, в себе-и- для-себя-сущей воле, закону, следовательно, по отношению к другим ведет себя так, как надлежит вести себя всем²». Государство у Гегеля – это «шествие бога в мире», условно говоря, стоит над гражданским обществом.

Противоположное, я бы даже, уточнила – радикально противоположное мнение об отношениях общества и государства у Т. Пейна, считающего, в духе либеральных традиций, государство необходимым злом для общества и потому, ставящего гражданское общество до и над государством. В трудах Д. Медисона, отца основателя теории групп, особо подчеркивалась роль гражданского общества как противовеса произволу государства. Он считал, что гарантией от тирании большинства является наличие разнообразных групп с разноплановыми интересами, как основы гражданского общества, что ведет к тому, что именно гражданское общество, как таковое, стоит на страже прав человека³.

У Маркса гражданское общество – такой же несовершенный институт, обусловленный существованием капиталистических отношений, как и государство, они разделены и их

¹Каротерс Т. Критический взгляд на гражданское общество / Т. Каротерс // <http://www.academy-go.ru/Site/GrObsh/Publications/Karoters.html>

² Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Г.В.Ф. Гегель. // www.cmd2.inp.nsk.su/library/koi/filosof/GEGEL/fenomen.txt

³ Мэдисон Д. Американские федералисты / Д. Мэдисон, А. Гамильтон, Дж. Джей. – Benson: VT: Chalidze Publications, 1990.

соединение посредством отмирания последнего возможно лишь при коммунизме¹.

Позднее А. Грамши видит гражданское общество в качестве дополнительного рычага давления на индивида со стороны государства².

Время противопоставления гражданского общества и государства в основном заканчивается к концу XX века (примерно, к началу 80-х годов)³. Спор по поводу приоритетности и значимости между государством и гражданским обществом к настоящему времени большинством политологов разрешается в пользу снятия приоритетности как таковой и необходимости взаимовыгодного сотрудничества между этими двумя главными институтами человеческого сообщества. С моей точки зрения, это в первую очередь связано с развитием самого государства, а именно, с его эволюцией в социальное государство. Данная проблематика, являясь, безусловно, очень интересной, не входит в задачу моего исследования.

«Гражданское общество становится важнейшим объектом социального участия», – отмечает Г. Шредер, далее подчеркивая, что в рамках гражданского общества необходимо создать такие условия, которые привяжут отдельную личность к ценностям и целям всего общества, что требует создания такого государства, которое концентрирует свои усилия на

---

¹ Маркс К. Собрание сочинений: Т. 19. / К. Маркс. – М. – С. 20.

² Шестопап Е.Б. Гражданское общество и модели человека в условиях НТР / Е.Б. Шестопап // Лабораторные тетради: Институт общественных наук при ЦК КПСС. – М. 1990. – С. 39.

³ Следует, однако, признать возможность и наличие других точек зрения на взаимоотношения гражданского общества и государства (например, как у группы Солсбери (неоконсерватизм), представители которой свели в одно целое государство и гражданское общество), что, однако, в целом не ломает направления суммарной векторной направленности, которая, как известно, может строиться из разнонаправленных векторов, но, в любом случае, их общая сумма определяет единое общее направление, т.е. ту самую глобальную тенденцию, что задает само направление в целом.

создании условий для справедливости и обеспечения инфраструктуры общественной солидарности¹.

Современные трактовки гражданского общества исходят из усложнения понимания внутренней структуры общества. Так, Б. Барбер, предлагает модель общества, имеющую помимо публичной и частной структуры также и гражданскую, в которую входят «те социальные общности, которые построены одновременно на членской основе (т.е. иерархии) и на эгалитарной, добровольной», совмещая, в себе принципы эгалитаризма и неэсклюзивности из публичного сектора, а из частного – добровольность и суверенитет личности². Осуществляя это одновременно, по мнению Б. Барбера, гражданская структура конституирует себя, отражая в себе тенденцию, которую он называет «серьезной демократической перспективой».

К схожему выводу приходит и Д. Рифкин. Так, он пишет, что немецкое общество зиждется на трех основах: частном капитале, государственном капитале и социальном капитале, при этом последний исторически предшествует двум предыдущим³.

«Идея гражданского общества появилась гораздо раньше, чем идея рынка (*частного сектора*) и государства (*публичного сектора*)⁴», - отмечает В. Детлинг, подчеркивая далее, что это пространство, в котором люди получают возможность «переосмыслить свое существование как граждане, в то же время, делая что-либо полезное для себя и других⁵».

¹ Шредер Г. Цивилизационное гражданское общество: о новом определении задач государства и общества / Г. Шредер. // <http://www.academy-go.ru/Site/GObsh/Publications/Shreder.html>.

² Барбер Б. Гражданское общество: За пределами риторики; В рамках политического понимания / Б. Барбер. // <http://www.academy-go.ru/Site/GrObsh/Publications/Barber.html>

³ Рифкин Дж. Третья опора нового общества / Д. Рифкин // <http://www.academy-go.ru/Site/GrObsh/Publications/Rifkin.html>.

⁴ примечания мои.

⁵ Детлинг В. Гражданское общество: Предел реформирования Государства Благоденствия? / В. Детлинг // <http://www.academy-go.ru/Site/GrObsh/Publications/Detting.html>.

Последнее я выделила с тем чтобы, подчеркнуть совместимость данных предположений с барберовской мыслью об объединении в гражданском обществе индивидуального и общего, что, по его мнению, приводит к тому, что члены его активны, ответственны и вовлечены в социальные общности, в более широком смысле, чем отдельные индивиды и члены каких либо отдельных общностей¹.

Так, Ф. Шмиттер под гражданским обществом понимает совокупность самоорганизующихся, относительно независимых медиаторных групп, обладающих свойствами неузурпации чужих прерогатив, коллективного действия, и гражданственности в рамках которых они действуют².

По мнению У. Бека – государство и гражданское общество не взаимоисключают, а дополняют друг друга. Гражданское общество формирует в себе новые центры политической активности и социальной самоидентификации³. Что позволяет ему стать одной из основ развития новых демократических отношений и катализатором их дальнейшей эволюции.

Основываясь на критериях высокой гражданской ответственности, которая должна быть характерна для членов гражданского общества, последнее, с моей точки зрения, можно определить как *общество, независимое от государства, но находящееся с ним в постоянном, равноправном и конструктивном взаимодействии, состоящее из преимущественно добровольных объединений и групп, а также отдельных индивидов, круг интересов которых затрагивает как личные, так и общественные мотивы.*

Гражданское общество может и должно бросать вызов, раздражать, и даже, время от времени, противостоять государ-

---

¹ Барбер Б. Гражданское общество: За пределами риторики; В рамках политического понимания / Б.Барбер. // <http://www.academy-go.ru/Site/GrObsh/Publications/Barber.html>.

² Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии / Ф. Шмиттер. // Полис №5. – 1996. – С. 16.

³Бек У. Безработный капитализм / У. Бек // <http://www.academy-go.ru/Site/GOBsh/Publications/Beck.html>.

ству. Но они нуждаются друг в друге и, в идеальном варианте, они развиваются вместе, в тандеме, а не за счет друг друга, – подчеркивает Т. Каротерс¹.

Выражать свою политико-социальную сущность гражданское общество может через деятельность общественных и общественно-политических движений, в которых «общественность» – это нечто такое, что, по мнению У. Бека, связано с искусством вовлекать других людей в обсуждение своих собственных проблем, а их деятельность превращается в искусство превращать подобные разговоры в дело, являясь одновременно гибридом политики, заботы о другом человеке и повседневной взаимопомощи².

Движения являются порождением гражданского общества, генерируемым его наиболее активной частью – третьим сектором. *Третий сектор*, иначе представляемый как деятельность неправительственных и некоммерческих организаций, является особой структурой гражданского общества, ее положительной и перспективной основой, к настоящему времени, потенциально направленной в странах Запада на организацию плодотворного сотрудничества с государством. Спецификой третьего сектора является то, что, являясь частью гражданского общества, он одновременно стремится к квазигосударственности, что, к примеру, отчетливо фиксируется финансовой зависимостью его от государственных структур³, и что в данном случае прекрасно сочетается и дополнительный раз иллюстрирует вышеотмеченную тенденцию к взаимопрониканию и взаимовлиянию гражданского общества и государства, наблюдаемую в развитых странах.

В развитом гражданском обществе третий сектор достиг таких масштабов, что стал заметен на местных и националь-

¹ Каротерс Т. Критический взгляд на гражданское общество / Томас Каротерс // <http://www.academy-go.ru/Site/GrObsh/Publications/Karoters.html>.

² Бек У. Безработный капитализм / У. Бек // <http://www.academy-go.ru/Site/GObsh/Publications/Beck.html>.

³ Алхайер Х. Гражданское общество и третий сектор / Х. Алхайер // <http://www.academy-go.ru/Site/GObsh/Publications/Aphayer.html>.

ных рынках труда. Так, по данным Х. Алхайера в таких странах, как Бельгия, Нидерланды, Ирландия 10% всей занятости приходится на третий сектор этих государств. По мнению исследователей, третий сектор не только позволяет государствам решать социальные проблемы максимально экономно, но и является полигоном для новейших социальных технологий. Так, в двадцати двух странах Европы общий оборот средств общественных организаций составил (за 1999 год) 1.1 трлн. долларов, что эквивалентно валовому национальному продукту таких стран, как Италия и Великобритания. Более 1 млн общественных организаций США имеют бюджет, равный 9% национального продукта страны (при этом количество волонтеров составило почти 7 тыс. человек), Швеции – 15%¹.

Таким образом, сегодняшнее представление о гражданском обществе исходит из того, что оно состоит как минимум из двух взаимодействующих секторов – коммерческого и гражданского (третьего сектора).

Именно в рамках третьего сектора и при его взаимодействии с остальными секторами общества (под 1-ым обычно понимается государство, а под 2-ым – деятельность коммерческих предприятий) возможно осуществление популярного в наше время тезиса *социального партнерства*. Исторически лозунг социального партнерства возник как антитеза классовым конфликтам и революции, как способ разрешения противоречия между трудом и капиталом². Схематично поле предполагаемого сотрудничества в идеальном варианте, т.е. при готовности и стремлении к сотрудничеству со стороны всех политических акторов, можно представить следующим образом.

---

¹ Ажгихина Н. Страну спасут добровольцы и меценаты / Н. Ажгихина // <http://www.academy-go.ru/Site/GObsh/Publications/Ajgihina.html>.

² Либоракина М. Социальное партнерство; заметки о формировании гражданского общества в России / М. Либоракина, М. Флямер, В. Якимец. – М.: Школа культурной политики, 1996. – С. 3.

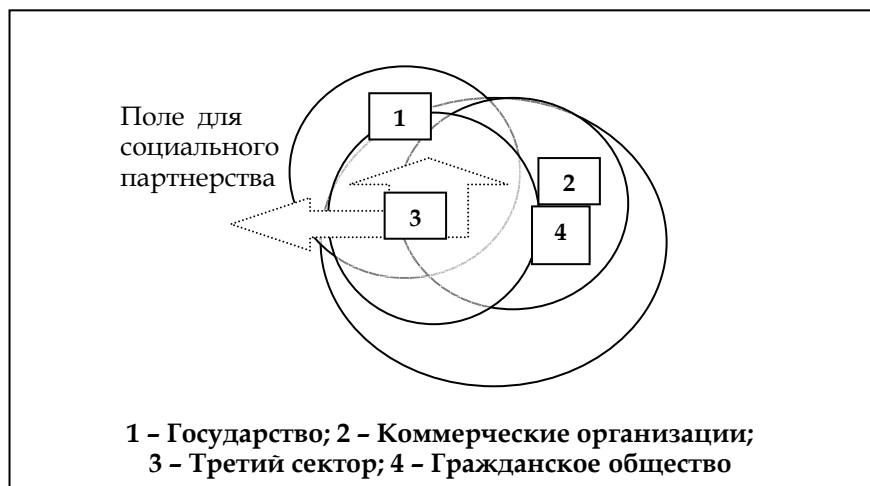

Схема 2

А.Ю. Сунгуров дифференцирует третий сектор, через классификацию входящих в его состав общественных образований, различающихся по предмету своей деятельности. Так, он их делит на четыре класса¹:

- 1 - организации социальной направленности;
- 2 - организации экологической направленности;
- 3 - правозащитные организации;
- 4 - инфраструктурные организации.

Итак, ядром третьего сектора в целом и основой его дифференциации являются общественные организации, объединяющиеся в различные общественные и общественно-политические движения, занимающиеся социально и политически наиболее значимыми видами деятельности.

В свою очередь, основу общественных движений составляют группы интересов.

¹ Сунгуров А.Ю. Организации - посредники в структуре гражданского общества; Некоторые проблемы политической модернизации России / А.Ю. Сунгуров. // Полис. -1996. - №5.

А.Ф. Бентли под *группой интересов* понимал общность интересов и целей, которая возникает на основе взаимодействия сознания отдельных индивидов¹. Данной точки зрения придерживается и Р. Мюнх, подчеркивая в своей работе «Динамика общественного дискурса» что, «сегодня люди держатся вместе с теми, с кем они чувствуют свою общность (*т.е. общие интересы (прим. мое)*)²».

Д. Трумэн усилил политологическое звучание при определении групп интересов, по существу, понимая под ними одну из их разновидностей – *группы давления*. По Д. Трумену группа интересов это – группа, имеющая один или несколько общих интересов и выдвигающая ряд требований к другим группам (или власти) для установления, поддержания или укрепления норм поведения, которые определяются общностью взглядов данной группы³.

М. Олсон дополнил понимание групп интересов, введя в него преобладающий над общественной деятельностью элемент субъективности и эгоизма, с позиций которых он рассматривал политическую групповую активность как побочный *результат удовлетворения личных интересов и потребностей участников соответствующих групп*⁴.

Р. Солсбери, в свою очередь, обогатил исследование групп интересов своей *теорией обмена*, которая реализуется на рынке политического предпринимательства и заключается в том, что между членами группы и ее лидером происходит постоянный обмен значимых потребностей, в результате чего, лидер реализует свои интересы, а рядовые члены группы – свои, что и является, с его точки зрения, фактором сплачивающим и объединяющим группу⁵.

---

¹ Bentley A. The Process of Government / A. Bentley. – Cambridge, 1967.

² Munch R. Die Dynamik des Diskurses. Dialektik der Kommunikationsgesellschaft Suhramp Verlag / R. Munch. – Frankfurt am Main. 1991. Kapitel 4. – S. 116 – 132.

³ Truman D.B. The Governmental Process / D.B. Truman. – Political Interests and Public Opinion. – N.Y., 1971. – P. 33.

⁴ Olson M. The Logic of Collective Action / M. Olson. – Cambridge: Mass, 1965

⁵ Salisbury R.H. Exchange Theory of Interest Groups

Мне кажется, что группу интересов можно определить также и со стороны стремления людей к самоидентификации через членство в общностях и как средство коммуникации в политически и технологически усложнившемся мире. Именно с помощью таких групп осуществляется связь между живым миром и системой Ю. Хабермаса, осуществляя регулятивную функцию последней (т.е., по существу, между общественными и государственными образованиями¹). Значимость чего, по его мнению, доказывается известными данными о росте влияния групп, снижением значимости традиционных политических институтов – партий, росте корпоративности, популярности теорий плюралистических демократий и появлением надежд на особую роль различных социальных и общественных образований, как носителей нового политического влияния².

Итак, политологи по-разному интерпретируют мотивы, объединяющие людей и направленные на выражение и отстаивание властно значимых для них интересов, беря за основу их общей деятельности:

1. Общественные интересы;
2. Личные интересы;
3. В первую очередь интересы лидеров групп;
4. Потребности в коммуникации, опосредующие через последнюю связи разных частей современного мира.

Мне представляется обоснованным предположить присутствие в явной или скрытой, не всегда четко осознаваемой форме, всех четырех типов интересов в деятельности общественных образований, особенно в случае, если их деятельность направлена на удовлетворение своих потребностей посредством воздействия на властные отношения.

Движение, как таковое, появляется только там, где есть *групповая коммуникация* и только в том случае, если группы, ее создающие активно (негативно или позитивно) взаимодейству-

---

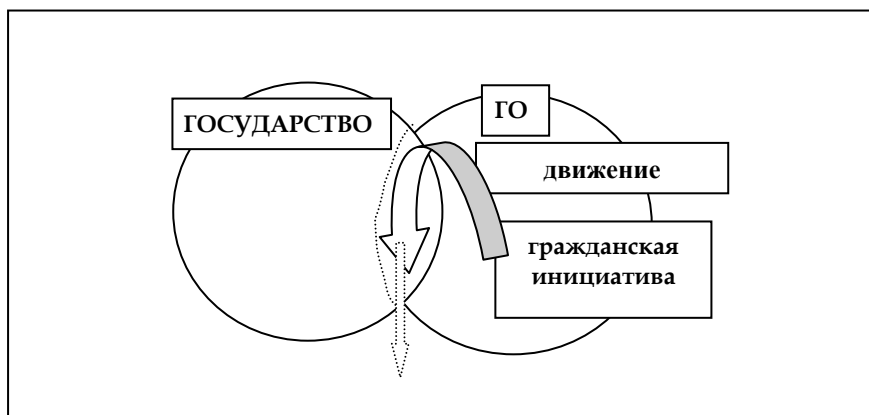
¹ Примечание мое.

² Хабермас Ю. Демократия; Разум; Нравственность: Московские лекции и интервью. – М, 1995. – С. 123.

ют друг с другом и общим вектором этого взаимодействия является стремление к *воздействию на власть* тем или иным образом.

Так, Г. Блюмер рассматривал движение как коллективную деятельность в целях создания нового социального порядка¹. Однако, что бы не лежало в основе *групповой сплоченности*, превращение групп в движения происходит лишь при факте *реализации группами своих интересов*, т.е. по существу, вследствие выражения каждым членом группы своей *гражданской инициативы*, в рамках группы объединенной в едином ключе. Таким образом, главным ресурсом движения, его строительным кирпичиком является гражданская инициатива, а порождающей средой – гражданское общество, а если точнее, то ее третий сектор.

Всю эту вышеперечисленную цепочку взаимодействий можно представить в виде следующей схемы:

Схема 3. Поле социального партнерства

Структурно социально-политическое движение может принимать вид групп интересов, групп давления, совокупности общностей.

¹ Killian Z.M. Social Movements in Handbook of Modern Sociology / Z.M. Killian. – N.Y.: 1964. – P. 428.

Резюмируя вышеизложенное, можно подчеркнуть следующие особенные черты, лежащие в основе развития феномена гражданского общества, третьего сектора и места движений, в том числе экологических, в них:

- Появление новых сфер деятельности, новых схем взаимодействия между людьми, их усложнение, все это находит свое выражение в современной концепции гражданского общества, что отражается в:

- достаточно противоречивом его толковании в разные периоды эволюции теоретической мысли;

- отсутствию границ в законченности его теоретико-концептуального осмысления;

- неоднозначности влияния гражданского общества на строительство современных демократий.

- Эволюция отношений гражданского общества и государства к настоящему времени привела к формированию представлений об оптимальной модели их глубокой взаимозависимости и взаимодействия.

- Гражданское общество является средой, порождающей социально-политические движения, обуславливающей мотивы их деятельности, лежащие под толщей личных и общественных интересов индивидов.

- Свое место в гражданском обществе современные социально-политические движения находят посредством диверсификации своих интересов в рамках третьего сектора, играющего роль определенного «сцепления» (через механизмы «социального партнерства») между государством и гражданским обществом.

Тема 9.

Проблема гражданского общества в современной политической теории и идеологии

Альтернативы аксиологическому либерализму: либертариизм и коммунитаризм

Теория справедливости Джона Роулса дала импульс к началу возрождения политической теории США в англоязычных странах. Она послужила мощным возбудителем, катализатором теоретических споров и дискуссий, затронувших как проблемы метода, так и весьма широкий пласт социально-политической проблематики. По мнению одних участников дискуссии, эта книга пробудила англо-американскую политическую философию и теорию от «многолетней дремы, навеянной удушливым утилитаризмом». Других привлек возврат Роулса к «классическому», сущностному теоретизированию по контрасту с длительным господством позитивистских воззрений. Как писал, например, американский философ Маршалл Коэн, Роулс «восстанавливает английскую традицию Юма и Адама Смита, Бентама и Джона Стюарта Милля, настаивавших на связи своих политических рассуждений с фундаментальными исследованиями моральной психологии и политической экономии».

Третьи увидели в теории справедливости возможность обновления либерализма, остро нуждавшегося в свежих идеях после событий 60-х годов – студенческих волнений, массового антивоенного движения, популярности «левых идей» и т.д. Таким образом, работа Роулса затронула нервный узел политико-теоретических проблем в США. Вопрос о соотношении равенства и свободы, поднятый в книге, – извечная тема дискуссий в американской общественной мысли. Противоречие между ними нашло отражение уже в первом параграфе Дек-

ларации независимости. С одной стороны, все люди «созданы равными», с другой, – они наделены «неотчуждаемыми правами» на «жизнь, свободу и стремление к счастью». Эта проблема «красной нитью» проходит через все великие противостояния в истории США – Джефферсон против Гамильтона, «Север» против «Юга», «великое общество» против «нового федерализма». Этот спор продолжили на уровне политической теории Джон Роулс и Роберт Нозик – его коллега по Гарвардскому университету. Их дискуссия вышла далеко за пределы университетских стен, втянув в свою орбиту широкий круг политиков, публицистов, общественности, в сущности, отражая процесс весьма драматической смены парадигм – от либерализма к неолиберализму (неоконсерватизму), в случае Нозика – в форме либертариизма.

В 80-е годы могло показаться, что полемика велась с явным перевесом в пользу неоконсерваторов с их специфически интерпретированной свободой в ущерб либеральной трактовке справедливости. Могло даже показаться, что теория И. Кристола, Г. Шельски, Г.-К. Кальтенбруннера, Р. Нозика, Ф. фон Хайека и других теоретиков неоконсерватизма окончательно оттеснили теорию Роулса на второй план. Однако идейную дискуссию неправильно рассматривать как некий однолинейный процесс с периодически меняющимися лидерами гонки. И хотя, безусловно, неоконсерватизм усилил на какое-то время свои позиции в западном обществе, писал А.Ю. Мельвиль, можно было говорить о появлении широкого либерального и консервативного консенсуса относительно ряда основополагающих принципов и устоев «американского образа жизни». Иными словами, американские неоконсерваторы разделяют фундаментальные либеральные ценности, расходясь с либералами, главным образом, по вопросу о средствах их достижения.

С середины 80-х годов главное острие критики против теории справедливости Роулса было направлено со стороны коммунитаризма – набирающего силу идейного течения, выросшего из либерализма и одновременно противостоящего ему по ряду существенных положений. Как бы там ни было,

теория справедливости Роулса не потеряла своего значения, а дискуссия вокруг нее в немалой степени способствовала тому, что она была включена в качестве обязательного элемента программы всех западных университетов, признана в качестве современной «классики».

Либертаризм: Хайек и Нозик

Либертаризм – течение в современном либерализме, которое делает акцент на правах и свободах индивида, формирующихся под влиянием общины, а государству при этом отводится минимальная роль. Либертаризм из всех современных идейных течений, пожалуй, ближе всего подходит к анархизму. Он видит в государстве источник подавления свободы человека, нарушения его прав, искажения свободы рынка.

Все либертариистское движение можно разделить на две большие группы: либертариистов-прагматиков и принципиальных либертариистов.

Прагматики защищают идею «минимального государства», но отнюдь не потому, что защищаемые ими права человека священны, а поскольку ограничение его функций защитой таких прав создает целый ряд преимуществ. Кредо этой группы достаточно ясно выражено Фридрихом фон Хайеком, писавшим, что если мы хотим удовлетворить желания людей, то следует отвести государству меньшую роль, а рынку большую, дав ему возможность использовать всю имеющуюся информацию о характере людских устремлений. Некоторые либертариисты полагают, что подобное ограничение роли государства позволит увеличить производство, соответственно, максимизировать пользу, и обеспечить производство с максимальной эффективностью.

Фридрих фон Хайек является весьма показательным примером «современной» версии политической теории либертариистского прагматизма. Его труды дают солидное гносеологическое обоснование опровержению основ социал-реформистской политики в духе «государства всеобщего бла-

годенствия». Хайек писал, что «ничто так не разрушительно для юридических гарантий индивидуальной свободы, как стремление к миражу социальной справедливости».

Одно время его теория рассматривалась в качестве возможной альтернативы кейнсианству. В процессе критики политики «государства всеобщего благоденствия» идея Хайека о том, что нарастание государственного вмешательства в экономику имеет свои пределы, за которыми оно начинает приводить к стагфляции и представлять угрозу самому существованию рыночной системы, по существу, оказалась одним из краеугольных камней при разработке программы «рейганомики». Уже начиная с 80-х годов Хайек пытался показать, что не существует «среднего пути» между капитализмом и социализмом. Утверждая, что рациональный экономический расчет при социализме в принципе невозможен, он противопоставляет ему капиталистический рынок, предлагая прежде всего рыночные способы регулирования экономической и политической жизни.

Хайек был непримиримым и последовательным противником переустройства общества по умозрительно сконструированным схемам и идеальным моделям. В своей известной книге «Дорога к рабству» (1944 г.) он показал, что даже умеренное огосударствление экономической жизни ведет, в конечном счете, к установлению тоталитаризма. Он был убежден, что общества, полагающиеся на конкуренцию, в конечном счете успешнее других достигают своих целей – вывод, который, по его мнению, подтвержден всей историей современной цивилизации.

Хайек довольно ясно различал «хозяйство» и «рыночный процесс». Хозяйство, в его понимании, это организация или социальное устройство, где некто сознательно размещает ресурсы в соответствии с единой шкалой целей. В создаваемом рынке спонтанном порядке ничего этого нет. Спонтанное рыночное хозяйство (состоящее из бесчисленного множества индивидуальных экономических структур), по Хайеку, обладает двумя преимуществами.

Во-первых, спонтанный экономический порядок использует знание всех его членов (а не только организатора хозяйства).

И, во-вторых, цели, которым он служит, являются частными целями индивидов во всем их разнообразии и противоречивости. Единственная цель, общая для всех, – это создание условий, при которых шансы любого случайно выбранного индивида на как можно более эффективную реализацию его целей были бы весьма велики. Именно это и имеется в виду, когда утверждается, что рыночный порядок обеспечивает максимум и оптимум по сравнению с упорядоченным социалистическим хозяйством.

Вместе с тем Хайек признает, что диктат рынка несет в себе угрозу свободе индивида. Конкуренция создает нечто вроде безличного принуждения, заставляя многих индивидов перестраивать свой образ жизни так, как были бы бессильны изменить его какие угодно инструкции и команды.

В то же время Хайек возражал против причисления его к сторонникам «свободного предпринимательства» без всяких ограничений. Определенные барьеры необходимы, но это должны быть не искусственные препоны, создаваемые государством, а естественные, спонтанно возникающие в процессе социокультурной эволюции. Эти правила, прежде всего, включают отказ от присвоения чужой собственности и выполнение добровольно взятых на себя обязательств. Они воплощают в себе коллективный опыт множества поколений по разрешению конфликтов, а также обеспечивают преемственность традиции.

Laissez-faire – буквально «разрешать делать». Это система свободного рыночного обмена с абсолютным минимумом контроля со стороны правительства.

Принцип естественного отбора – выживание наиболее приспособленных социальных институтов – переносится Хайеком на историю человеческого общества. Этот отбор выдерживают лишь те системы правил (от религии и идеологии до способа организации производства), которые обеспечивают

для применяющих их групп наилучшие условия для выживания, т.е. наиболее высокий уровень жизни – возможно большему числу людей.

В этом свете он рассматривает и проблему справедливости. С точки зрения Хайека, в принципе неверно увязывать справедливость с какой-либо целью распределения. Никакой индивид или группа не осуществляют общее распределение богатства или какой-либо другой вещи. Поэтому неправильно утверждать, что распределение может быть несправедливым, поскольку это определение применимо только к действиям людей. Хайек делает вывод, что любые пути распределения существенно противоречат свободе. Таким образом, в обществе со свободным рынком товаров, где конечный результат экономической деятельности является не следствием сознательного выбора, а результатом бесчисленных разрозненных выборов отдельных индивидов, вообще не может появиться идея перераспределительной справедливости, а попытки ввести распределение разрушительны для свободы и индивидуальности в обществе. Это вполне ясная идеологическая позиция, которая отдает предпочтение вполне определенной форме свободы.

«У нас не было намерения делать фетиш из демократии. Очень похоже на то, что наше поколение больше говорит и думает о демократии, чем о тех ценностях, которым она служит. К демократии неприложимо то, что лорд Эктон сказал о свободе: что она не средство достижения высших политических целей. Она сама по себе высшая политическая цель. Она требуется не для хорошего управления государством, но в качестве гаранта, обеспечивающего нам право беспрепятственно стремиться к осуществлению высших идеалов общественной и частной жизни». Демократия по сути своей – средство, утилитарное приспособление для защиты социального мира и свободы личности. Как таковая она небезупречна. Не следует забывать и того, что часто в истории расцвет культурной и духовной свободы приходился на периоды авторитарного правления, а не демократии, и что правление однородного,

догматического большинства может сделать демократию еще более невыносимой, чем худшая из диктатур. Мы, однако, стремились доказать не то, что диктатура ведет к уничтожению свободы, а то, что планирование приводит к диктатуре, поскольку диктатура – идеальный инструмент насилия и принудительной идеологизации и с необходимостью возникает там, где проводится широкомасштабное планирование. Конфликт между демократией и планированием возникает оттого, что демократия препятствует ограничению свободы и становится, таким образом, главным камнем преткновения на пути развития плановой экономики. Однако, если демократия откажется от своей роли гаранта личной свободы, она может спокойно существовать и при тоталитарных режимах. Подлинная диктатура пролетариата, демократическая по форме, осуществляя централизованное управление экономикой, подавляет и истребляет личные свободы не менее эффективно, чем худшие автократии.

Обращать внимание на то, что демократия находится под угрозой, стало модно, и в этом таится некоторая опасность. Отсюда происходит ошибочное и безосновательное убеждение, что, пока высшая власть в стране принадлежит воле большинства, это является верным средством от произвола. Противоположное утверждение было бы не менее ошибочно: вовсе не источник власти, а ее ограничение является надежным средством от произвола. Демократический контроль может помешать власти стать диктатурой, но для этого следует потрудиться. Если же демократия решает свои задачи при помощи власти, не ограниченной твердо установленными правилами, она неизбежно вырождается в деспотию.

Когда правительство должно определить, сколько выращивать свиней или сколько автобусов должно ездить по дорогам страны, какие угольные шахты целесообразно оставить действующими или почему продавать в магазинах ботинки, – все такие решения нельзя вывести из формальных правил или принять раз навсегда или на длительный период. Они неизбежно зависят от обстоятельств, меняющихся очень быстро.

И принимая такого рода решения, приходится все время иметь в виду сложный баланс интересов различных индивидов и групп. В конце концов, кто-то находит основания, чтобы предпочесть одни интересы другим. Эти основания становятся частью законодательства. Так рождаются привилегии, возникает неравенство, навязанное правительственным аппаратом...

Государство должно ограничиться разработкой общих правил, применимых в ситуациях определенного типа, предоставив индивидам свободу во всем, что связано с обстоятельствами места и времени, ибо только индивиды могут знать в полной мере эти обстоятельства и приспособлять к ним свои действия. А чтобы индивиды могли сознательно строить планы, у них должна быть возможность предвидеть действия правительства, способные на эти планы влиять. Но коль скоро действия государства должны быть прогнозируемыми, они неизбежно должны определяться правилами, сформулированными безотносительно к каким-либо непредсказуемым обстоятельствам. Если же государство стремится направлять действия индивидов, предусматривая их конечные результаты, его деятельность должна строиться с учетом всех наличествующих в данный момент обстоятельств и, следовательно, является непредсказуемой. Этим объясняется известный факт, что, чем больше государство планирует, тем труднее становится планировать индивиду...»

Фридрих фон Хайек. Дорога к рабству.

Принципиальный либертаризм отличается от прагматического, главным образом, тем, что он рассматривает права, защищаемые «минимальным» государством, как естественные или фундаментальные. Права – есть благо в себе, а не в силу каких-то случайных причин, причем благо высшей значимости, которым нельзя пожертвовать ради какой-то другой цели. Наиболее видным представителем этого течения либертаризма является Роберт Нозик. Большая часть его основной работы «Анархия, государство и утопия» была представлена в качестве альтернативы «Теории справедливости» Роулса.

Во многих отношениях Роберт Нозик – полная противоположность Джону Роулсу, начиная от происхождения (Роулс – «один из последних героев Скотта Фицджеральда», элита из Новой Англии; Нозик – выходец из бедной еврейской семьи в Бруклине), личных качеств (скромности и даже замкнутости Роулса. и заметного стремления к славе и известности у Нозика) и вплоть до отношения к политике (Роулс – политический философ кантовского склада, либерал; Нозик – либертариист, активный участник студенческих движений в молодости, склонный к анархизму и позднее признанный идеолог неоконсерватизма). Эта разница, однако, отнюдь не мешала им сотрудничать на протяжении десятилетий как коллегам по Гарвардскому университету.

Интерес к проблемам политической философии пробудился у Роберта Нозика после внимательного ознакомления с трудами консервативных философов и экономистов Фридриха Хайека и Мильтона Фридмана. Знакомство с «Теорией справедливости» Джона Роулса вдохновило его на «ответ». В результате появилась книга «Анархия, государство и утопия», содержащая комментарий проблем, затронутых Роулсом, с позиций либертариизма. Этот труд не только вызвал большой интерес в академических кругах, но так же, как роулсовская работа, оказал прямое и непосредственное влияние на разработку политических программ и политические дискуссии в США и ряде других западных государств. В 1975 году он был удостоен Национальной премии за лучшую книгу года.

Работа Нозика – фундаментальное политико-философское осмысление основных идей либертариистского кредо. Будучи крайней формой либерализма, либертариизм проводит различие между ценностями индивидуальной свободы и ценностями благосостояния и равенства. Опираясь на эту единственную ценность свободы, он пытается сформулировать правила того, что индивиды могут делать по отношению друг к другу, какова их роль в организации государства и какой властью это государство вообще должно обладать.

Характерно, что сфера влияния индивида совпадает с властью, возлагаемой на него капиталистической экономикой,

или экономикой свободного предпринимательства. Индивид обладает формальной властью обретения собственности, покупки и продажи ее, найма рабочей силы и продажи своей собственной рабочей силы. Он может разбогатеть или разориться – все зависит только от него самого, от его способностей, усилий, везения, наконец. Государство со своей стороны может лишь обслуживать эту систему. Оно может предпринимать какие-то действия, вплоть до наказания, ради предотвращения применения силы (убийств, ограблений и т.д.) и мошенничества, но оно не имеет права облагать собственность налогами или конфисковывать ее во имя того, чтобы оказать помощь нуждающимся, или же организовывать общественные работы для сокращения безработицы. Бедные сами должны о себе позаботиться, или же рассчитывать только на милосердие. Пенсии или страхование здоровья допустимы и могут существенно снизить риск наступления трудных времен, однако любые коллективные попытки решения этих вопросов вне пределов защиты личности и ее правомерной деятельности должны быть переданы в сферу добровольных клубов и ассоциаций.

Взгляды такого типа отстаивала целая плеяда политических мыслителей разных времен, начиная от Адама Смита и кончая Мильтоном Фридманом, придавшего этим идеям утилитаристскую легитимацию: данная система является законной в силу ее эффективности, поскольку в результате положение каждого гражданина улучшится. Но коль скоро данное утверждение труднодоказуемо, эгалитаристские системы представляются с позиций утилитаризма в качестве более предпочтительных, поэтому либертариисты обратились к другому политико-философскому основанию своих воззрений. Нозик предлагает взять в качестве такого основания определенную концепцию индивидуальных (моральных или естественных) прав.

«У индивидов есть права и существуют вещи, которые никакая другая личность или группа не могут сделать по отношению к нему, не нарушая этих прав», – это утверждение в самом начале книги «Анархия, государство и утопия» уже

достаточно ясно обозначает точку отсчета принципиального либертариизма.

Причем Нозик полагает, что речь идет не только об уважении этих прав, а о том, что они должны обладать статусом фундаментальных или более или менее абсолютных ограничений. Понятие «права как ограничения», или, как он иногда поясняет, «ограничение моральной стороны» означает, что речь идет о гарантиях защиты каждой личности. Абсолютный характер данного ограничения предполагает, что индивидуальные права не могут быть нарушены ради решения каких-либо социальных целей, например, целей благосостояния или безопасности всего общества. Наконец, он рассматривает эти права как фундаментальные, т.е. они есть благо в себе и не зависят от внешних целей, будучи основанием морального мышления. Но если индивидуальные права принимаются в качестве отправного пункта, то вполне логична идея «минимального» государства как лучшего из возможных способов гарантирования этих прав. Более сильное государство непременно станет нарушать эти права, если только оно не опирается на анонимное согласие всех граждан, ибо, помимо всего прочего, у людей есть также право на отказ от своих прав.

«Минимальное» государство более предпочтительно, чем анархия, поскольку последняя не может дать гарантий защиты индивидуальных прав. Кроме того, у него больше возможностей для того, чтобы стать узаконенным, нежели у государства перераспределительного типа, которое не в состоянии опираться на полное согласие своих граждан и поэтому обязательно предполагает принуждение вплоть до открытого насилия по отношению к какой-то их части.

Первый принцип, введенный в теорию Нозика, таким образом, заключается в том, что каждый индивид обладает тремя фундаментальными правами: во-первых, правом на физическую безопасность, во-вторых, правом на неограниченные ничем свободы и, в-третьих, на неотчуждаемую собственность без его на то согласия. Нозик практически повторяет сказанное Локком о правах индивида в условиях «естественного состояния».

Нозик пишет, что его взглядам на «хорошо организованное общество» противостоят две теоретические «угрозы»: идея безгосударственного общества (анархия) и теория государства, выходящего за пределы «минимального», т.е. такого, которое берет на себя функцию перераспределения, или ставит перед собой цели развития, модернизации и т.д.

Анархизм – политико-идеологическая концепция, требующая упразднения государства и ликвидации всякой власти, имеющей возможность применять принуждение. Она провозглашает своей целью общество с максимальной личной свободой, справедливым распределением материальных благ, в котором общие задачи выполняются по добровольному согласию. Термин «анархизм» введен в 1840 году П.-Ж. Пруденом.

Анархистский социальный порядок, не допускающий никаких принудительных действий со стороны государства, назван в качестве исходной посылки в нозиковской аргументации. Данная позиция, а также сопутствующие ей обстоятельства – нерушимая свобода личности и абсолютное право собственности на свое тело и свои владения – во многом воспринимаются как данность. Права есть выражение «естественной свободы» и анархия – возможность их реализации. Нозик попытался показать, что место анархии может быть занято «минимальным» государством без нарушения анархической легитимности. Однако необходимым условием этого перехода становится добровольное согласие людей.

Сами же анархисты рассматривают любое движение в направлении принудительных институтов как аморальное, иррациональное и ненужное – в их концепции «естественного состояния» никаких серьезных проблем вообще не возникает. Но это крайность. Многие мыслители анархистского толка все же предполагали наличие некоторых оснований, которые делали движение в направлении государственности рациональным и необходимым, например, ради выживания. Тем самым они признают аргументацию Т. Гоббса, изложенную им в «Левиафане». В любом случае моральность этой тенденции может

придать только согласие, а далеко не все люди столь уж рациональны, чтобы принять это. При этом модель «общественного договора», некоего гипотетического контракта, т.е. согласия в малой группе, переносимое затем на всех граждан, считается неадекватной, ибо в соответствии с анархистскими установками предполагается согласие именно всех, так как необходимо уважать естественные права каждого человека. Л.С. Мамут пишет:

«...Индивидуализм анархистского толка, сохраняя в себе идею противопоставленности абсолютно самодовлеющей личности обществу как таковому, связывает ее (личности) свободу, полноценное бытие с тотальным упразднением всех политических форм. Этим он резко отличается от того буржуазного индивидуализма, которого придерживались, скажем, Т. Гоббс и другие идеологи, мыслившие по стандартам этиатистского политического сознания».

Любое государство воспринимается анархистским сознанием как абсолютное зло, оно – источник всех социальных пороков.

Новизна подхода Нозика, попытавшегося преодолеть трудности, связанные с необходимостью согласия на введение любых государственных форм, заключается в его стремлении объяснить, каким образом государство может вырасти из естественного состояния без нарушения чьих-либо прав, однако не прибегая к идее «общественного договора».

Нозик пишет, что если бы даже существовало локковское «естественное состояние», т.е. если бы сбылась мечта анархистов, «минимальное государство» все равно появилось бы при двух условиях: во-первых, если люди будут действовать, руководствуясь собственным интересом; во-вторых, если они будут уважать права других людей, не нарушать их, или, по крайней мере, находить форму компенсации в случае нарушения. В сущности, этот аргумент представляет собой квазидоговорное узаконивание «минимального государства».

Образование государства, по Нозiku, проходит четыре стадии.

Первая стадия. В силу неудобства «естественного состояния» индивиды формируют «агентства защиты». Сначала, по видимому, это будут ассоциации взаимопомощи, объединяющие членов одной семьи или друзей, но скоро обнаружатся неудобства: все должны владеть оружием, к тому же в группах такого типа легко возникают трения. В конце концов ассоциации обязательно уступят место «агентствам защиты», которые за соответствующую плату возьмут на себя роль арбитра, а также наказания виновных.

Вторая стадия. Одно из агентств или их объединение начнут доминировать на некоей территории. При этом возникают три возможности:

1) если одно агентство выиграет все сражения, то оно, естественно, станет доминировать на данной территории, и люди окажутся перед выбором – либо присоединиться к нему, либо вообще остаться вне сферы действия какого-либо агентства;

2) если одно агентство выиграет на одной части территории, а второе – на другой, то территория окажется расколотой так же, как и население; будет установлена граница;

3) если два агентства продолжают борьбу и ни одно из них не сможет добиться окончательного верховенства, то вероятнее всего они предпочтут третейский суд, тем самым сформировав объединение агентств.

На первых двух стадиях рациональный собственный интерес направляет людей в сторону «минимального государства». Однако пока еще называть государством возникшее образование рано. Новый режим «очевидно, не обеспечивает защиту для всех на данной территории, как это делает государство, и он явно не обладает и не претендует на тот тип монополии на применение силы, которая обязательна для государства».

Третья стадия. «Агентства защиты» начинают защищать права своих клиентов от независимых индивидов. Основанием для этого является делегирование клиентом своего права на самозащиту тому агентству, которое уже доказало свое превосходство по сравнению с другими подобными агентствами.

Четвертая стадия. Доминирующее агентство может как-то компенсировать независимым лицам неудобство того по-

ложения, в котором они оказались, распространив и на них свою защиту или предоставив им средства для самозащиты.

Результатом этих четырех стадий развития и становится «минимальное государство». Оно предлагает защиту для каждого и провозглашает монополию на применение силы в том смысле, что лишает независимых лиц права на навязывание силой своих прав по отношению к другим индивидам.

И все же здесь есть и отличия от «минимального государства». Во-первых, независимые люди все еще могут навязывать свои права друг другу. Во-вторых, независимые платят налоги ниже уровня полноправных членов общества. Может показаться, что в этом случае многим снова захочется стать независимыми, однако мотив получения защиты от независимых окажется сильнее.

Вывод Нозика означает: если кому-то нравится «естественное состояние» Локка, то есть все основания считать, что он признает и «минимальное государство».

Под естественной свободой Нозик понимает обладание некоторыми «негативными» правами, т.е. правами по отношению к другим, принудительно вмешивающимся в наши дела, а также право на собственность. Эти права противоположны по смыслу «социальным правам», носящим позитивный характер, они также обращены к другим, но дают право на обладание чем-то (право на образование, право на пенсию и т.д.). Нозик же «позитивные права» отрицает в принципе, хотя и не раскрывает в своей книге, на каких именно основаниях. Он как бы откладывает рассмотрение этой проблемы до выяснения моральных оснований его теории в целом. Вместо этого он рассматривает несколько случаев, содержащих вопросы морали, с тем, чтобы обеспечить интуитивную поддержку своей теории и показать относительность других подходов. При этом приоритет отдается положению об уважении к людям в кантовской интерпретации (категорический императив и положении о моральной автономии индивида).

Категорический императив - термин, введенный Иммануилом Кантом для обозначения того требования, которое предписывает нам делать что-либо безусловно, то есть незави-

симо от того, что мы хотим, или от того, каковы наши цели. Согласно Канту мы осознаем принципы морали как Категорический императив. Он называет его высшим принципом морали. Смысл его заключается в следующем: «Поступай так, чтобы максима твоей воли всегда могла быть вместе с тем и принципом всеобщего законодательства». В работе «Основы метафизики нравственности» Кант писал: «Теперь я утверждаю: человек и вообще всякое разумное существо *существует* как цель сама по себе, а не только как средство для любого применения со стороны той или другой воли...»

Иными словами, речь идет о действиях, принимающих во внимание, что все человечество воплощается в каждом индивиду, и человек никогда не должен рассматриваться как средство, а не цель. Эта идея служит у Нозика нескольким задачам.

Нозик полагает, что она опровергает утилитаризм, ибо немногие люди могут быть использованы просто в качестве средства для увеличения благосостояния других; отрицает патернализм, так как человек может оказаться средством для себя самого и своего собственного благополучия; а также теорию справедливости Роулса, в особенности его принцип дифференциации, коль скоро таланты и собственность граждан могут быть направлены во благо наименее имущих групп. Очевидно, однако, что ссылка на Канта отнюдь не служит подлинной основой для моральной философии Нозика. Нозик не ставит вопрос о признании кантовской моральной эпистемологии, создается впечатление, что его увлекает лишь интуитивная сторона выводов из Канта.

Отрицание любой формы государства, выходящей за пределы «ночного сторожа» – «классической» либеральной метафоры – имплицитно присуще правам, которые Нозик приписывает индивидам. Признание прав такого типа, фундаментальное для политической морали, автоматически предполагает отрицание любой теории справедливости, предусматривающей перераспределение богатства или предписывающей определенный тип деятельности. Государство, для того чтобы осуществлять эти функции, вынуждено будет постоянно нарушать права человека.

В основе этого подхода лежит положение о высшей ценности естественной свободы в политической сфере. В этом смысле Нозик не привносит ничего нового. Его вклад в развитие теории справедливости сводится в основном к общей классификации концепций социальной справедливости, которую он предлагает, а также в попытке выявить главные слабости всех других концепций (разумеется, за исключением своей собственной). Нозик полагает, что принципы справедливости могут быть охарактеризованы в трех основных ипостасях: с точки зрения истории, целей и способа достижения критерия.

Исторический принцип справедливости ставит распределительную справедливость в зависимость от того, как она сложилась. Иными словами, действия человека в прошлом, или же какая-то ситуация могут привести к созданию дифференцированных прав или вознаграждения за какие-то поступки.

Целевой принцип справедливости ставит распределительную справедливость в зависимость от соответствия состоянию дел и какой-то структуры или цели.

Наконец, принцип справедливости как *критерий* увязывает распределительную справедливость с каким-то специфическим историческим фактом, характеристиками индивидов, такими, как моральная ценность, талант, производительность и т.п.

При такой классификации принцип дифференциации Роулса может быть отнесен к целевым принципам, поскольку он относится только к всеобъемлющим структурным результатам, а именно: благосостояние наименее имущих должно быть максимизировано. То же можно сказать и о разнообразных утилитаристских концепциях. Но такая концепция или теория справедливости, полагает Нозик, неприемлема, поскольку предполагает справедливость, индифферентную по отношению к личной судьбе каждого человека. Судьба человека оказывается связанной с ней только в том смысле, соответствует ли она или нет наиболее предпочтительной структуре, хотя интуиция подсказывает любому непредвзятому наблюдателю, что справедливость имеет смысл только по отношению к вполне конкретному человеку. Косвенный ин-

интерес, диктуемый прежде всего заботой о наиболее эффективной социальной структуре, явно недостаточен.

Принцип критерия может исправить - этот недостаток в случае, если он предписывает рассматривать определенные позиции (например, товары или владения) в зависимости от вклада каждого человека. Именно таким образом производится распределение наград. Однако принцип критерия, по мнению Нозика, может вызывать возражения, ибо он предполагает некую идеальную историю, одновременно корректируя отклонения и ошибки реального исторического процесса. Но для того, чтобы быть эффективным, он должен будет либо игнорировать, либо нарушать законность владения, поскольку могут быть и другие, вполне легальные пути приобретения собственности, помимо вводимых принципом критерия способов. Человек может получить некое владение в дар, ему может повезти и он получит крупный выигрыш - к этим случаям никакие критерии неприменимы. А поскольку собственник обладает правом поступать со своим владением как ему заблагорассудится, любой критерий может оказаться ограничением свободы. Из этого Нозик делает вывод о нелегитимности такого подхода.

Тем самым, получает одобрение, по существу, только историческая справедливость, но не обремененная критериями. В сущности, это не что иное, как переформулирование Нозиком доктрины естественных прав. Наличие таких прав предотвращает легитимацию любого критерия при реализации целевой справедливости. Такой исторический, не обремененный критериями подход, Нозик называет теорией прав. Он выделяет в ней три основных компонента:

1. Принцип исходного приобретения владения: наша власть распространяется на наше тело, его способности, благодаря этому мы овладеваем различными внешними объектами.

2. Принцип передачи владения: мы можем продать или иным способом избавиться от того, что мы имеем.

3. Принцип коррекции: необходимо исправлять последствия несправедливых действий, например, в случае воровства или нелегитимного приобретения собственности.

Суть этой теории заключается в следующем: любое распределение владений, появляющееся в результате законных трансакций в отношении легально приобретенных владений, само по себе является законным, поэтому никакое вмешательство на основе справедливости недопустимо. Такое вмешательство, например, налогообложение богатых ради помощи бедным, несправедливо. Иными словами, речь идет о возвращении к чистой капиталистической экономике. Однако не к реальной, а к идеальной модели. Дело в том, что такая система, очевидно, законна только в случае, если все владения приобретены легальным путем с самого начала. Именно здесь и начинаются неясности, ибо Нозик нигде не определяет, что означает законный путь приобретения.

Разумеется, само время работает на легитимность. Люди с течением времени склонны забывать, что в основе множества больших состояний лежит преступление, – идея, получившая фундаментальное обоснование в «Капитале» Маркса.

Нозик также отнюдь не идеализирует историю капитализма. Более того, он считает, что любой шаг к созданию хорошо организованного общества неизбежно наталкивается на сопротивление существующей капиталистической системы, поскольку нынешние владения во многих случаях были обреты их владельцами несправедливым путем. Поэтому, вполне естественно, что Нозик отказывается и от прагматической защиты «статус-кво», так как любая несправедливость, по его мнению, должна быть исправлена. Поэтому, когда Нозик говорит о капитализме, он имеет в виду прежде всего его идеальную модель.

Капитализм – экономическая система, которая основывается на концентрации частной собственности на средства производства у относительно небольшого числа лиц, в которой существует большой класс лишенных собственности рабочих, работающих за заработную плату, и в которой производство ведется, скорее, ради продажи и получения денег, нежели ради потребления. Деньги, которые вкладываются собственниками производства с целью получения дохода, называются капиталом, а потому и сама система называется капитализмом.

«Хорошо организованное общество» Нозика во многом гипотетично. Возможно, оно было бы реальным, если бы все люди начали участвовать в конкуренции одновременно в одном и том же месте и при равных стартовых условиях. В действительности так не бывает, ибо люди изначально неодинаковы – одни более талантливы, другие менее. К тому же вмешиваются разного рода исторические случайности. Кроме того, весьма сомнителен все же и тезис о том, что бедные и некомпетентные должны рассчитывать только на милосердие более преуспевающих. Опыт стран «третьего мира» со всей очевидностью показывает, что проблемы бедности и необразованности разрешимы только в ситуации, когда ими занимается государство, явно выходящее за пределы «минимального», причем если оно действует из прагматических, а отнюдь не только моральных соображений.

Кроме того, целый ряд моральных соображений также противоречит нозиковскому идеалу. Главное возражение связано с тем, что остается неясным, почему следует начинать именно с моральных прав индивида и при этом оставлять в стороне все другие моральные соображения?

Наиболее серьезные разногласия между либертаристами и Роулсом связаны с *принципом дифференциации*. В целом он рассматривается либертаристами как направленный на максимизацию преимуществ для тех, кто в силу собственной лени, бездарности или несчастливых жизненных обстоятельств оказался на «дне общества» за счет ущемления наиболее предприимчивой и талантливой его части. В частности, острая критика связана с непризнанным Роулсом понятием заслуг. Его действительно нет в роулсовском изложении теории справедливости, однако, по мнению некоторых исследователей, оно обязательно присутствует в интуитивистском рассмотрении проблемы распределения. Действительно, одной из наиболее серьезных проблем для Роулса является узаконивание принципа дифференциации по отношению к наиболее талантливым и социально продуктивным членам общества. Дело не в том, что благополучные эгоисты не согласятся поде-

литься чем-то с бедными. Проблема связана с необходимостью соответствия принципа интуитивным представлениям о том, как следует обращаться с более одаренными. Очевидно, что они также заслуживают справедливости, ибо их также нельзя рассматривать в утилитаристском ключе в качестве средств для обеспечения наименее преуспевающих. Но именно это, с либертаристской точки зрения, происходит у Роулса, ибо его принцип дифференциации требует, чтобы талантливые и трудолюбивые жертвовали своими максимальными преимуществами ради других. Либертаризм предпочитает свободное соглашение сотрудничающих между собой людей, придающее более важное значение продуктивности, нежели абсолютному равенству в качестве основы для справедливого распределения. Его сторонники предпочитают представить себе одну схему сотрудничества для более преуспевающих и талантливых, а другую – для менее одаренных, но очевидно, что наибольшие выгоды из сотрудничества извлечет последняя группа.

С позиции «правых», Роулс идет даже дальше по пути эгалитаризма, нежели это сделал Маркс, который выдвинул лозунг будущего коммунистического общества: «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Если Маркс все же признает различия, проистекающие из потребности, и выдвигает требование вклада в производство в соответствии с максимумом способностей, Роулс вообще отказывается признать разнообразие потребностей и настаивает на максимизации преимуществ для наименее благополучной и, по видимому, наименее продуктивной части общества, вовсе не предполагая, что эти люди попытаются внести свой максимально доступный по их способностям вклад.

Наконец, либертариисты ставят под сомнение справедливость распределения только на основе абсолютизации положения наименее преуспевающих. Роулс в целом признает, что требование жертв со стороны имущих ради некоторого улучшения положения людей, находящихся внизу социальной лестницы, противоречит интуиции. Но он полагает, что в реальности ситуация, в которой от них могут потребовать дей-

ствительных жертв в соответствии с принципом дифференциации, не возникает. Однако, по мнению «правых», именно такие ситуации и являются наиболее типичными для американского общества – «средние классы» многих городов вынуждены нести слишком большое налоговое бремя во имя общего благосостояния и поддержания бедных. Причем именно «средние классы» как наиболее устойчивый элемент общества несут самое высокое бремя и ради богатых, и ради бедных, обеспечивая для одних благоприятную обстановку для извлечения прибылей и лишая других стимулов для поиска собственных источников существования. Проблемы социального обеспечения обостряются в США и в связи с тем, что ни одна нация не стареет так быстро, как американцы в текущем столетии. Средний возраст граждан США составляет в настоящее время немногим более 32 лет и постоянно растет: согласно прогнозам демографов, к 2000 году он достигнет 35, а к 2003 г. – 40 лет. В результате на одного работающего американца будет приходиться все больше людей старшего возраста, не занятых в общественном производстве, со всеми вытекающими социально-экономическими последствиями.

«Правые», таким образом, в целом уловили реальную опасность для страны со стороны «перегрузки» «средних слоев» и «средних возрастов», что, впрочем, не означает, что сделанные выводы из этой ситуации могут быть сочтены правильными.

Оппоненты Нозика критикуют его за слишком явную приверженность теории естественного состояния, находя ее слишком ограничивающей исследователя, ибо она закрывает доступ к информации, интересам и целям, имеющим жизненно важное значение в ситуации политического выбора. Поскольку «минимальное» государство возникает ненамеренно, стихийно, в результате сравнительно небольших обменов между гражданами, то невозможно сделать шаг назад и начать все сначала, предварительно проведя дискуссию, какой именно тип государства будет наиболее предпочтительным. В каком-то смысле можно сказать, что Нозик, так же как и Роулс,

помещает своих людей под «вуаль неведения», однако еще более ограничивая их представления, делая их политически невежественными.

Но дело в том, что намерение Нозика, как представляется, было противоположным – он использовал теорию естественного состояния отнюдь не ради введения каких-то ограничений. Она была ему необходима, прежде всего, в полемике с анархистами, утверждавшими, что даже «минимальное» государство нелегитимно, ибо обязательно предполагает нарушение чьих-то индивидуальных прав. Теория же «естественного состояния» помогает Нозику показать, что это отнюдь не обязательно именно так.

Таким образом, «естественное состояние» играет в теории Нозика весьма специфическую роль. Она отнюдь не сводится только к генезису «минимального» государства. Как мы уже показали выше, ограничения на пути концентрации большей власти у государства связаны с индивидуальными правами, а не с теорией естественного состояния. Наличие этих прав предполагает, что каждый человек должен в действительности выразить согласие с созданием государства, выходящего за рамки «минимального». Однако это не означает, что «естественное состояние» вообще не создает проблем для теории Нозика как целого. Его ограничивающая роль связана, прежде всего, с проблемой применимости к данному конкретному случаю.

Историки политических идей, рассматривая естественное состояние в учении Локка, как правило, выдвигают два аргумента в противовес его взглядам: во-первых, люди никогда не находились в реальной истории в состоянии такого типа, которое Локк описывал как естественное; во-вторых, даже если бы они оказались в таком состоянии, то это отнюдь не означает, что из него смогло бы родиться государство именно в процессе заключения общественного договора. Нозик вообще уходит от этого вопроса, подчеркивая, что его гипотетическая история перехода от естественного состояния к гражданскому обществу не должна восприниматься как реальное опи-

сание происхождения существующих институтов или процессов, приводящих к их возникновению. Идея подобной гипотетической реконструкции происхождения социального порядка заключается в том, чтобы показать, каким образом политическая ассоциация может иметь легитимные основания своего появления, т.е. в соответствии с нозиковской теорией – обойтись без нарушения прав человека.

Это было необходимо Нозик, по-видимому, для того, чтобы показать, почему легитимно появившиеся институты более предпочтительны и имеют более высокую ценность по сравнению с теми, происхождение которых нелегитимно. Показать, что институт родился на законных основаниях, значит, узаконить его дальнейшее существование.

Однако этот подход все же представляется несколько сомнительным. Какими бы реалистическими ни выглядели на первый взгляд гипотетические рассуждения на эту тему, они все же, строго говоря, не являются достаточно основательным доказательством истинности нозиковского подхода. В сущности, Нозик проводит весьма простую мысль: если легитимное государство вообще существует, то это «минимальное» государство. Если в теории и существует возможность появления легитимного государства из естественного состояния, то все равно встает вопрос – существовало ли естественное состояние когда-либо в действительности? Вся цепь доказательств рассыпается. Нозиковский подход представляется еще одним мифом, которых и так весьма много в политической философии.

Однако, судя по всему, эти логические неувязки не столь уж существенны для Нозика – его целью было представить группу идей и методов, а отнюдь не всеобъемлющий политико-философский трактат, аналогично Локку. Но тогда, коль скоро естественное состояние никогда не существовало и никогда не появится, а представляет собой искусственную конструкцию, теория Нозика вообще не соответствует традициям политической философии. Проблема, в сущности, заключается в том, что, по-видимому, Нозик периодически забывает, что поставил перед собой весьма ограниченные задачи, полагая, что если каким-то образом удастся добиться распределения

владений, которое в реальности могло бы оказаться справедливым (именно в этом случае он обращается к принципам Ролса, правда, в несколько откорректированном виде), тогда правомерность «минимального» государства оправдывается. Однако даже гипотетически невозможно представить себе, каким образом может быть обеспечено справедливое распределение владений, обретенных и передаваемых другим владельцам, если только не допустить возможность, что все можно начать сначала.

Именно в этом заключается утопизм теории Нозика, ибо она практически неприменима. Перераспределение всего и вся, как показала реальная жизнь, отнюдь не решает проблемы справедливости по отношению ко всем.

Ради определения своей теории Нозик вынужден обращаться вновь и вновь к коррекции. «Если группа владений появилась правильным путем, то нет никаких аргументов для более экстенсивного государства, основанного на распределительной справедливости... – пишет Нозик. – Если же эти принципы нарушены, то в игру вступает принцип коррекции. По-видимому, лучше всего рассмотреть некоторые образцы принципов распределительной справедливости как грубые правила власти, задуманные для приблизительного осуществления результатов применения принципа коррекции несправедливости... *грубое* правило власти для исправления несправедливости может быть следующим: организовывать общество таким образом, чтобы максимизировать благосостояние наименее обеспеченной группы в обществе... Это очень сложные вопросы и должны быть всесторонне рассмотрены в связи с полной реализацией принципа коррекции... Хотя ввести социализм как наказание за грехи наши означало бы зайти слишком далеко, допущенные в прошлом несправедливости могли быть столь велики, что необходимость в экстенсивном государстве на короткое время может представиться оправданной ради их исправления».

Критикуя Нозика, Алан Браун высказывает в ответ на это утверждение следующие соображения: если даже удастся создать корректирующие институты и они просуществуют

достаточно долго, то постепенно вырабатывается привычка на них опираться, и с течением времени теряется всякое представление о том, кто чем изначально легитимно владел. Установление постоянного перераспределения приводит к тому, что память об этом вообще утрачивается, а новая система основывается уже на согласии с теми институтами, которые этим распределением занимаются. Государство, превосходящее минимальный уровень, таким образом, само себя узаконивает на перманентной основе, ибо становится необходимой частью института собственности.

Поэтому раз возникшее перераспределительное государство уже не ставит вопрос о своем происхождении, он представляется несущественным, неважным. Нозик отрицает государство, обладающее более широкими властными функциями, не в силу его происхождения, а в силу его постоянной потребности вмешиваться и нарушать права человека.

В результате акцентирование Нозиком принципа коррекции ставит под вопрос всю его теорию. Акт коррекции предполагает утилитаристскую легитимацию прежде всего в силу условности самого исправительного процесса. Если же собственность строится на условности, то естественное состояние у Нозика сразу же приобретает идеологизированное звучание.

Нозик полагает, что в силу несправедливого приобретения собственности нынешний владелец не будет иметь права на нее, или же этих прав крайне мало. Но совершенно очевидно, что некоторые люди, перед которыми будет поставлена проблема перераспределения, предпочтут сохранить «статус кво». Их логика проста: поскольку законность приобретения собственности теряется во времени, то невозможно узнать достаточно достоверно, какую именно коррекцию и каким способом следует осуществить. В любом случае страдать будут невинные. Но Нозик полагает, что по отношению к наследникам будут совершены несправедливые акты, направленные по существу против их предков. Только утилитарист может остаться к этому равнодушным. Объектом коррекции, по Нозику, является передача людям того, что было бы их собственностью, если бы исходно, изначально господствовала справедливость.

Но из сказанного можно сделать вывод, что властный принцип коррекции, аналогичный принципу дифференциации у Роулса, обязательно затронет интересы и легитимных, и нелегитимных собственников. Тогда вполне разумно было бы сделать вывод о том, что коррекция предполагает процесс, нацеленный на максимизацию соблюдения индивидуальных прав по отношению к собственности, однако допускающий намеренное нарушение прав других людей. Но это весьма напоминает утилитаристскую концепцию прав, которую Нозик, обосновав свое видение проблемы, отвергает как ограничительную. Но тогда коррекция, даже в самой общей форме, принципа перераспределительной справедливости не может быть обеспечена в соответствии с нозиковской теорией.

Таким образом, исторический подход в теории естественного состояния не дает оснований для узаконивания правовой теории справедливости Нозика. С точки зрения Нозика, моральная философия, понимаемая в достаточно узких рамках, ограничивает политическую философию. Он полагает, что ответы на все важные вопросы должны исходить из сферы морали, т.е. область прав рассматривается вне политики, а мораль – как нечто предшествующее любым политическим интеракциям. Однако моральная теория создает свои собственные проблемы с точки зрения ее политических последствий. Эта внутренняя противоречивость еще более ясно проявляется при рассмотрении природы основных прав человека.

Не меньше возражений либертаристы высказывают и в связи с первым принципом справедливости Роулса, утверждающим, что свобода может быть ограничена только другой или большей свободой. Однако здесь возникает проблема в случае, если свободы приходят в противоречие. Либертаристы, как правило, опираются на принцип вреда Дж.С. Милля, заключающегося в том, что свобода должна быть ограничена только, если необходимо предотвратить вред для других. Но этот случай Роулс не принимает во внимание. Впрочем, он упоминает естественный долг не наносить вреда другим. Но естественный долг применим к индивидам, а отнюдь не к ин-

ститутам, где собственно и действуют принципы справедливости. Следовательно, утверждает К. Харт, принцип справедливости и естественный долг не связаны друг с другом; отсюда – трудность применения принципа свободы в конфликтных ситуациях.

В целом взгляды Роулса на свободу близки к взглядам Дж. С. Милля, и с этой точки зрения, как представляется, могли бы удовлетворить либертаристов. Тем не менее, с либертаристской точки зрения первый принцип справедливости не вполне адекватен, поскольку, по их мнению, Роулс сам не принимает его всерьез в должной степени. В особенности их не устраивает положение, подтверждающее право контроля над личной собственностью после того, как достигнут определенный уровень материального благосостояния, что противоречит принципу свободы. В соответствии с либертаристскими воззрениями, право собственности нарушается любой принудительной передачей легитимно приобретенных владений другим. Свобода собственности пуста без свободы ее передачи по желанию владельца, а именно это и уничтожается с помощью принципа дифференциации. Тем самым ликвидируется и лексический приоритет первого принципа в целом. Либертаристы же верят, прежде всего, в приоритет свободы обеспечения богатства и других благ перед всеми другими свободами.

В современной политической теории Запада господствуют две концепции прав – производная и фундаментальная. Примером первого подхода является утилитаризм, рассматривающий права в качестве вторичных по значению, соблюдаемых и гарантируемых лишь в том случае, если они способствуют обеспечению пользы, т.е. общество, где права соблюдаются, обладает более высоким уровнем пользы. Истоки фундаменталистской концепции лежат в теории естественных прав. В теориях естественного права они занимают такое же место, как легальные права в системе права (Закона). Они предопределяют законы и, в свою очередь, выводят права личности из них. Об этом, в частности, писал Локк. Под влиянием этой теории в либерально-демократических обществах

выявилась тенденция рассматривать права как имманентную черту любого человека. Иными словами, основанием для наличия прав является сам факт принадлежности к роду человеческому, или наличие каких-то черт этого, например, свободной воли или рациональности. Эти права, в свою очередь, становятся основанием морали. Именно в этом смысл подхода Нозика. У него права выступают в качестве основания одного аспекта морали – политического, т.е. принадлежат к области легитимно принудительного поведения.

В многолетних спорах между сторонниками деонтологического и телеологического подходов положение о правах, в сущности, играет ключевую роль. Суть их разногласий достаточно проста: теоретики телеологического толка в целом предполагают, что действие, последствия которого будут наилучшими, считаются работающими во благо; деонтологи – утверждают, что люди могут предопределить правильность действий, не принимая во внимание ценности последствий (нечто является правильным или неправильным вне зависимости от происходящего). Тогда очевидно, что приписывание людям определенных прав есть версия деонтологического подхода. Ибо уважение прав не всегда ведет к благоприятным последствиям. Аналогично Роулсу, Нозик полагает, что любая телеологическая теория содержит в себе потенциал жертвования индивидуальными правами ради достижения цели. Поэтому те теоретики, которые признают право индивида на свободу выбора, на индивидуальность, вообще отдельность, обнаруживают стремление к выдвиганию на первый план именно проблемы прав.

Главная задача прав в деонтологической теории сводится к тому, чтобы гарантировать, что человеку не придется жертвовать чем-то ради некоего блага. Если же в этом благе заинтересован он сам, то они исключают патернализм. Если же речь идет о всеобщем благе, тогда права исключают консенквентализм в целом. Таким образом, права входят в качестве важного ингредиента в размышления о возможных последствиях консенквенталистских рассуждений.

Но для этого нужно знать, какое именно значение имеют права и почему они как бы перевешивают другие соображения. Наиболее очевидно это в случае, когда речь идет о том, что индивидуальные права ограничивают действия. Действительно, в ситуации, когда достижение какой-то цели или обеспечение блага предполагает жертвование чьими-то правами, то они очевидно должны приниматься во внимание, если цель или благо должны быть обеспечены легитимным путем. Менее убедительным представляется утверждение, что права носят независимый характер, они неотчуждаемы от личности и обладают фундаментальным значением по отношению ко всему прочему и поэтому обладают особым весом. Единственное исключение, которое допускает Нозик, заключается в том, что правами можно пожертвовать, если это позволит избежать вселенской катастрофы. Однако это утверждение весьма опасно, и в условиях постоянных упоминаний о возможной ядерной войне может нести в себе определенный тоталитарный потенциал. Таким образом, первый подход предполагает рассмотрение прав как некоего абсолюта; второй – представляет собой некий компромисс между правами и консенквенталистскими соображениями.

Разъясняя свою позицию, Нозик приводит следующий пример: посмотрим на наше тело. Оно полностью принадлежит человеку. Но с утилитаристской точки зрения, это можно рассматривать как косвенное утверждение, т.е. производное в моральном плане. Но тогда, скажем, если какая-то часть тела может в какой-то иной сущности принести большую пользу, например, почка может быть трансплантирована другому человеку от умирающего, то необходимо осуществить эту операцию. Это, очевидно, будет позитивный акт. Сходные основания Нозик пытается представить в своей теории прав: в таких ситуациях человек имеет право быть эгоистичным, даже аморальным. Позитивный вклад, предполагаемый утилитаризмом, остается на усмотрении человека, предлагается ситуация выбора или совести – ни государство, ни другой человек не могут определять мораль индивида.

Таким образом, права ставят под вопрос саму легитимность государства, делают нелегитимным любое перераспределение богатства ради большего блага, гарантируют свободу индивида при условии, что он также уважает права других.

Однако, оставляя свободу выбора за индивидом, и даже допуская, что в каких-то условиях это может привести к моральной катастрофе, Нозик тем самым делает шаг в сторону компромисса между деонтологическим подходом к правам и телеологическим с точки зрения последствий какого-либо действия. Такой компромисс, очевидно, не может быть стабильным.

Обратимся теперь к утверждению, что права следует рассматривать как независимые и неотчуждаемые от личности. Это один из аспектов тезиса, доказывающего, что права носят фундаментальный характер. Если права могут уменьшиться под давлением других, в том числе моральных, соображений, то их деонтологическая роль подрывается. Но именно это и происходит сплошь и рядом в реальной практике политической жизни.

Право – отнюдь не особый тип морального утверждения, это лишь более сильная, чем другие, форма представления его. Называя нечто правом, человек тем самым утверждает прочные моральные основания для уважения и поддержки своей свободы в данном случае. Таким образом, замыкается круг моральных рассуждений. Но это исключает фундаментальный характер права.

Остается только сделать вывод, что нозиковский либертаризм все же достаточно уязвим при внимательном теоретическом анализе. Индивидуальные права, в сущности, не получают полноценного узаконивания. Иными словами, Нозик в конечном счете создал столь же искусственную конструкцию, как и Роулс, впрочем, также содержащую известный позитивный потенциал.

Нарушение прав человека чаще всего становится наиболее типичным примером несправедливости. Неудивительно поэтому, что столь широко распространены попытки анализа справедливости чисто в правовом плане. Справедливость в

этом случае понимается в контексте уважения прав и предотвращения их нарушения. В соответствии с логикой концепции справедливости, интерпретируемой как «каждому по делам его», в этом случае принцип звучит как «каждому по праву», причем разнообразные взгляды на справедливость предполагают и различное содержание прав.

Права человека так же, как и справедливость, – вопросы права. В правовом государстве они не зависят от желания или дарования со стороны власть придержащих. Права генерируют обязанности со стороны других, которые соответственно в какой-то степени существуют благодаря носителям прав.

Рассматривая справедливость как проблему прав, нельзя не акцентировать и интересы индивидов, которые являются важной стороной дискурса справедливости. Хотя коллективы могут обладать определенными правами, теоретики справедливости имеют в виду прежде всего защиту индивидов против по отдельности менее значимых, но кумулятивно больших интересов каких-то групп. Или, говоря словами Рональда Дворкина, права – это «kozyри», которые нельзя отбросить ради интересов большинства или политики, направленной на всеобъемлющее благо общества. Он имеет в виду такие права, как свобода слова и равенство перед законом, получающие особую конституционную защиту в большей части правовых демократических систем. Но такой же подход может быть с некоторой долей допущения применен и ко всем правам в целом. А, стало быть, «справедливость как права человека» в целом вполне адекватна антиутилитаристскому духу, который исповедует неоконсерватизм.

Идея о том, что индивид обладает правами, содержит также убеждение, что они увеличивают чувство собственного достоинства носителя прав. А это, в свою очередь, иллюстрирует утверждение, что в основе справедливого отношения к людям лежит уважение к ним. Но эта мысль, в сущности, носит ограничительный характер, поскольку сводит все права к одному типу прав – к такому, которое позволяет как-то контролировать поведение других. Тем не менее, более широкий

анализ прав как защищаемых правилами интересов делает такое ограничение случайным и позволяет видеть в языке прав приверженность равноценности всех индивидов и, как следствие, приоритет определенных индивидуальных интересов над соображениями общего блага.

Идея справедливости как прав человека также соответствует легальному воплощению права, представляя готовое объяснение, почему суд воспринимается как реализация справедливости на практике. Права связаны с выполнением социальных правил, равно как и других властных принципов, воплощенных в законах. Аналогичным образом теория прав объясняет связь между справедливостью, средствами принуждения и наказания. Отсюда вытекает один существенный нюанс: справедливость связывается прежде всего с системой права, с судебной властью, а отнюдь не с бюрократическими структурами.

В то же время права, очевидно, охватывают более узкую сферу, нежели справедливость. В частности, связь между ними и социальной справедливостью далеко не всегда является прямой и непосредственной. Незаконное экономическое неравенство, отсутствие возможностей для получения образования для каждого желающего, дискриминация при приеме на работу и в других ситуациях – все это важнейшие проявления социальной несправедливости, но они отнюдь не всегда с должной эффективностью обеспечиваются с помощью реализуемых прав, особенно прав «негативных». Именно потребность в обосновании социальной справедливости заставляет многих исследователей обращаться к истокам моральных прав, природа и содержание которых весьма противоречива, а часто и вообще недостаточно ясна.

Моральные права рассматриваются в целом в качестве ценностей, которые детерминируют правильное содержание имеющихся правил, оказывающих влияние на благосостояние и интересы индивидов. При этом очевидно, что ценности выходят за пределы справедливости, они значительно шире, ибо весь спектр социальных и политических ценностей имеет отношение к определению «позитивных прав» (то есть прав, ко-

торые воплощены в действительных законах и социальных отношениях). Причем практически почти все американские сторонники идеи справедливости как прав утверждают, что существуют некие «дозаконные» и «досоциальные» права, т.е. естественные права, которыми обладают все люди, независимо от властных правил в данном обществе. Обладание этими правами помогает им идентифицировать, что является справедливым, а что нет. Однако природа и реальность таких таинственных понятий, как моральные права, трудно определяется, отсюда такой широкий спектр подходов к анализу этой группы проблем, связанных с политическим процессом в США.

Более того, именно акцент, который эта традиция политической философии делает на свободу индивида, фактически оказывается важнейшим препятствием к движению в сторону эгалитаристского общества, сориентированного на более равномерное благосостояние общества, что многими теоретиками рассматривается в качестве основной цели справедливости. Кроме того, абсолютизация прав, в сущности, предоставляет индивидам необоснованную возможность вето по отношению к важным социальным идеям, узаконивание которых могло бы внести свой вклад в решение проблем социальной справедливости. Таким образом, подчеркивая значение индивидуального выбора и свободы индивида, теория справедливости как прав во всех ее модификациях неизбежно сама превращает себя в идеологически акцентированную теорию, в которой свобода получает преимущества, непропорциональные по отношению к справедливости.

Либертаристы подвергли критике практически все основные аспекты теории справедливости Роулса, в частности, его методологию (гипотетический общественный договор, «взаль неведения»), положение о равенстве возможностей, передаваемую из поколения в поколение усредненность, посредственность эгалитаристских обществ. «Твердые» либертаристы вообще отказываются признать какое-либо право на равенство возможностей, поскольку оно потенциально нарушает действительное право индивидов и корпораций на контроль и рас-

поражение собственностью, в частности, право на найм любого лица по желанию. Кроме того, острая либертаристская критика связана также и с тем, что люди, обладающие талантом, трудолюбием или производительностью, превосходящей средний уровень, оказываются в роулсовской системе в заведомо несправедливой ситуации, хотя именно они являются носителями наиболее динамичного начала в общественном развитии. Причем речь идет не о недостаточном учете интересов более преуспевающей группы, а об игнорировании их прав. Характерно при этом, что и Роулс, и его либертаристские оппоненты провозглашают свою приверженность более глубокой моральной теории Канта, отвергающей коллективизм утилитаризма и акцентирующей важнейшее значение права.

Роулс интерпретирует фундаментальное положение Канта о том, что моральные права должны быть универсализированы до того, как становятся известными конкретные позиции и интересы, показывая, что его «исходная позиция» есть не что иное, как процедурная интерпретация этого требования. Она соответствует второй формулировке кантовского категорического императива, запрещающей рассмотрение одних индивидов в качестве средства для достижения благосостояния других. С либертаристской точки зрения, эта вторая формулировка может быть нарушена с помощью любого принципа перераспределения, рассматривающего превосходящих средний уровень индивидов в качестве коллективной собственности, используемой во благо наименее преуспевающих. А коль скоро принцип дифференциации ограничивает индивидов с помощью общественного устройства, на которое они явно не согласились бы как граждане свободного общества, либертариисты противопоставляют «исходной позиции» вполне реальные контракты и соглашения действительно существующих индивидов. В результате возникает прямая апологетика свободной рыночной экономики с государством, функции которого низведены до предотвращения ущерба со стороны людей друг другу и мошенничества, без каких-либо перераспределительных задач. Такой тип общественной ор-

ганизации не только призван максимизировать реальную свободу, но и защитить приоритет заслуг, поскольку индивиды должны получать вознаграждение в соответствии со своим вкладом в социально необходимый продукт. Тогда справедливым распределением может быть сочтено такое, которое получается в результате такого типа обретения и передачи. Иными словами, индивид может получить то, что заработает, но с ограничением, адекватным его таланту и трудолюбию.

Безусловно, этот подход не может не вызвать возражений хотя бы потому, что в реальности не бывает совершенно идентичных стартовых позиций в жизни для всех. Даже вырвавшись из нищеты в детстве, люди с большим трудом могут обрести автономию кантовского типа. Они вынуждены вступать в соглашение друг с другом, но их решения нередко предопределяют невежество, бессилие и беспомощность. Трудно предположить, что распределение в этом случае будет действительно честным. Способность индивида построить свою жизнь на рациональных основаниях, не выходя за рамки морали (идеал либеральной кантовской традиции, присущий и Роулсу, и его либертариистским критикам) нереализуема без материальных средств, делающих ее практически осуществимой. Общество, часть которого не может вырваться из нищеты, – пишет А. Гольдман, – однако вносит свой вклад в качество клана в общественный продукт, с полным основанием может быть охарактеризовано как использующее индивидов в качестве средства. Таким образом, требование Канта нарушается и при строго эгалитаристской, и при строго либертариистской системе распределения, однако по отношению к разным группам индивидов, используемым в качестве средства ради благосостояния остальных.

Коммунитаризм

Прошедшие десятилетия оказались отнюдь не легкими для теоретиков политики либерального направления. Они подвергались нападкам как «справа», из лагеря завоевавших в

начала 70-х годов политическую и идеологическую респектабельность и влияние неоконсерваторов, «новых правых», так и «слева», где все более важную роль начали играть политико-теоретические воззрения лево-либерального направления. Подобная критика нередко сводилась к акцентированию одних сторон либеральной политической теории за счет других, при этом интерпретаторы и критики одного и того же течения сплошь и рядом противопоставляли разные стороны теорий и концепций.

«Мы находим, – писал Ричард Рорти, – что французские критики Хабермаса готовы отвергнуть либеральную политику для того, чтобы уйти от универсалистской философии, а Хабермас пытается придерживаться универсалистской философии со всеми ее проблемами для того, чтобы поддержать либеральную политику».

Нечто подобное происходило и в отношении критики де-онтологического либерализма Джона Роулса. Роулсовская теория справедливости оказалась весьма благодатным ристалищем для скрещения мечей между коммунитаристами, наиболее видными представителями которых являются Майкл Сэндел, Алистер Макинтайр, Майкл Уолцер, Чарльз Тэйлор, и либералами – как сторонниками теорий «государства всеобщего благоденствия», так и его противниками.

Коммунитаристское движение направлено прежде всего на восстановление гражданских ценностей и коллективизма. Оно объединяет группу философов, теоретиков политики и социологов, а также общественность, озабоченную упадком морали и недовольную проводимой политикой. В частности, участники движения полагают, что правительство, защищая множество особых интересов, игнорирует такие проблемы, как образование, здравоохранение, общественная безопасность и т.д. Коммунитаристам свойственно рассмотрение Конституции США как «живого» документа, адекватного любому «вызову» современности. Коммунитаризм видит смысл общества в моральных ценностях и общине, противопоставляя их государственности. Они полагают, что изменение мо-

рального климата в обществе в конечном счете приведет к снижению уровня государственного вмешательства, сбалансированности прав и обязанностей без сползания в сторону авторитаризма.

Следует сказать, что коммунитаристское политическое теоретизирование в последние годы переживает определенный подъем.

Коммунитаризм начинается с критики либеральной концепции индивидуализма. Индивид в либерализме, полагает Майкл Сэндел, ничем не обременен, а потому может занять важную точку за пределами сообщества, частью которого он является, определять и пересматривать свои цели, не оглядываясь на унаследованные традиции или разделяемые с другими цели. Он руководствуется правами и обязанностями, сформулированными абстрактно. Коммунитаристы полагают, что либеральный индивидуализм присутствует только там, где общественные связи нарушились, индивиды испытывают отчуждение, но в этом общественная жизнь и традиция являются необходимыми компонентами. С нормативной точки зрения, такой индивидуализм, по мнению коммунитаристов, крайне нежелателен. Он – симптом того, что что-то происходит не так. Они предпочитают говорить о человеческом «Я», занимающем определенное положение в общине и сформировавшемся под влиянием привязанностей и разделяемыми смыслами конкретной общины. И именно от своей общины, будь то деревня, субкультура, общественно-политическое движение или этническая группа, мы приобретаем специфические права и обязанности. В то же время мы обязательно участвуем в реализации, целей нашего сообщества.

При рассмотрении коммунитаристских взглядов возникает одна несомненно сложная проблема. Дело в том, что коммунитаризм как тип политико-теоретического мышления нигде не находит открытого и конструктивного изложения. По крайней мере, ни Сэндел, ни Макинтайр не разъясняют его позитивного содержания. Критерием отнесения автора к числу коммунитаристов оказывается тип его критического

анализа трудов представителей других течений в современной политической теории. Иными словами, он носит косвенный характер. Практически к объяснению этого типа подходов можно отнести лишь часть статьи Сэндела «Мораль и либеральный идеал», в которой он дает следующую интерпретацию взглядов своей группы теоретиков:

«Когда либертариисты-либералы защищают экономику, основывающуюся на частной собственности, а эгалитаристы-либералы выступают за государство всеобщего благоденствия, коммунитаристы беспокоятся о концентрации власти и в корпоративной экономике, и в бюрократическом государстве, а также об эрозии тех промежуточных форм общества, которые временами поддерживали более живую общественную жизнь, т.е. о разрушении гражданского общества».

Очевидно, что подобная характеристика явно недостаточна для определения отличительных черт коммунитаризма, ибо аналогичное беспокойство высказывали также либералы других направлений. Скорее, главной особенностью коммунитаристов является отказ от признания необходимости регулирования рыночной экономики и любой формы «государства всеобщего благоденствия». Однако это, так сказать, в теории, а в практической политике Сэндел выявил одно-единственное различие: «коммунитаристы с большей вероятностью, чем либералы, пойдут на запрет в городе магазинов, торгующих порнографией, на том основании, что порнография оскорбляет их представление об образе жизни и соответствующих ему ценностях».

И отвечая на «классическое» либеральное возражение, что это может открыть двери к нетерпимости, к цензуре, Сэндел настаивает, что «нетерпимость процветает, прежде всего, там, где формы жизни смещены, корни не укреплены, традиции не сформированы».

Отсюда следует необходимость поддержать «те гражданские республиканские возможности, которые воплощаются в нашей традиции, но исчезают в настоящее время».

Причем очевидно, что под традициями понимается прежде всего протестантская этика и идея общего блага.

Если раньше идея «хорошо организованного общества» выстраивалась философами этого направления на основе коллективной собственности и равного доступа к политической власти, сегодня представление о нем конструируется, прежде всего, на базе устоявшихся традиций, сложившегося образа жизни в рамках общины и самоидентификации человека через культурные обычаи и влияние среды. Например, в трудах коммунитаристов в 60-е годы роль женщины в американской семье рассматривалась в контексте социального и экономического угнетения, сегодня (по крайней мере, у Сэндела) именно семья служит моделью общества и даже более важным компонентом блага, нежели справедливость.

Аналогичным образом, для «шестидесятников» патриотизм был иррациональным чувством, блокирующим движение к всеобщему миру. Теперь для Макинтайра партикуляристское содержание патриотизма уже не менее рационально, чем универсалистские притязания справедливости.

Раньше коммунитаристы видели в любых отклонениях от общепризнанной морали признак преодоления эксплуатации человека человеком, теперь же они поддерживают усилия местных общин, выступающих за сохранение традиционного образа жизни и ценностей, его поддерживающих. Таким образом, очевидно, что с политической точки зрения коммунитаристская теория 80–90-х годов стала значительно более консервативной. Иными словами, коммунитаристы – это «бунтари-шестидесятники», обретшие с годами респектабельность и стабильность.

Коммунитаристская критика усмотрела в теории Роулса не только слабости аргументации, но также и то, что он поставил перед собой изначально неверный вопрос. Как и другие либералы (к которым коммунитаристы причисляют также и Нозика), Роулс занимался в основном проблемой Формулирования принципов справедливости, которые могли бы вызвать поддержку рациональных людей, в том числе имеющих весьма разные представления о хорошей жизни. Либералы, кроме того, всегда стараются найти моральные критерии для строи-

тельства социальных и политических институтов. Но, по мнению коммунитаристов, это бессмысленное занятие, поскольку моральные принципы вообще могут быть поняты только как результат анализа практики в конкретном обществе. Можно, конечно, вывести абстрактные исходные принципы (как это делает Нозик, рассуждая о правах, или Роулс – о свободе и равенстве), однако практика всегда предшествует теории.

Однако коммунитаристы избрали именно Роулса в качестве цели критики, главным образом, лишь в качестве примера, их амбиции направлены шире – на либерализм в целом.

Современные коммунитаристы во многом повторяют критику, высказанную еще в прошлом веке в адрес Канта. Они также утверждают, что общество, воплощающее разнообразные моральные традиции и ценности и объединенное только либеральными принципами и нормами, обществом не является. Оно не может управляться на основе либеральной справедливости. И это связано, прежде всего, с философской неадекватностью либерализма. Альтернативой является, по их мнению, общество, управляемое заботой об общем благе, в котором приоритетно благо общины. Это автоматически предполагает отрицание справедливости как главной добродетели институтов.

Для коммунитаристов мораль проистекает из конкретной практики реально существующей общины, поэтому любые поиски абстрактных принципов морали – пустое занятие. Таких принципов, открытых только разумом, попросту не существует, ибо основания морали следует искать не в философии, а в политике.

По Сэнделу, проблема заключается в том, что весь либерализм строится на ложных основаниях: для того, чтобы доказать абсолютный приоритет принципов справедливости, либералы вынуждены встать на метафизический фундамент рассмотрения человеческого «я». Либеральные теоретики в целом не признают, что идентичность человека определяется обществом, на чем постоянно настаивают коммунитаристы. Макинтайр идет еще дальше, утверждая, что у либерализма

вообще нет рациональных оснований. Его источник может быть обнаружен в единственном типе социальной жизни, создающем основания для моральных суждений, то есть в таком, где сущность человека определяет его истинные цели. Либералы поэтому вынуждены либо провозглашать заведомо ложную определенность своих суждений, либо признать, что мораль есть дело индивидуального мнения, то есть таковой вообще не является.

По мнению коммунитаристов, проблемы проистекают именно из этих слабостей либерализма. Неудивительно поэтому, что коммунитаристов не привлекла и идея «общественного договора». Они также отрицают возможность того, что идея процедурной справедливости может создать адекватную основу для социальных институтов. Для того чтобы понять, какие именно правила и законы являются для нас наиболее подходящими, необходимо внимательно проанализировать жизнь своей общины, ее моральные традиции и ценности и способы их защиты.

Более того, коммунитаристы сделали и еще более далеко идущие выводы в отношении либерализма. Три столетия либерального дискурса, пишет Макинтайр, привели к разрушению этой традиции в европейской моральной теории, в свое время создавшей основу американского политического общества. Потеря либеральной моральной традиции сказалась и на том, что сегодня по существу не осталось средств для рационального разрешения споров.

По Макинтайру, единственный путь преодоления недостатков, присущих современной либеральной теории, – это согласие с коммунитаристской концепцией справедливости, в основу которой положена аристотелевская модель с некоторыми изменениями, в частности, отброшена всякая связь с метафизикой; человеческий «телос» рассматривается в традиционном ключе, при этом допускается возможность трагического морального конфликта. Однако Макинтайр не уточняет, что именно он понимает под традицией, на которой, собственно, и строится вся концепция. Главное для Макинтайра –

это способность его теории, как он полагает, избежать проблемы выбора между предпосылками, которые невозможно сопоставить. С его точки зрения, такая теория просто идет по пути признания силы соперничающих моральных благ. Проследив основные вехи истории морали со времен гомеровской Греции и вплоть до наших дней, Макинтайр сделал вывод: внутренняя несвязность либерализма принуждает делать выбор между Ницше и Аристотелем, политикой реализации воли к власти и политикой, определяемой общественной добродетелью. Его же теория якобы избавляет человека от этого выбора.

Важное разногласие возникает также в связи с пониманием целей политической философии (нормативной политической теории). Американский философ Ф. Кэннингхэм считает, что весьма важно различие двух принципиально различных подходов к этой проблеме – «историцистского» и «трансцендентального». Именно к первому подходу он относит коммунитаристов. Такие теоретики, как Р. Рорти, М. Уолцер и А. Макинтайр, помещают философию в сферу специфически общинных культурных традиций, которые, как они утверждают, придают наследующим их людям чувство идентичности и соответствующие нормы поведения. Рорти рассматривает традиции как более гомогенные и связанные друг с другом, нежели другие коммунитаристы.

С точки зрения трактовки демократии такой подход содержит и преимущества, и недостатки. Преимущество заключается в наличии основания для утверждения, что в обществе, где традиции включают демократическую политическую культуру, политическая теория неизбежно будет служить именно демократии. Ограниченность этой позиции связана с тем, что, каким образом философия будет скоординирована с демократией, зависит от совпадения времени и места.

По мнению Макинтайра и Уолцера, подобная позиция Рорти приводит к идентификации демократии с правлением современного типа в США, а роль политической теории, по существу, сводится к его апологии. Макинтайр же полагает, что традиции чувствительны к изменениям, когда они пере-

стают развиваться с точки зрения своих собственных критериев, или встречаются с альтернативными традициями, к которым в потенциале они смогут приспособиться. Но тогда уникальной функцией политической философии становится исследование возможностей и желательности прогрессивных изменений и приспособлений, где под прогрессом понимается, прежде всего, демократия. Уолцер развивает эту точку зрения, описывая «группу критиков», т.е. интеллектуалов, сориентированных на практические задачи и представляющих разные общины и традиции, однако разделяющих критическую озабоченность необходимостью поддерживать и развивать демократические ценности. Впрочем, коммунитаристы и сами ясно видят опасности такого подхода: интеллектуалы либо рискуют потерять связь со своими общинами, либо, не имея ясного критерия демократического прогресса, обнаружат враждебность к чужим традициям, тем самым осуществляют антидемократическую функцию.

Основной, определяющей чертой современного либерализма (как уже было показано выше) является утверждение приоритета права по отношению к благу. Иными словами, соображения права и справедливости призваны играть более важную роль по сравнению с общественной пользой, что гарантирует для индивида собственную власть над своими мыслями и действиями без вмешательства извне. Это предполагает право индивида на свободное развитие собственной идентичности, а также участие в демократическом процессе в качестве автономного гражданина. Если принципы права, по Роулсу, являются продуктом выбора в «исходной позиции», то концепции блага избираются индивидуально в реальном мире. Но именно в этом содержится существенное различие. Хотя и то, и другое определяется выбором, гипотетические условия «исходной позиции» предполагают, что реальные люди не имеют никакого отношения к праву. В сущности, реальный выбор начинается лишь тогда, когда снята «вуаль неведения». Иное дело – благо. Здесь каждый человек может сделать выбор самостоятельно, планировать свою жизнь, даже формулировать собственную философскую концепцию, поскольку еди-

ной и обязательной для всех нет. Именно этот смысл Роулс вкладывает в приоритет права над благом, причем как в моральном, так и в эпистемологическом отношении.

Блага, в отличие от телеологической теории, у Роулса отнюдь не универсальны и не присущи индивидам внутренне, априорно. Речь, в сущности, идет о группе благ, которые могут быть полезными как для реализации индивидуальных целей, так и о частичной реализации общей цели, о желательных для всех благах, находящихся под прямым контролем социальных структур общества. Иными словами, принципы справедливости в условиях современной демократии, выведенные независимо от каких-либо моральных, религиозных или философских теорий, детерминируют в своих рамках определенные концепции блага.

Но то, каким образом Роулс защищает это положение, вызвало резкую критику, особенно со стороны приверженцев коммунитаристского подхода. Как мы увидим это ниже, по их мнению, подобный приоритет права над благом вообще не может существовать, поскольку предполагает весьма специфический тип общества с совершенно определенными институтами. Как пишет, например, Чарльз Тэйлор, «основная ошибка атомистического индивидуализма заключается в том, что он, будучи неспособным дать оценку степени, до которой свободный индивид со своими собственными целями и стремлениями будет защищать свое справедливое вознаграждение, сам оказывается возможным только в определенном типе цивилизации; требуется длительный период развития определенных институтов и практики правления закона, правил уважения равенства, обычаев совместных обсуждений, общей ассоциации, культурной эволюции и т.д. для того, чтобы создать современного индивида».

А коль скоро признано, что наличие прав и концепция справедливости не существуют априорно и независимо от специфических форм политической ассоциации, то, по мнению этих критиков, не может быть и абсолютного приоритета права над благом. Они противопоставляют роулсовской трак-

товке приоритета справедливости и индивидуальных прав идею общего блага, построенного на основе разделяемых моральных ценностей.

Коммунитаристы выступили против обоснования приоритета права по отношению к благу через моральное действие, а также против эпистемологических утверждений в отношении порядка морального знания. Ч.Тэйлор пишет, например, что мы не можем разрешить вопросы права или справедливости, встав на нейтральную позицию по отношению к благам, ценным для людей. Вместо этого следует погрузиться в дебри *«языка качественных противоположностей»* для того, чтобы сделать неизбежный, хотя и весьма трудный выбор среди разнообразных благ. М. Уолцер, в свою очередь, полагает, что любые аргументы в отношении прав и распределительных принципов должны принимать во внимание разделяемый смысл различных социальных благ. Права же, по его мнению, не могут быть определены до блага, поскольку природа и сфера действия распределительных принципов будут варьироваться по отношению к социальным благам.

Главный аргумент Сэндела сводится к тому, что либерализм вообще основывается на целой серии ошибочных метафизических и метаэтических взглядов. К их числу он причисляет убеждение, что справедливость абсолютна и универсальна; что люди могут узнать друг друга настолько хорошо, чтобы иметь разделяемые цели; что самоидентификация человека происходит вне зависимости от социальных целей. А коль скоро предварительные условия ошибочны, неверен и вывод либерализма о превосходстве права над благом.

В самом общем виде сэнделовская аргументация может быть сведена к следующим положениям:

во-первых, признать политику, основывающуюся на принципе прав, значит верить, что справедливость должна обладать абсолютным приоритетом над всеми другими конкретными целями;

во-вторых, признать приоритет справедливости над концепцией блага, значит верить, что идентификация чело-

века может быть осуществлена до определения блага (в противном случае концепция блага каждого человека войдет в общую концепцию блага);

в-третьих, поскольку идентификация происходит на основе концепции блага, справедливость не может обладать приоритетом. Из этих рассуждений он делает однозначный вывод: следовательно, нельзя поверить в адекватность политики, основывающейся на правах человека.

В сущности, каждый из этих аргументов может быть оппорен. Политика прав может быть признана не потому, что справедливость имеет приоритет перед благом, а поскольку стремление к благу требует, чтобы общество защищало права своих членов. Справедливость может быть приоритетной по отношению к благу отнюдь не потому, что члены общества априорно индивидуалистичны, а поскольку это самый правильный путь распределения блага между гражданами, которые отнюдь не обязательно должны соглашаться с общей концепцией блага. Наконец, неверно и утверждение, что человеческая идентичность определяется концепцией блага. Этот процесс неизмеримо сложнее. Конечно, общество, традиции, культура, уровень развития цивилизации и т.д. оказывают важное влияние на формирование личности. Но нельзя сбрасывать со счетов и определенные генетические предрасположенности и, наконец, что наиболее важно, собственную волю человека. Человек – не запрограммированный робот, это личность, вносящая собственное творчество в жизнь общества. Но даже если бы мы вдруг смогли убедить себя и других, что именно представление о благе идентифицирует человека, то вполне логичным было бы заключить, что справедливость должна войти в качестве важнейшего ингредиента в эту концепцию блага. Поэтому с аргументацией Сэндела в этом вопросе никак нельзя согласиться.

Кроме того, Сэндел стремится доказать, что, несмотря на очевидное стремление Роулса дистанцироваться от кантовской метафизики, ему это так и не удалось сделать. Виной тому – роулсовская приверженность деонтологическому подхо-

ду. Сэндел также видит ошибку в утверждении Роулса, что справедливость есть главная добродетель социальных институтов, то есть он не соглашается с самим предположением, что моральные нормы могут быть применимы к социальным институтам. Еще один недостаток он видит в «метаэтическом утверждении, что основания справедливости должны быть независимы от всех социальных и исторических случайностей, не будучи при этом трансцендентальными».

При этом Сэндел опирается на суждение Роулса о том, что «идеал личности, воплощенный в принципах справедливости, является архимедовой точкой для оценки основополагающей структуры общества».

Смысл разногласий между либералами и коммунитаристами весьма прозрачен. Либералы утверждают приоритет права над благом на том основании, что не существует бесспорной концепции блага, признаваемой всеми гражданами в качестве общей основы общественного сотрудничества. Коммунитаристы, напротив, полагают, что попытка определения принципов справедливости без признания разнообразия благ и принципов распределения – не что иное, как самообман.

Однако все здесь не столь однозначно. При ближайшем рассмотрении, избавленном от полемического накала, видно, что позиции спорящих носят во многом компромиссный характер. Дело в том, что и либералы соглашаются, что права предполагают некоторое положение о благе. Роулс, например, неоднократно упоминает, что определение прав опирается на «узкую» теорию блага, включающую минимально необходимые положения о природе общественного сотрудничества. Коммунитаристы в свою очередь весьма высоко ценят либеральные права как идеал и атрибутивную черту демократического общества прежде всего потому, что эти права обладают приоритетом в силу их фундаментальной роли в гарантировании равной способности индивидов формировать и следовать своей собственной концепции блага и, тем самым, определять общественную идентичность в рамках взаимно определенных и признанных ограничений.

Проблема приоритета права над благом тесно связана со вторым «камнем преткновения» в споре между либералами и коммунитаристами – с концепцией человеческого «я». По мнению Сэндэла, концепция «я» у Роулса носит спорный характер с моральной точки зрения.

«Справедливость – не может быть приоритетной в деонтологическом смысле, поскольку мы не можем последовательно рассматривать себя как существо, предполагаемое деонтологической этикой, будь то кантовской или роулсовской».

По Сэнделу, в теории Роулса самость должна была бы обладать единством и идентичностью, первичной по отношению к ее принадлежности к какому-то определенному историческому обществу и приверженности некоей специфической цели. Создают «я» не какие-то цели или привязанности, а просто *потенциал* индивидуального выбора. В соответствии с этой «узкой» концепцией «я», самость связана со своими целями как с простой «системой желаний». Можно как угодно упорядочивать эту систему, но, по Сэнделу, она отнюдь не обязательно определяет самоидентичность. Более того, подобное противопоставление «я» и его целей в конце концов подрывает положение о моральном действии. «Я», существующее еще до того, как его цели сформулированы, должно быть «вообще без характера, без моральной глубины» и поэтому «не способно к самопознанию в каком-либо серьезном моральном смысле». Макинтайр говорит еще более прямо, утверждая, что в этом случае моральные агенты превращаются в призраков, и они, разумеется, не существуют».

Коммунитаристская альтернатива рассматривает людей как «самоинтерпретирующихся животных». Это предполагает не просто «взвешивание» предпочтений, но и процесс конструктивной интерпретации и оценки желаний по отношению к самоидентификации. Кроме того, коммунитаристы акцентируют связь между историческим обществом и самоидентификацией. Иными словами, «я» получает трактовку в широком смысле, ибо оно существует одновременно и в индивидуальной и в коллективной интерпретации.

Роулс описал свою моральную концепцию личности, обладающую «моральной силой высшего порядка», включая способность формулировать, пересматривать и рационально осуществлять концепцию блага, однако он не отрицал и высокой степени определения самоидентичности человека обществом. Например, в статье, написанной в середине 70-х годов, Роулс признал, что никакая степень личностной идентичности не является «естественной или зафиксированной»; она зависит от идеалов и ценностей, воспитанных обществом и его институтами».

Тем не менее, острая критика коммунитаристов заставила Роулса позднее вернуться к переосмыслению проблемы «я» и сделать не столько шаг навстречу, сколько в сторону от позиции своих оппонентов, обратившихся к более глубоким философским вопросам моральной психологии. В результате он пришел к выводу, что его концептуальная модель личности с двумя ее моральными силами высшего порядка – это просто-напросто основополагающая интуитивная идея, по предположению интуитивно присущая общественной культуре демократического общества. По Роулсу, дальнейшая защита концепции морального действия как части всесторонней моральной теории нарушает «принцип терпимости», который необходимо соблюдать при попытке узаконить принципы справедливости в демократическом обществе. Вывод вполне ясен: метафизика уходит, освобождая место политической теории. Поэтому Роулс и его многочисленные сторонники начали весьма недвусмысленно давать понять, что либерализм не предполагает никакой метафизики. Главной целью либеральной теории справедливости являются поиски принципов, адекватных обществу с плюрализмом мнений по разным вопросам, включая и метафизические проблемы, такие как, например, природа идентификации личности. Поэтому либеральная справедливость вовсе не предполагает наличия целостной моральной системы; ее цель – регулирование социальных институтов, а отнюдь не всех аспектов человеческой жизни в обществе. Она не отражает и не претендует на глу-

бинное познание сущности человеческого «я», а предлагает лишь, как мы это показали выше, некий «модус вивенди» в плюралистическом обществе.

Впрочем, коммунитаристы здесь уловили реальное напряжение. Роулс говорит, что политические идеалы должны соответствовать политической культуре демократического общества, но тогда принципы отражают какие-то глубинные представления человека о самом себе. Но если это и есть та самая метафизика, которую должна признавать либеральная справедливость, то сэнделовская критика оказывается легко опровергаемой в более поздних работах Роулса.

Деонтологическая интерпретация может доказать приоритет справедливости, введя некоторые предварительные условия и отнюдь не впадая в «деонтологическую метаэтику» или телеологию. Поэтому в целом попытка Сэндела указать, что Роулс не сумел убедить в том, что права есть основа справедливости, не удалась, хотя он и сумел показать некоторые неувязки и противоречия, способствуя тем самым уточнению теории справедливости в поздний период.

Не более успешной была и попытка опровергнуть основания теории со стороны Макинтайра. Его критический пафос был направлен прежде всего на серьезное отношение к правам человека со стороны Роулса.

«Почему, – спрашивает Макинтайр, – мы должны подходить к современному употреблению понятий *блага, права* и *обязанности* как-то иначе, нежели полинезийцы восемнадцатого века относились к табу?»

Полинезийцы, в сущности, не знали, что стоит за табу, важно лишь было то, что нечто запрещалось. Аналогичным образом, считает Макинтайр, рассуждая о правах человека, мы лишь употребляем некий «моральный козырь», за которым ничего не стоит, во всяком случае, там нет никакого социального контекста.

Только при условии признания социального контекста рассуждения о правах человека могут получить рациональные основания. У каждого человека есть «данная ему роль и статус

в рамках хорошо разработанной и высоко детерминированной системы ролей и статусов», что и определяет, с точки зрения Макинтайра, его идентичность.

Но аристотелевский метод выяснения блага через изучение социального смысла ролей неприменим в обществе, где не существует единственного общепризнанного, а чаще принудительно навязанного, понимания блага. Даже если в каких-то случаях представление о благе и вытекает из той или иной социальной роли человека, следует иметь в виду, что в современном демократическом обществе с довольно высоким уровнем социальной мобильности (в отличие, скажем, от жесткой иерархии средневековья) социальная роль нередко избирается самим человеком, в том числе и в зависимости от его представлений о благе.

Сходная ситуация имеет место в связи с либеральными представлениями о правах человека. Очевидно, что они обусловлены исторически и социально. Однако неверно говорить об их жесткой детерминации в соответствии только с данным конкретным уровнем развития общества.

Таким образом, основной метод интерпретации роуловской теории, используемой коммунитаристами, – это дуалистический подход к моральному космосу. Можно привести множество примеров противопоставлений нижеследующего типа: либо человеческая идентичность вообще не зависит от его целей, и при этом он волен планировать свою жизнь как ему заблагорассудится, либо человек – продукт общества, и его личность полностью детерминируется социально значимыми целями; либо справедливость не зависит от исторических и социальных условий, либо она целиком определяется социальной практикой каждого общества и т.д. Например, Макинтайр считает надуманной целью современной моральной философии превращение от природы эгоистичных людей в альтруистов. А вот у Аристотеля, по его мнению, таких проблем не возникает. Ибо у него всегда благо одного человека совпадает с благом всего общества.

Главная проблема здесь, в сущности, заключается в жестком, манихейски черно-белом рассмотрении проблем. Логика: если я прав, то мой оппонент заведомо неправ, – в принципе противостоит либерализму, акцентирующему прежде всего плюрализм мнений и взглядов, высокий уровень терпимости. Либеральная политика обязательно направлена на консенсус, согласие, в то время как коммунитаризм очевидно предрасположен к подавлению соперничающих представлений о том, что же такое справедливость и как должно быть устроено справедливое общество.

Третий «узел» противоречий между либералами и коммунитаристами связан с проблемой узаконивания политических идеалов и институтов. В статье «Справедливость как честность: политическое, а не метафизическое» Роулс фактически признал, что в «Теории справедливости» он допустил ошибку, заключающуюся в описании справедливости как части теории рационального выбора, несовместимой со взглядами Канта. В то же время в более поздних статьях Роулс говорит, что защита либерализма, которую можно найти у Канта и Милля, не соответствует демократическому порядку, поскольку она опирается на «всесторонние моральные взгляды» – положение об автономии в первом случае, утилитаризм – во втором; а это неизбежно превратится в противоречие в условиях плюралистического общества. Роулс предпочитает опираться на идеи, которые считаются широко разделяемыми в общественной политической культуре современных демократий. Хотя может и не существовать морально нейтрального основания, Роулс утверждает наличие общего основания, причем такого, которое не предполагает противоречивых философских положений. Обеспечивается оно с помощью «метода уклонения» от спорных положений, а также через обращение не просто к любой группе общественно признанных взглядов, а к взглядам рефлексивно рассмотренным и взаимно приспособленным в процессе размышления («рефлексивное равновесие»).

Но правы ли коммунитаристы в целом? По-видимому, все-таки нет.

Прежде всего, коммунитаристы неправильно поняли теории Роулса, предположив, что он предлагает построить «хорошо организованное общество» на основе проекта или сформулировать универсальные моральные принципы без учета имеющейся практической морали в существующем обществе. Роулс, между тем, постулировал, что его начальный пункт рассуждений – это именно практическая мораль общества, в котором он живет.

Еще одно замечание коммунитаристов связано с тем, что метод Роулса, избранный им для анализа принципов, лежащих в основе имеющейся моральной и политической практики, неадекватен. Роулс как философ все время находится внутри своего общества, но смотрит на него как бы со стороны. Однако его идеи, по мнению коммунитаристов, в лучшем случае могут быть сочтены ненужными, если вообще не подрывными. Политические решения, подчеркивает, например, Уолцер, принимаются в политической (демократической) сфере, а отнюдь не в процессе философствования.

«Различие между политикой и справедливостью нигде не проявляется так наглядно, как в роулсовском подходе к справедливости, – указывает М. Джексон, – и если политика и справедливость – антиподы, тогда справедливость вообще недостижима».

Однако Роулс начал рассмотрение проблемы с констатации политических разногласий вокруг справедливости. Разрешить эти проблемы, оставаясь в сфере политики, практически невозможно; для этого нужно выйти за пределы политического. А это и означает – обратиться к философии, точнее, провести грань между политикой и политической философией. Но это обычная практика, ибо политическая деятельность и политическое теоретизирование – отнюдь не одно и то же. К тому же, Роулс дает достаточно рекомендаций о практическом применении его теории справедливости. Коммунитаристы так и не дали ответа на вопрос, каким образом они сами теоретизируют вокруг проблем политики.

Много вопросов возникает также и в связи с коммунитаристской критикой либерализма. Сэндел, как показано выше,

критиковал Роулса за то, что он не смог дать адекватной характеристики «я» с точки зрения его связи с общиной. Другой американский философ А. Гуттман, много занимавшийся проблемами коммунитаризма, говорит, что «чувство принадлежности к общине – это «тип самосознания, *только отчасти* конституирующий «нашу идентичность»».

Однако если речь идет только о частичном определении идентичности со стороны общины, то тогда нет такой уж большой разницы между взглядами Сэндела и либерализмом.

Это не единственная точка пересечения либеральных и коммунитаристских взглядов, фактически они во многом пересекаются. В конце концов, они вышли из одного гнезда.

И все же спор с коммунитаристами со всей очевидностью показывает, что роулсовская модель, в том числе в усовершенствованном виде, продолжает оставаться весьма уязвимой и открытой для критики. Заслуга же коммунитаристской критики заключается прежде всего в том, что именно ей Роулс обязан наиболее внимательным прочтением своей теории справедливости, вскрывшей множество напряжений и неувязок, однако так и не давшей по сей день собственной адекватной коммунитаристской альтернативы, по существу оставшейся в рамках критической социальной теории.

Относясь с изрядным сомнением к либерализму, акцентирующему значение прав человека, коммунитаризм в то же время так и не смог объединиться вокруг какой-то общей политической альтернативы. Политические теоретики с самым разным идеологическим бэкграундом на каком-то этапе переходили на позиции коммунитаризма. Например, одно время коммунитаризмом увлекался консервативный мыслитель Майкл Оакшотт, которого привлек интерес коммунитаристов к традиции, противостоящей универсалистскому рационализму. К коммунитаризму пришли такие теоретики как Ханна Арендт и Майкл Сэндел, которых заинтересовала проблема участия в общественной жизни. И сегодня коммунитаризм привлекает новое поколение политических теоретиков, стремящихся восстановить чувство общественной ответственности в

ситуации, которую они рассматривают как крах индивидуализма как «новых правых», так и «новых левых».

Новые левые – общее наименование идейных течений и политико-культурных движений, получивших в 50–60 гг. распространение в западном мире. Их объединяла критика современной буржуазной цивилизации, советского социализма и марксизма с леворадикально-романтических позиций

Новые правые – политико-культурное течение консервативной направленности, возникшее в странах Западной Европы и США в конце 70-х годов. Они выступили с критикой современного капиталистического общества, призывая ограничить вмешательство государства в экономику, засиле профсоюзов, предлагая вернуться практически к *laissez-faire* и традиционным ценностям.

Коммунитаризм, тем не менее, весьма уязвим с точки зрения критики либералов. Они считают, что он не способен защитить индивидуальную свободу, в нем нет механизмов, препятствующих приходу традиционного авторитаризма или тирании большинства. Многие сближают коммунитаризм с консервативной идеей органического сообщества, в котором благополучие целого обеспечивается за счет его отдельных частиц – индивидов. Даже если коммунитаризм ратует за либеральное сообщество, он никак не защищает отдельного индивида от тирании большинства. Идея демократии консенсуса, которую развивают некоторые радикальные коммунитаристы как альтернативу демократии большинства, совершенно иллюзорна в мире, где преобладает конфликт интересов и отчужденность культур.

Тем не менее, коммунитаризм сумел выдвинуть целый ряд весьма важных идей и положений. Они заставили вернуться и еще раз переосмыслить влияние на формирование моральных аргументов традиций и обычаев. Даже противники этого подхода начали использовать коммунитаристский язык и терминологию. Они обратили внимание на проблему морального долга перед своим сообществом. Коммунитаризм

сты восстановили значение семейных ценностей, дружбы, сотрудничества в сообществе, тем самым вернув традиционные ценности в сегодняшний атомизированный мир. Поэтому коммунитаризм сегодня оказался столь привлекательным для тех, кто, будучи либералом, выступает в защиту индивидуальных прав человека, но хочет дополнить их традиционными ценностями.

Тема 10.

Глобальное гражданское общество

Энтони Гидденс: модерн – общество риска

Крупнейшие политические и социальные мыслители XIX–XX веков Карл Маркс, Макс Вебер, Эмиль Дюргейм, Георг Зиммель и другие много внимания уделяли проблемам критического анализа общества Современности. Всех их отличало стремление определить точку зарождения Современности. Отдавая должное преимуществам, связанным с этим периодом в человеческой истории, они все, главным образом, занимались его критическим анализом.

Гидденс Энтони (род. 1938) – один из крупнейших социальных теоретиков и политических мыслителей Великобритании. Гидденс родился 18 января 1938 года. Он учился в Галльском университете, Лондонской школе экономики и Лондонском университете. Поначалу он занимался эмпирическими проблемами и его первые труды были посвящены проблеме самоубийства. С 1969 года он преподавал социологию в Кембриджском университете. Он принимал активное участие в международном сотрудничестве, результатом чего стала публикация в 1975 году книги «Классовая структура современных обществ», принесящая ему известность. В следующее десятилетие он опубликовал ряд немаловажных теоретических трудов. В 1984 года после многих лет работы он издал свое теоретическое кредо – «Устройство общества: очерк теории структуризации». В 1985 году он был назначен профессором социологии Кембриджского университета. В настоящее время он является ректором престижной Лондонской школы экономики и политической науки.

Для Маркса Современность была связана, прежде всего, с капиталистической экономикой. Он признавал прогресс, достигнутый капиталистическим обществом по сравнению с более

ранними обществами, однако большая часть его работ посвящена критике данной экономической системы и ее недостатков (отчуждения, эксплуатации и т.д.).

Для Вебера отличительной чертой современного мира стала экспансия Формальной рациональности за счет других типов рациональности, что привело в конце концов к появлению «железной клетки» рациональности. Люди во все большей степени оказываются запертыми в этой клетке и, как следствие, все в меньшей степени оказываются в состоянии выражать присущие человеку черты. Разумеется, Вебер признавал преимущества прогресса рациональности, например, усиления бюрократии по сравнению с более ранними организационными формами, но больше всего его волновали проблемы, связанные с рационализацией. Конечно, современный мир рубежа XX и XXI веков сильно отличается от того, который анализировал Вебер столетие назад.

Из сегодняшних теоретиков, сохранивших определенную преемственность с «классикой», следует назвать Энтони Гидденса – нынешнего ректора знаменитой Лондонской школы экономики и политической науки. Начало Модерна он проследживает с XVII столетия и определяет его индийским словом Джагернаут. Точнее, он использует этот термин для обозначения развитой стадии Современности (позднего, или высокого Модерна). Тем самым, Гидденс выступил против тех, кто утверждает, что мы уже вошли в постмодернистский мир, хотя и допускает возможность какого-то типа постмодернизма в будущем. Мы все еще живем в современном мире, но он сильно отличается от современности Вебера и Маркса, полагает Гидденс.

Вот как Гидденс описывает «Джагернаут» Современности: «неуправляемый мотор огромной мощности, которым мы можем, будучи людьми, управлять до определенной степени, но угрожающий выйти из-под контроля и разлететься на части. Джагернаут громит тех, кто сопротивляется ему, и хотя иногда кажется, что он движется по прямой дороге, время от времени он вдруг бросается в разные стороны, предвидеть эти броски невозможно».

Современность как форма Джагернаута – исключительно подвижна. Это «неуправляемый мир», который ни по своим масштабам, ни по динамике не имеет аналога ни в одной предшествующей системе. Кроме того, Гидденс полагает, что этот новый мир отнюдь не однолинеен. Он состоит из множества конфликтующих частей. Джагернаут движется сквозь время и пространство.

Современность может быть определена через пять основных институтов:

1. **Капитализм**, который характеризуется товарным производством, частной собственностью на капитал, наемным трудом и классовой системой.

2. **Индустриализм**, предполагающий использование колоссальных энергетических ресурсов и машин для производства товаров. Влияние индустриализма не ограничивается сферой потребления, он оказывает воздействие и на другие сферы жизни – транспорт, коммуникации и даже быт.

3. **Надзор** – новая характеристика, присущая именно Модерну, которая была впервые отмечена Мишелем Фуко. Гидденс определяет ее как способность наблюдать за поведением подданных.

4. **Контроль над инструментами насилия**, в том числе военной силой. Сюда входит также индустриализация войны.

5. **Национальное государство**, радикально отличающееся от форм государственности эпохи до-Модерна. Для исследований нашей эпохи характерен больший акцент на национальном государстве, нежели на обществе.

Что же обеспечивает динамизм Современности? Гидденс называет три характеристики Модерна, предопределяющие характер его развития.

Во-первых, разделение времени и пространства. Оно, как и все положения у Гидденса, носит нелинейный характер. Оно диалектично. В обществах, предшествующих Современности, время всегда было связано с пространством (например, два дня пути). С развитием модернизации время было стандартизировано, а тесная связь между временем и пространст-

вом нарушилась. С этой точки зрения, и время, и пространство «утратили» свое содержание; никакое время или пространство уже не могло быть предпочтительным. Они превратились в чистые формы. В обществах до Модерна пространство в значительной степени определялось физическим присутствием, то есть локальными местностями. С наступлением Современности время и пространство начали все больше отдаляться друг от друга. Поддержание отношений с теми, кто отсутствует или находится далеко, становятся обычным делом. Гонца сменила хорошо организованная почта. На смену почте пришел телефон, во всех его статичных, мобильных или спутниковых разновидностях.

Разделение между временем и пространством привело к некоторым немаловажным последствиям:

1) оно сделало возможным создание рационального способа организации (например, бюрократии) и национальных государств, обладающих большой внутренней динамикой (в отличие от обществ до-модерна), и способных увязывать локальную и глобальную сферу;

2) оно привело к рационализации взглядов на всемирную историю и позволило искать в истории то, что сформировало настоящее;

3) подобный раскол является важнейшей предпосылкой высвобождения, придающего динамизм развитию.

Во-вторых, высвобождение означает выход социальных от ношений локального контекста взаимодействий и их рекрутирование в неопределенном времени-пространстве. В современном обществе действуют два типа механизмов высвобождения.

1. Символы (например, деньги). Мы можем взаимодействовать с другими людьми, находящимися далеко от нас во времени и пространстве. Так, мы можем из Москвы перевести деньги через банк «Барклай», штаб-квартира которого находится в Англии, нашему приятелю, который в это время путешествует по Индонезии. Или, например, воспользоваться деньгами от продажи домика, который наш дедушка купил на южном берегу Крыма лет 50 назад.

2. Системы технических достижений или профессиональных экспертиз. Например, международное сообщество политологов – Международная ассоциация политической науки (IPSA). Экспертные системы помогают строить дома, в которых мы живем, и автомобили, на которых мы ездим. Без профессиональной экспертизы не обходится почти ни одно действие в человеческом обществе. Эксперты, таким образом, помогают преодолевать время и расстояние. Однако здесь важнейшую роль играет доверие. Так, для того, чтобы финансовая и правовая системы были работоспособными, необходимо, чтобы люди им доверяли.

В-третьих, Гидденс называет в качестве еще одной характеристики динамизма современности рефлексивность. Она имеет особый смысл, поскольку социальная и политическая практика постоянно изучается и реформируется в свете новой информации. В современном мире все открыто для рефлексии, включая и саму рефлексивность. Рефлексивность предполагает доверие к абстрактным системам, в частности, к экспертным оценкам. А это, по Гидденсу, предполагает возникновение зоны риска, ибо не всякая абстрактная система верна (позитивисты сказали бы, что никакая – не верна). Риск – глобальный феномен (ядерная война может уничтожить нас всех), и все большее число событий оказывает влияние на громадные массы людей. Поэтому Гидденс и называет Современность Джагернаутом, то есть нашему миру сегодня присуще онтологическое отсутствие безопасности.

Что же случилось? Почему мы должны страдать от негативных последствий наступления Современности? Гидденс называет четыре основные причины:

1. Ошибки создателей этого мира.
2. Ошибки управляющих современным миром.
3. Ненамеренные последствия благих намерений.
4. Ошибочность нашего знания об обществе.

Гидденс полагает, что никакой точный социальный прогноз о дальнейшем развитии общества невозможен в принципе. Поэтому современный мир не контролируем. Однако это

не означает, что мы обречены на вечные ошибки вследствие недомыслия. Гидденс предлагает в качестве панацеи утопический реализм. Иными словами, он пытается найти баланс между утопическим идеалом и реальностью жизни в современном мире. Он высоко оценивает роль социальных движений, способных снизить риски Современности. Таким образом, Гидденс все же остается оптимистом.

Гидденс полагает, что Модерн – это культура риска. Дело не в том, что социальная жизнь носит более рискованный характер, чем следовало бы. Скорее, концепция риска становится фундаментально значимой для того способа, с помощью которого действующие лица и технические специалисты организуют социальный мир. Модерн ограничивает риск в целом ряде сфер общественно-политической жизни, но в то же время он создает новые зоны риска, неизвестные в другие времена.

Дальнейшее развитие эта проблема получила в нашумевшей работе Ульриха Бека «Общество риска: к новой Современности». По мнению Бека, мы продолжаем жить в условиях Модерна, однако в его новой форме. Предшествующая «классическая» стадия Модерна ассоциировалась с индустриальным обществом, а зарождающаяся новая Современность связана прежде всего с обществом риска. Мы еще не живем в обществе риска, но уже ушли из индустриального общества. Это означает, что современное общество содержит в себе элементы обоих Модернов. Более того, общество риска вообще можно рассматривать как форму индустриального общества, поскольку многие риски вытекают из деятельности промышленности.

«Подобно тому, как модернизация разрушает структуру феодального общества в девятнадцатом веке и создает индустриальное общество, – пишет Бек, – модернизация сегодня разрушает индустриальное общество, и приходит другая Современность».

Иными словами, мы наблюдаем сегодня не конец, а начало Современности, то есть Модерна, выходящего за пределы «классической» версии.

Что представляет собой эта новая Современность? И как с ней связано общество риска?

Бек называет ее рефлексивной Современностью. Логика его рассуждений такова: Процесс индустриализации начался на Западе. Это означает, что люди во все большей степени становятся свободными от структурных ограничений и, как следствие, в большей степени способны заниматься рефлексивным творчеством не только для себя, но и для общества, в котором они живут. Люди все меньше зависят от класса, к которому принадлежат, и действуют вполне самостоятельно. Опираясь на собственные ресурсы, люди становятся все более рефлектирующими. Возникают новые социальные отношения и новые социальные связи на основе индивидуального выбора.

Современная фаза развития общества имеет множество признаков предшествующего, индустриального общества. Главным вопросом индустриального общества был вопрос о богатстве и его распределении. В сегодняшнем обществе основной вопрос – это проблема предотвращения или, в крайнем случае, минимизации риска. В «классическом» Модерне идеалом было равенство, в сегодняшнем – безопасность. В «классической» Современности люди стремились к солидарности ради позитивной цели равенства, в развитом Модерне солидарность служит негативной и оборонительной цели спасения от множества опасностей.

Риск, как правило, создается источниками богатства в современном обществе. Так, побочные плоды производства создают опасности не только для конкретного общества. В силу процессов глобализации, они могут представлять опасность мира в целом. Опираясь на концепцию пространства времени, Бек утверждает, что современные риски не ограничиваются ни местом (индустриальный выброс в одной стране может нанести ущерб другой, даже отдаленной стране), ни временем (Чернобыль может сказаться и на будущих поколениях).

В новом Модерне теряет свое значение и классовая структура общества. Бек пишет:

«История распределения риска показывает, что подобно богатству, риски только в инверсионном плане связаны с классом: богатство аккумулируется наверху, риск – внизу. С этой

точки зрения, риск только усиливает, а не уничтожает классовое общество. Бедность привлекает множество рисков. Богатые (по уровню доходов, власти, образования) приобретают, наоборот, безопасность и свободу от риска».

То же самое относится и к нациям. Богатые страны умеют избавляться от многих рисков, бедные, похоже, притягивают их.

Традиционная сфера политики, правительство теряет власть, поскольку самые большие риски возникают благодаря появлению так называемых субполитик, например, политики крупных компаний, исследовательских центров и т.д. Именно в субполитических системах воплощаются структуры нового общества ради высшей ЦЕЛИ - прогресса знания, которые попросту игнорируют и парламентские системы, и оппозицию. Бек называет этот процесс «распадом политики», когда политику уже больше не осуществляет централизованное правительство, а она становится сферой контроля разнообразных субгрупп, равно как и отдельных индивидов. Эти субгруппы и индивиды могут быть более рефлексивны и самокритичны нежели централизованное правительство и они, как правило, лучше справляются с проблемами, порождаемыми Современностью. Таким образом, диалектика заключается в том, что развитый Модерн одновременно генерирует как беспрецедентные риски, так и рефлексивные способности справляться с ними.

Современность – незавершенный проект

Одним из последовательных и настойчивых защитников Современности и присущей ей рациональности от нападок постмодернистов является, безусловно, уже известный нам Юрген Хабермас. В отличие от многих других современных интеллектуалов, перешедших на анти- и постмодернистские позиции, Хабермас рассматривает институциональный порядок Современности как проявление рациональности. Он не принял модного теперь цинизма в отношении эмансипатор-

ского потенциала Модерна. Он продолжает верить в проект Просвещения, который, по его мнению, создал экономическую основу для рационализации мира.

Хабермаса интересует, почему проблемы современного бюрократического, социального рыночного государства продолжают разрастаться. Тема это не новая. Многие сторонники социальной рыночной модели уже пытались ее решить. Наиболее распространенная точка зрения предполагает, что разрешение этих проблем должно происходить на уровне системы, и необходимо просто, добавлять новые и новые подсистемы для решения возникающих вопросов. Однако, по мнению Хабермаса, из этого ничего не выйдет. Единственным последствием такого подхода станет бесконечный и безграничный рост бюрократического аппарата. Он видит решение проблем в реструктуризации отношений между системой и жизненным миром.

Во-первых, прежде всего, необходимо ограничить воздействие системы на жизненный мир. По его мнению, нельзя научить систему функционировать лучше, чем она это делает. Во-вторых, необходимо выстроить своего рода «сенсорные» установки с тем, чтобы жизненный мир воздействовал на систему. Они могут стать Важным шагом на пути роста взаимопонимания между системой и жизненным миром. Именно здесь на сцену выходят различные социальные движения, поскольку именно они выражают надежду на воссоединение системы и жизненного мира, что позволит рационализировать их обоих до максимальной степени.

Хабермас не связывает свои надежды с Соединенными Штатами Америки, которые так поддерживают систему рациональности, что это приводит к оскудению жизненного мира. Но он не связывает надежд и с Европой, поскольку она заражена идеей, что нормативное содержание Современности, скрытое в рационализированном жизненном мире, может быть высвобождено с помощью все более сложных систем. Тем не менее, у Европы все же остается возможность ассимилировать наследие восточного рационализма. Это наследие выра-

жается в ограничениях системы рациональности для того, чтобы позволить расцвет рациональности жизненного мира до такой степени, чтобы оба типа рациональности могли сосуществовать на равных в современном мире. Такое полное партнерство между системой и рациональностью жизненного мира позволило бы завершить проект Современности. А поскольку мы находимся еще очень далеко от этой цели, мы далеки и от окончания Современности, и, уж тем более, отнюдь не на пороге и не в центре Постмодерна.

Тема 11.

Виртуальное гражданское общество

Хабермас против постмодернизма

Юрген Хабермас уделил немало внимания критике постмодернизма. Одно из своих эссе он так и назвал «Модерн против Постмодерна» (1981). В этом эссе Хабермас поставил вопрос о том, должны ли мы пытаться в свете всех трагедий и ошибок XX столетия и впредь придерживаться идей Просвещения или мы должны провозгласить весь проект Модерна бессмысленным? Хабермас, как мы уже знаем, не сторонник отказа от проекта Просвещения, или, иначе, Современности. Поэтому он предпочел сконцентрировать свое внимание на ошибках тех, кто Современность отвергает.

В качестве одной из наиболее значимых ошибок постмодернистов Хабермас называет отказ от науки, по крайней мере, изучающей жизненный мир. Хабермас настаивает на возможности рационального, «научного» познания жизненного мира, равно как и на его рационализации.

Критика постмодернизма Хабермасом включает следующие основные положения:

1. Постмодернисты так и не пояснили, создают ли они серьезную социально-политическую теорию или просто занимаются литературой. Если речь идет именно о теории, тогда непонятно, почему они отказываются от институционально установленного словаря. Если же это литература, то аргументация теряет всякую логическую убедительность. В любом случае, серьезный критический анализ работ постмодернистов практически невозможен поскольку они всегда могут возразить, что мы не поняли их теории или литературные экзерсисы.

2. Постмодернисты говорят, что увлечены нормативностью, но что имеется в виду остается непонятным для читателя. Остается неясным, почему они критикуют современное

общество, каковы их цели и т.д. Постмодернисты явно отвергают ВСЯКУЮ нормативность. Именно ее отсутствие, собственно, и не дает возможности постмодернистам развить самосознание таким образом, чтобы нацелить его на решение тех проблем, которые они обнаруживают в мире. Хабермас противопоставляет этому свои нормативные чувства (свободная и открытая коммуникация, что со всей очевидностью позволяет представить, какая политическая программа, с его точки зрения, может быть наиболее эффективной. У постмодернистов ничего этого нет.

3. Хабермас обвинил постмодернизм в тотальности (от которой они всегда отреклись), поскольку они так и не смогли дифференцировать феномены и практики, имеющиеся в современном обществе. Например, постмодернисты говорят о мире, в котором господствуют власть и надзор, однако этого недостаточно для анализа реальных источников подавления в современном мире.

4. Хабермас обвиняет постмодернистов также в игнорировании повседневности и ее практик, что для Хабермаса, как уже было показано, имеет особо важное значение. Это создает для постмодернистов двойную потерю. С одной стороны, они оказались в изоляции от важного источника развития нормативных стандартов. В конце концов, рациональный потенциал, присутствующий в повседневности – важный источник идей Хабермаса о коммуникативной рациональности. С другой стороны, повседневный мир также создает высшую цель для того, кто трудится в области политической теории, поскольку именно в нем их теоретические идеи оказывают влияние на дальнейшее развитие общества и политической практики. Некоторые политические теоретики верят в то, что постмодернизм, особенно в своих наиболее радикальных формах, представляет собой альтернативу политической теории. В каком-то смысле, постмодернизм – вообще не теория. Политическая теория может быть определена как «большие идеи» о политике, которые смогли выдержать испытание временем. Или иначе, это системы идей, затрагивающие важ-

нейшие политические проблемы и имеющие долговременное значение. Однако, будем откровенны, у некоторых постмодернистов, например, у Джемсона, Бодрийера, такие «большие идеи» есть.

Действительная угроза со стороны постмодернизма относится скорее к форме, нежели к содержанию. Отказываясь от великой нарративности, постмодернисты отрицают большую часть того, что мы обычно понимаем под политической теорией. Бодрийер и другие постмодернисты не предлагают великой нарративности, а скорее только фрагменты идей, которые нередко противоречат друг другу.

Сегодня постмодернизм весьма плодovit. Его адепты действительно знакомят мир с множеством важных и интересных идей. Не следует игнорировать эти идеи, ибо они могут направить развитие политической теории в новом, и возможно, перспективном направлении.

Постмодернизм оказывает сильное влияние на искусство, архитектуру, философию, социологию и, наконец, на политическую теорию. Как минимум, постмодернизм бросает вызов традиционной политической теории. Как максимум, он предполагает отказ от многого, если вообще не от всего, что было наработано в политической теории за несколько столетий.

Постмодернизм в политической теории

В последние десятилетия XX века в нескольких областях – в архитектуре, живописи, литературе и т.д. началось развитие течения мысли, получившего название «постмодернизм». У Современности оказалось множество проблем, на которые и обратили внимание представители нового направления в политической мысли.

Политические теории, представленные в предшествующих разделах учебного пособия, продолжают сохранять свое значение в основном потоке политической мысли. Тем не менее, следует признать, что постмодернизм оказывает все более сильное влияние на социальную теорию. Внутри самого по-

стмодернизма уже можно идентифицировать несколько течений. Он представлен также несколькими крупными именами.

Рассматривая постмодернизм, нам придется выйти за пределы собственно политической теории и выйти на междисциплинарное пространство. Постмодернизм удобнее рассматривать не как собственно политическую, а скорее, как социально-политическую теорию.

Хотя многие теоретики политики продолжают по сей день считать постмодернизм своего рода фантомом и предпочитают просто переждать нашествие этого странного поветрия в интеллектуальной моде, другие настаивают на его серьезности и долговременности. Однако, поскольку спор вокруг постмодернизма стал заметной вехой нашего времени, имеет смысл уделить ему внимание.

Отметим, прежде всего, что среди современных теоретиков-постмодернистов существует огромное разнообразие, поэтому довольно трудно сделать какие-то обобщения, с которыми согласилось бы большинство из них. Тем не менее, попробуем выделить основные идеи, с которыми постмодернизм ворвался на теоретическую сцену западной академической науки:

1. Произошел радикальный переворот, в результате которого общество Модерна сменилось постмодернистским обществом (Бодрийяр, Крокер).

2. Хотя действительно имеют место серьезные перемены, постмодернизм вырос из Модерна и является его продолжением (неомарксисты, например Джемсон, Лаклау, Муффе, а также постмодернистские феминистки Фрэзер, Николсон и др.).

3. Модерн и Постмодерн не следует рассматривать как отдельные эпохи, а как продолжительные во времени взаимоотношения, причем постмодернизм всегда выступает с критических позиций по отношению к модернизму (Смарт).

Разумеется, представленные подходы грешат изрядным упрощением на фоне исключительного разнообразия постмодернистских идей, однако они все же дают представление об основных спорных моментах. Скажем больше, имеются разногласия даже по поводу того, что собственно означает сам термин «постмодернизм» и производные от него слова.

Постмодерн относится к исторической эпохе в целом, которая следует за периодом Модерна (Современности). Постмодернизм относится к продуктам культуры (в изобразительном искусстве, кино, архитектуре и т.д.), которые существенно отличаются от культурных продуктов эпохи Модерна. Постмодернистская социальная теория – способ мышления, отличный от современной социальной теории.

Начнем с первого понятия – Постмодерн. Действительно, идея о том, что эпоха Модерна подходит к концу, сегодня широко распространена. Некоторые авторы даже называют конкретную дату перехода от Модерна к Постмодерну – 15 часов 35 минут 15 июля 1972 года, то есть когда был разрушен знаменитый дом «Пригг-Айго», памятник архитектуры Модерна в Сент-Луисе (так, по крайней мере, считает Лемер). Этот огромный дом символизировал веру модернистов в то, что чем масштабней и величественней являются общественные здания, тем меньше человеческого несчастья и бедности будет вокруг. Разрушить этот символ значило признать неспособность решить проблему бедности не только со стороны модернистской архитектуры, но и Модерна в целом. Таким образом, разрушение здания стало отражением различий между модернистами и постмодернистами по поводу того, возможно ли в принципе найти рациональное разрешение проблем общества.

Возьмем еще один типичный пример – программа «Великого общества» американского президента Линдона Джонсона. Это был классический образец веры общества Модерна, что оно может сформулировать рационально обоснованные и реализовать на практике программы, которые приведут к решению общественных проблем. В отличие от него, президент Рональд Рейган даже не пытался провести какие-либо крупномасштабные программы. Поэтому некоторые теоретики полагают, что его деятельность была типично постмодернистской, поскольку в основе ее лежало неверие в возможность дать один рациональный ответ на самые разные проблемы. Таким образом, по их мнению, в какой-то момент между администрациями Кеннеди/Джонсона и Рейгана Аме-

рика перешла из Модерна в Постмодерн. Характерно, что время совпадает с разрушением модернистского символа.

Второе понятие – постмодернизм, относится к сфере культуры, в которой, как утверждают его адепты, происходит замещение продуктов Модерна постмодернистскими.

Наконец, перейдем к третьему понятию – постмодернистской социальной теории. Как известно, модернистская (современная) социальная теория стремилась найти универсальные, внеисторические, рациональные основания для анализа и критики общества. Так, для Маркса в качестве такого основания выступало бытие, для Хабермаса – коммуникативный разум. Постмодернистское мышление отрицает подобные основания и может быть охарактеризовано как релятивистское, иррациональное и нигилистское. Вслед за Ницше и Фуко, постмодернисты ставят под сомнение саму возможность оснований, считая, что они создают привилегии для одних групп и принижают значение других, давая власть одним и ограничивая ее у других.

Нарративность (повествование) – фундаментальный компонент социального взаимодействия, состоящий в том, что «кто-то рассказывает кому-то, что что-то произошло» (Б. Смит). Культуры аккумулируют и транслируют собственный опыт и системы смыслов посредством нарративности, запечатленной в мифах, легендах, сказках, шутках, анекдотах, романах, коммерческой рекламе и т.д. Способность быть носителем культуры неотделима от знания смыслов ключевых для данной культуры повествований. Нарративность играет роль линзы, сквозь которую по видимости не связанные и независимые элементы существования рассматриваются как связанные части целого.

Такой подход был обоснован известным постмодернистом Жан-Франсуа Лиотаром. Прежде всего, он идентифицировал современное (научное) знание как своего рода единственный великий синтез, то есть метадискурс, который можно проиллюстрировать работами таких мыслителей, как Карл Маркс или Толкотт Парсонс.

Согласно Лиотару, среде множества «языковых игр» попытка легитимации собственного статуса ведет к возникновению «метадискурсов». Последний и принимает форму больших, или великих нарративов. Модернизм характеризуется господством двух таких нарративов: нарратив Просвещения и нарратив Духа. В нарративе Просвещения, например, у Канта мыслитель выступает от имени универсальной истины и всего человечества. Просвещенное государство осуществляет просвещение и свободу людей через познание истины. Государство легитимируется самими людьми. Таким образом, в нарративе Просвещения власть, знание и эмансипация тесно взаимосвязаны.

Представителем нарратива Духа Лиотар называет Гегеля. Нарратором этого нарратива выступает мета-субъект. В отличие от нарратива Просвещения, нарратив Духа самолигитимируется. Типы великой нарративности Лиотар связывает с современной наукой, включая диалектику Духа, герменевтику смысла и эмансипацию рационального субъекта, а также создание богатства.

Если современное знание определяется Лиотаром как мета-нарративность, то постмодернизм отрицает нарративность вообще. Он призывал объявить войну тотальности и превозносил значение различий. Постмодернистское знание – это не просто инструмент власти, оно оттачивает наше внимание к различиям, способность терпеть несовместимое. С этой точки зрения, политическая теория уже вышла из периода Модерна и вошла в постмодернизм. Поэтому Лиотар предпочитает малые, локализованные нарративы любым метанарративам Модерна. Отсюда вытекает и основная цель постмодернизма – деконструкция проекта Просвещения.

Таким образом, постмодернизм включает новую историческую эпоху, новые культурные продукты и новый тип теоретизирования о социальном и политическом мире. Иными словами, в мире произошло нечто новое, что не позволяет описывать его сегодня в терминах и традициях, присущих эпохе Модерна.

Тема 12.

Гражданское общество в современной России

В современной российской политической системе существует специальный институт, обеспечивающий процедуру согласования общенациональных и региональных интересов, участие субъектов Российской Федерации в законодательном процессе на федеральном уровне, принятие наиболее важных политических решений. Таким является Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Как по своей природе, по принципу своего формирования, так и по своему месту в политической системе России Совет Федерации играет важную роль в системе разделения властей и в становлении демократии в России.

Основной особенностью российского парламентаризма, заложенной в Конституции России 1993г., стал принципиально иной подход к организации двухпалатной структуры Федерального Собрания. Связано это с тем, что изменения природы бикамерализма российского парламента, заложенной в российской Конституции, явилось результатом политического развития России, прежде всего эволюции федеральных отношений и результатом реформирования основ российского парламентаризма.

История складывания российского парламентаризма связана с развитием важнейших принципов: народовластия и разделения властей, лежащих в основе функционирования любого демократического государства. Независимая представительная власть не была нужна ни самодержавной России, ни Советской власти. После окончательной ликвидации в XVII – начале XVIII века всех остатков земской государственности – Земского собора, Боярской думы, ограничения местного самоуправления и т.п., в стране сложилась крайне неблагоприятные условия для развития парламентаризма.

В числе первых, кто обратил внимание на проблемы народовластия в общероссийском масштабе, был М.М. Сперанский. Он писал, что всякое правление, «чтобы быть законным, должно основываться на воле народа», и предлагал Александру I даровать России конституцию. В рамках его плана государственных преобразований предполагалось создание представительных органов в виде Государственного совета и Государственной думы. Сперанский видел Государственный совет в качестве законосовещательного органа как собрания опытных государственных деятелей, способных противостоять правительству и помогать ему «понимать, какие есть истинные пределы власти, достаточно независимо, чтобы ее не бояться, и достаточно связано с народом, чтобы никогда не иметь искушения изменять ему»¹.

Настойчивость Сперанского повлияла на монарха, и 1 января 1810 г. Государственный совет был открыт. Таким образом, в России появился специализированный государственный орган, осуществляющий государственную работу². А вот Государственная дума была учреждена через 95 лет. Манифестом от 17 октября 1905 г. царь даровал населению «незыблемые основы гражданской свободы» и законодательную Государственную думу, состоящую из представителей всех слоев населения. «Выборный элемент» более ярко вводился и в Государственный совет, ибо только при этом условии можно было ожидать нормальных отношений между ним и Государственной думой³. В указанном манифесте император выразил свою волю следующим образом: «Установить, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей» (имеется в виду пра-

---

¹ Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961, с.244.

² См. Шевырин В.М. Государственный совет в России // Россия и современный мир, 1996, с. 151-171.

³ См. доклад Витте С.Ю. в «Правительственном вестнике». СПб., 1905, 18 октября.

вительство). При этом Дума создавалась «для обсуждения законодательных предложений, восходящих к верховной самодержавной власти». Примечательно, что после опубликования в 1906 г. «основных государственных законов» prerogative царя на неограниченное право законодательствовать и бесконтрольно распоряжаться государственным бюджетом в определенных пределах было ограничено. Это стало важным итогом эволюции российского самодержавия в сторону конституционной монархии. 20 февраля 1906 г. Государственный совет был преобразован во вторую, верхнюю, палату, в которую поступали законопроекты из Государственной думы, одобренные царем.

Таким образом, лишь в начале XX в. был реально сформирован первый российский двухпалатный парламент с традиционными верхней и нижней палатами. Данное утверждение основывается на том, что Государственный совет и Государственная дума в своей совокупности отвечали двуединой природе парламента, т.е. были наделены функциями представительного и законодательного органа. В годы Первой мировой войны Госсовет принял 149 законопроектов в редакции нижней палаты, отклонив лишь пять.

Опыт совместного функционирования Государственного совета и Государственной думы был невелик. Немногим более десяти лет. Но в силу возникновения революционной ситуации, постоянных конфликтов различных политических сил они не могли нормально функционировать. Налаживанию должного сотрудничества мешало и то, что только один (третий) из четырех созывов Государственная дума работала полный пятилетний срок¹. Деятельность Государственного совета и Государственной думы была прекращена в конце 1917 г. В следующем году насильственно было распущено Учредительное собрание. Прекращение функционирования первых представительных органов повлекло за собой сверты-

---

¹ Подробно о деятельности Государственной думы 1–4-го дореволюционных созывов см. Президент. Парламент. Правительство, 1998., №1–6.

вание демократии в стране, установление тоталитарных начал в управлении обществом. Теоретической основой для таких действий стал марксизм-ленинизм, который исходил из классового подхода в формировании и деятельности органов государственной власти. Идеи, обосновывающие классовый подход к пониманию общественных процессов, раскрытию сущности государства и его властных структур, высказывали и защищали К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин в таких известных трудах, как «Капитал», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «О государстве», «Государство и революция». На их основе возникла и оформилась научная социалистическая доктрина советской власти, классового представительства в органах власти, постепенного перехода от государства диктатуры пролетариата к общенародному государству. Классики марксизма-ленинизма выступили против парламентаризма. В парламенте они видели законодательный орган, защищающий классовые интересы господствующего класса, буржуазии, государственную форму одурачивания народа. Критикуя такие государственные структуры, В.И. Ленин написал: «Раз в несколько лет решать, какой член господствующего класса будет подавлять, раздавливать народ в парламенте, – вот в чем настоящая суть буржуазного парламента...»¹.

Октябрьская революция, победившая под флагом слома старой государственной машины ликвидировала и зарождавшиеся принципы разделения властей. Руководствуясь противоположным принципом соединения в одном органе законодательной и исполнительной властей (как в Конвенте времен французской революции), то есть признанием того, что законы должны приводить те, кто его принимает.

После разгона Учредительного собрания единственным высшим органом власти в стране стал Всероссийский съезд Советов. Этот орган под разными редакциями названия в качестве высшего властного органа просуществовал в СССР до декабря 1991г.

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. т. 30, с. 850.

Согласно Конституции СССР 1924г., высшим органом власти был Всесоюзный съезд Советов, в промежутках между съездами – Центральный Исполнительный Комитет СССР, а между сессиями ЦИК СССР – Президиум ЦИК. ЦИК СССР состоял из двух равноправных палат Союзного Совета и Совета Национальностей. Союзный Совет избирался съездом из представителей республик пропорционально численности их населения. Совет Национальностей состоял из представителей союзных и автономных республик: по пять депутатов от каждой республики. Кроме того, автономные области РСФСР имели по одному представителю. Такой порядок формирования Совета Национальностей обеспечивал представительство в высшем органе власти СССР всех народов СССР. Президиум ЦИК СССР являлся высшим законодательным, исполнительным и распорядительным и органом власти СССР.

Конституцией СССР от 1936 г. предпринимается попытка создать представительные органы – Верховный Совет СССР и Верховные Советы союзных республик таким образом, что бы они выражали «демократизм» советского социалистического общества. В этих целях заимствуются отдельные принципы буржуазного парламентаризма: избрание депутата от определенного территориального округа, избрание в ходе прямых равных выборов при тайном голосовании, отнесение законодательной деятельности к компетенции представительных органов и др.

Однако над авторами Конституции СССР довлел и многолетний опыт работы съездов Советов. Поэтому Конституция СССР сохранила и некоторые принципы их деятельности. Это, в частности, признание представительных органов высшими органами государства, созыв сессий Верховных Советов на непродолжительный срок, совмещение должностей депутата с выполнением другой постоянной работы на предприятии, в организации, учреждении.

Верховный Совет СССР был задуман И. Сталиным как особый «советский парламент», при котором «съездов не будет... Президиум – толкователь законов. Законодатель – сессия

(парламент)... Исполком не годится, съездов уже нет»¹. Согласно Конституции СССР, высший орган государственной власти – Верховный Совет СССР – состоял из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей. Первая палата обеспечивала представительство всего населения страны и ее депутаты избирались из расчета 1 депутат на 300 тыс. населения. Совет Национальностей должен был обеспечивать интересы отдельных союзных и автономных республик и иных национальных образований. Поэтому данная палата избиралась по нормам: 25 депутатов от каждой союзной республики, 11 депутатов от каждой автономной республики, 5 депутатов от каждой автономной области и по одному депутату от каждого национального округа.

Обе палаты Верховного Совета СССР, избирались одновременно на один и тот же срок – 4 года. Закон считался принятым Верховным Советом СССР, если за него проголосовало большинство депутатов каждой из палат. Сессии палат начинались и заканчивались одновременно. Для разрешения разногласий между палатами относительно принимаемых законов и по другим вопросам создавалась согласительная комиссия. Если комиссия не приходила к согласованному решению, то спорный вопрос повторно выносился на рассмотрение палат. Если и в этом случае палаты не достигали согласия, то Президиум Верховного Совета СССР должен был распустить Верховный Совет СССР и назначить новые выборы.

Конституция 1977 г., по существу мало чем отличалась от Конституции 1936 г., ее задача была убедить советских граждан и население других стран в беспорных успехах построения и совершенствования развитого социализма в СССР.

Конституция 1977 г. определила предметы исключительной компетенции Верховного Совета СССР: принятие Конституции СССР, внесение в нее изменений, принятие в состав СССР новых республик, утверждение образования но-

---

¹ Серых В.М. «История государства и права России». Советский и современный периоды. – М.: Юрист, 1999. С. 245.

вых автономных республик и областей, государственных планов экономического и социального развития СССР, государственного бюджета СССР и отчетов об их исполнении, образование подотчетных Верховному Совету органов Союза ССР.

Представленные Верховному Совету СССР полномочия позволяли ему быть полновластным органом, способным решать коренные вопросы политической, хозяйственной и социально-культурной сфер общества. Однако реальной властью по-прежнему не обладал Президиум Верховного Совета СССР. Конституция СССР 1977 г. не только не устанавливала действенных мер для пресечения такой антиконституционной практики, как принятие Президиумом Верховного Совета СССР указов, вносящих изменения в действующие законы, а, наоборот, легализовала ее.

Итак, в советский период (1917–1990 гг.) парламент трактуется как чисто буржуазное явление, СССР являлся страной Советов – учреждений нового типа представительной законодательной власти, отвергнувших принцип разделения властей и искаживших преимущества народного представительства так как де-факто Советы были подчинены партийным органам и по существу управлялись ими, партийные органы фактически осуществляли власть в стране, власть в стране реально принадлежала КПСС.

Высокие показатели участия населения в выборах народных депутатов Советов больше свидетельствовали не столько о заинтересованности избирателей в том, чтобы в государственных органах власти были представлены все слои общества и все национальности, сколько о законопослушании избирателей.

Для современной России, идущей по демократическому пути формирования правового государства и его институтов, страны, находящейся в нелегких поисках оптимальных форм организации государственной власти, представляется весьма важным, осмысление собственного исторического наследия. Современный взгляд на процессы строительства системы государственной власти, в структуре которой действует избираемая всеми гражданами Государственная дума, отвечает на-

сущной потребности в изучении опыта и специфики зарождения и деятельности российских институтов представительной демократии.

После распада Советского Союза в России постепенно начинают возрождаться традиционные духовные ценности, возрастает авторитет православной церкви, восстанавливаются в новой форме прежние политические институты. Нынешняя Государственная дума, действующая в совершенно иных условиях и на принципиально иной правовой основе¹, все же не случайно была названа тем же именем, что и дооктябрьский выборный орган – определенная преемственность – по крайней мере на уровне традиции – безусловно просматривается. Тем более важно сейчас усвоить и осмыслить весь опыт становления российского парламентаризма.

Декабрьские 1993 г. парламентские выборы и последовавшие за ними выборы в региональные законодательные собрания отличались разнообразием избирательной практики. Членов Совета Федерации избирали по мажоритарной системе в один тур в двухмандатных округах, на выборах в Государственную думу была опробована смешанная мажоритарно-пропорциональная система. Для проведения выборов в законодательные органы субъектов Федерации образовывались многомандатные округа (в Ингушетии, Калмыкии, Ненецком АО – общерегиональные многомандатные округа), а в республике Марий Эл, Туве и Саратовской области применялась смешанная система; кроме того, в ряде регионов мажоритарные выборы проходили отдельно по территориальным и административно-территориальным (совпадающим с административными районами) округам².

В результате парламентских выборов первого созыва в России произошла существенная перегруппировка партийно-политических сил. Партии, в том числе и оппозиционного плана, стали действовать в парламенте. Образовалась и вне-

¹ См. Козбаненко В.А. Партийные фракции в I и II Государственной Думе России. 1906–1907. – М., 1996.

² См.: Афанасьев М.Н. Поведение избирателей и электоральная политика в России // «ПОЛИС», №3. 1995. С. 105.

парламентская оппозиция. Но ни выборы, ни принятие Конституции не смогли ликвидировать серьезных противоречий, существующих в постсоветском обществе России.

Избрание 12 декабря 1993 года на всеобщих выборах Пятой Государственной Думы в России явилось событием неординарным, по крайней мере, по двум принципиальным соображениям¹. Во-первых, по воле россиян была восстановлена прерванная связь времен: России дооктябрьской, исторической с Россией послеоктябрьской, современной. Во-вторых, Россия пошла по пути формирования многопартийности, как бы стремясь восполнить 90-летнюю монополию одной партии, догнать другие страны, имеющие подобные институты².

Федеральное Собрание Российской Федерации имеет целый ряд серьезных достоинств по сравнению со своим предшественником – Верховным Советом. Во-первых, оно гораздо ближе к профессиональному парламенту. Одна из его палат работает полностью на постоянной основе. Людей, профессионально подготовленных к парламентской деятельности (юристов, экономистов, социологов, политологов и др.), в Федеральном Собрании больше по сравнению с Верховным Советом, хотя и здесь их явно недостает. Во-вторых, Федеральное Собрание четко структурировано. В нем нет искусственной этажности (Съезд – Верховный Совет), нет непартийных фракций, которые представляют неведомо кого. В-третьих, в новом российском парламенте нет иерархии (начальства и подчиненных). Каждая палата избирает своего спикера, который более не имеет возможности манипулировать депутатским корпусом (особенно – в Государственной Думе РФ). В-четвертых, функции двух палат строго разделены. В-пятых, аппарат Федерального Собрания более не имеет самодавляющего значения³.

---

¹ См. Рыбкин И.П. Государственная дума: пятая попытка // Очерк новейшей истории представительной власти в России. М., 1994. С.49.

² См. Там же. С. 49–50.

³ См. Лысенко В.Н. Парламентаризм и формирование политического истеблишмента в России // «ПОЛИС», №6, 1994. С. 139.

Еще одной отличительной чертой нового парламента является фактическое структурирование в нем лоббистских групп (при том, что само лоббирование законодательно еще никак не регулируется). Как известно, в современном мире парламент имеет большое значение для становления государственной власти, поэтому отношения между различными группировками в представительном органе имеют большое значение. Объединение и противостояние тех или иных парламентских фракций оказывает большое влияние не только на исход голосования по тем или иным вопросам, но и в какой-то мере отражает уровень демократического развития общества и степень сформированности парламентаризма в государстве.

Если в Верховном Совете депутаты лоббировали в основном интересы предприятий своего избирательного округа (за исключением разве что аграриев), то теперь четко прорисовались: аграрное лобби (Аграрная и Коммунистическая партии); лобби, поддерживающие топливно-энергетический комплекс и т.п. Несколько более слабое выглядит в парламенте лобби военно-промышленного комплекса, т.к. предвыборный барьер не удалось преодолеть Союзу промышленников и предпринимателей, где сконцентрировалось представительство интересов ВПК. Однако после того, как бывший Председатель Госплана и Государственной военно-промышленной комиссии СССР Ю.Д. Маслюков стал депутатом Государственной Думы второго созыва, (а потом занимал и должность вице-преьера) лоббирование Военно-промышленного комплекса усиливалось и усиливается в Государственной Думе и в Правительстве России.

Далее, в одной из влиятельных лоббистских групп являются конфессиональные организации в современной России, в частности – Православная церковь. Важным результатом ее лоббирования можно считать принятие Государственной Думой Российской Федерации «Закона о религии» (1997 г.), который, не формулируя этого де-юре, фактически поставил православную религию в положение государственной религии в российском государстве, Разумеется, самой главной

лоббистской группой в данном случае была Православная Церковь. Именно церковь при содействии комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций подготовила этот закон в Государственной Думе.

Кроме того, предполагается, что и в дальнейшем выборы в Российский парламент будут основным и кратчайшим путем попадания политиков из регионов в состав общенационального политического истеблишмента. В отличие от исполнительных структур, где, как правило, нужно продвигаться строго по иерархии, депутатство дает возможность перепрыгивать через несколько ступеней.

К важным характеристикам Государственной Думы можно отнести прописанную в новой российской Конституции ее четкую законодательную потенцию, в отличие от полного всевластия, каким обладали Съезд и Верховный Совет. В то же время после сентябрьских-октябрьских событий 1993 г. Президент явно переусердствовал, записав в новой Конституции РФ (принятой затем на референдуме) ряд положений, которые слишком сузили компетенцию парламента (например, лишили его контрольных функций), затруднили динамичное принятие законов. Все это может привести к дискредитации парламентаризма в глазах общественности.

Однако новый российский парламент не смог избавиться от целого ряда «слабых мест» своего предшественника. Это, прежде всего, сильная поляризация сил (преимущественно в Государственной Думе) при слабом политическом центре, а отсюда – постоянная политизированность работы Думы и излишняя митинговость. Поэтому он больше всего занимался политическими проблемами и интригами, а не законотворческой деятельностью.

Для выборов 1995 г. уже не были характерны дефицит времени, спешка, неразбериха, окрики власти, спонтанные запреты и другие явления чрезвычайной обстановки, имевшие место осенью и в начале зимы 1993 г. Эти выборы проводились на уже вполне отработанной, демократической по своей сути правовой базе.

Выборам способствовал переход демократических процессов на более высокую ступень. Если в 1993 г. действовали около 150 общественных объединений, имевших правовые возможности для участия в избирательной компании, то к осени 1995 г. таковых уже насчитывалось 259. Избирательная компания оказалась более масштабной, чем прошедшая как по количеству проведенных акций и мероприятий, так и по количеству участников. Один из главных итогов выборов 1995 г. состоит в том, что они обеспечили укрепление российского парламентаризма. Все общество сделало большой шаг по пути развития политико-правовой культуры и демократии. Основанные на смешанной, мажоритарно-пропорциональной системе, выборы обеспечили условия для широкого участия в избирательной компании общественных организаций.

Итак, после принятия в 1993 году Конституции наступил принципиально новый этап и в истории российского парламентаризма. Новая Конституция Российской Федерации, одним из базовых принципов которой является разделение властей, учредила в России двухпалатный парламент. Одна из палат – Государственная Дума является органом представительства всего народа многонациональной России (юридически ее роль сводится к двум функциям – представительства интересов и законодательства), в другой палате – Совете Федерации представлены субъекты Российской Федерации¹.

Реформа Совета Федерации в контексте административно-политической реформы Президента Российской Федерации В.В. Путина

Причины, побудившие В.В. Путина сразу же после вступления в должность Президента Российской Федерации в 2000 году приступить к административно-политической реформе, вполне очевидны. Политической базой данной реформы можно считать мандат доверия, который В.В. Путин получил при избрании на высшую государственную должность, выражавшейся в неприятии негативных результатов децентрализации власти в эпоху ельцинских реформ, в протесте против

---

¹ См.: Конституция Российской Федерации, гл. 5, ст. 95.

превращения федерального центра в «бессистемно сильного и систематически бессильного»¹ политического оппонента.

Основные пути реформирования прослеживаются в первых документах, подписанных В.В. Путиным на посту главы Правительства и в должности и.о. Президента РФ, об этом свидетельствует комплексная «Концепция национальной безопасности Российской Федерации», принятая Указом Президента от 17 декабря 1997 г. и действующая в редакции и.о. Президента В.В. Путина от 10 января 2000 г. Концепция предусматривает направления укрепления конституционного строя РФ²: «Основными направлениями защиты конституционного строя в России являются:

- обеспечение приоритета федерального законодательства и совершенствование на этой основе законодательства субъектов Российской Федерации;
- разработка организационный и правовых механизмов защиты государственной целостности, обеспечение единства правового пространства и национальных интересов России;
- выработка и реализация региональной политики, обеспечивающей оптимальный баланс федеральных и региональных интересов;
- совершенствование механизма, препятствующего созданию политических партий и общественных объединений, преследующих сепаратистские и антиконституционные цели, и пресечение их деятельности».

Идеология же административно-политической реформы была сформулирована Президентом РФ В.В. Путиным в телеобращении³ к гражданам России 17 мая 2000 г., в ежегодном Послании Федеральному Собранию⁴ 8 июля 2000 г., а также в

---

¹ Строе Е.С. Трудный поиск отечественной модели федеративных отношений // Федерализм – 1999. №3.С.8

² Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Российская газета. – 2000. – 18 января.

³ Путин В. Власть должна быть работающей! // Российская газета. – 2000. – 19 мая.

⁴ Путин В.В. Какую Россию мы строим. // Российская газета. – 2000. – 11 июля.

пакете нормативно-правовых актов. Целями реформы Президент провозгласил укрепление «единого государства», «обеспечение диктатуры закона», «восстановление в стране работающей вертикали власти»¹. В качестве иллюстрации отсутствия в России «полноценного федеративного государства»² он привел следующие факты:

- 1) пятая часть общего массива региональных правовых актов (в том числе конституции республик и уставы областей) противоречат основному закону;
- 2) между областями и краями устанавливаются торговые барьеры;
- 3) должностные лица систематически уклоняются от исполнения решения судов.

Отказавшись от практики крайней децентрализации, доминировавшей в ельцинский период и отвергнув проекты радикальной централизации, выдвинутые рядом политиков³ и политических партий, Путин предложил вариант умеренной централизации государственной власти, заключающийся в следующих направлениях:

- централизация федеральных органов власти;
- усиление эффективности института представителей президента;
- вывод высших должностных лиц субъектов Федерации из верхней палаты Федерального собрания РФ;
- введение механизма ответственности выборных органов субъектов РФ и муниципальных образований.

В процедурном отношении⁴ основное содержание административной реформы В.В.Путина в 2000 г. можно свести к следующим пяти конкретным шагам:

¹ Путин В.В. Какую Россию мы строим. // Российская газета. – 2000. – 11 июля.

² Там же.

³ См. напр.: Прусак М., Савченко Е., Богомолов О. О реформе системы государственной власти и основных направлениях экономической политики // Независимая газета. – 2000. – 25 февраля.

⁴ Внесение в мае-июле 2000г. В.В.Путиным пакета законопроектов и обнародование им других инициатив мы рассматриваем как процедурные шаги, что соответствует логике трансформационной пара-

- создание семи федеральных округов;
- реформа Совета Федерации;
- введение института федерального вмешательства;
- реформа системы местного самоуправления;
- укрепление единого правового пространства РФ.

Пока административно-политическая реформа нейтральна по сути и может предполагать сразу несколько вариантов дальнейшего развития политического процесса – от перераспределения власти и собственности в интересах новой бюрократии в Центре и в округах (это в той или иной форме уже происходит) до начала внесения изменений в сложившуюся модель федерализма, в том числе путем принятия поправок к Конституции РФ.

Интерес с точки зрения появления новых политических институтов, способных повлиять на формирование и деятельность Совета Федерации в структуре российского федерализма представляет создание семи федеральных округов и института представителей Президента Российской Федерации в федеральном округе¹ от 13 мая 2000 г. К числу основных политических функций, в трактовке самих полномочных представителей Президента в округах, относятся, в частности: ослабление недемократических региональных политических сообществ и ликвидация их чрезмерной «политической самостоятельности» путем создания оппозиционных региональных элит (полпред в Северо-Западном округе Виктор Черкесов)², создание такого управленческого механизма на местах, который, с одной стороны, соответствовал бы экономической

дигмы на этапе консолидации режима (эффект «перевернутой воронки причинности»). Подробнее см.: Мельвиль А.Ю. Внешние и внутренние факторы демократических транзитов. – М.: МГИМО, 1999. – С. 26.

¹ Указ Президента Российской Федерации №849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // Российская газета. – 2000. – 16 мая.

² Пухова К. Полпреды осваиваются. // Независимая газета. – 2000. – 26 июня.

структуре и социальным особенностям конкретного региона, а с другой – структуре федерального управления и характеру отношений региона с Центром; ликвидация негативных последствий «парада суверенитетов» и «войны законов» периода президентства Б.Н. Ельцина, приведших к тому, что ряд регионов, особенно национальные республики, трактовали свой «суверенитет» как полномочия и функции государств в классическом их понимании; содействие «созданию единообразия в понимании законов, действующих на всей территории страны»¹, т.е. обеспечение единого правового пространства. Федеральные округа изначально предназначены для того, чтобы стать своего рода посредником между Центром и региональными властями, благодаря чему можно повысить их управляемость.

Основной результат деятельности полпредов в федеральных округах связан с тем, произошел сдвиг в поведении административно-политических элит почти во всех регионах, обусловленный складыванием новой ситуации в отношениях между Центром и субъектами РФ: налицо потеря или уменьшение реальных административных рычагов и возможностей самоорганизации и воспроизводства в прежних масштабах региональных административных элит, которые пытаются компенсировать эту потерю полным подчинением или развалом местного самоуправления и принижением роли законодательных собраний (эту возможность они получили по одному из законов, составляющих основу административно-политической реформы).

Многие политологи считают, что федеральные округа – временная мера и в перспективе неизбежен возврат к системе прямых отношений между регионами и федеральным центром: в новейшей истории уже имел место фактический возврат² РСФСР к старой губернской сетке в ходе реформы административно-территориального деления 1927–1957 гг.

---

¹ Владимир Путин: позитивные тенденции есть, но пока это только тенденции. Интервью для ОРТ, РТР и «НГ» от 24 декабря 2000 г. // Независимая газета. – 2000. – 28 декабря.

² Историческая справка // Федерализм. – 1996. №1. – С.19.

В конце декабря 2000 г. первую оценку деятельности института представителей президента в семи федеральных округах дал полпред в Северо-Западном округе В.Черкесов¹. Он констатировал, что основные усилия полпредов, действовавших совместно с Прокуратурой и подразделениями Министерства юстиции, были направлены на приведение региональных законов «в надлежащий вид»: из 2660 нормативных актов, противоречащих Конституции РФ, около 1400 региональных законов были приведены в соответствие федеральному праву и ведутся работы по оставшемуся законодательному массиву. Собственно в Северо-Западном округе было доработано 180 законодательных актов (из 280; власти ряда областей округа самостоятельно и «без большого шума» устранили еще некоторое количество несоответствий местного законодательства федеральному. Самым сложным в этом отношении является Приволжский федеральный округ, в котором было выявлено 567 нормативных актов, не соответствующих федеральному законодательству: 40 – в Татарстане, 70 – в Башкирии, 30 – в Удмуртии². Путем переговоров и компромиссов полпреды в округах удалось начать в отношении ряда законов согласительные процедуры, благодаря которым были сняты некоторые острые противоречия, например в избирательном законодательстве. Такой же подход был применен в отношении республики Марий-Эл, снявшей из текста собственной конституции определение своего статуса как «государства», и Башкортостана, в конституцию которого было внесено несколько десятков поправок, хотя положение о «суверенном» статусе в составе РФ сохранилось.

Субъекты РФ по-разному реагируют на требование привести собственное законодательство в соответствие с федеральным. По словам полпреда Президента в Приволжском федеральном округе Сергея Кириенко, многие высшие должностные лица в республиках Округа говорят ему, что Центр не должен так болезненно реагировать на республиканские

---

¹ <http://northwest.strana.ru/stories/2000/12/19/977224030/977935549.html>

² <http://northwest.strana.ru/text/stories/2000/12/25/977749504/977829285.html>.

суверенитеты, которые являются лишь символами, и поскольку за этим реально ничего не стоит, то не будет никакого вреда, если эти положения о суверенитетах будут сохранены в конституциях¹.

Институт полномочных представителей пока не получил окончательного аппаратного, а также структурного и функционального оформления в системе государственной власти России. В Администрации Президента существуют две точки зрения на этот институт: одна предусматривает наделение полпредов дополнительными полномочиями, другая, напротив, – сокращение кадровых возможностей полпредов. В этой связи показателен Указ «О внесении дополнения и изменения в Положение о полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе, утвержденное указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. №849» от 30 января 2001 г., который дает возможность руководителю Администрации Президента РФ определять «порядок взаимодействия между полномочными представителями и их аппаратами и другими подразделениями администрации Президента Российской Федерации» и обязывает полпредов руководствоваться в своей деятельности также «распоряжениями и иными решениями» руководителя Администрации Президента. Кстати, и полпреды могут выступать в роли инициаторов появления новых (в том числе межрегиональных) институтов. Так, полпреды в Сибирском и Дальневосточном округах Леонид Драчевский и Константин Пуликовский выступили с инициативой создания окружных советов по образцу Совета Федерации с вхождением в их состав руководителей исполнительной и законодательной власти соответствующих субъектов федерации. Пуликовский пошел еще дальше: он заявил о намерении превратить окружной совет в своего рода окружное правительство с включением в его состав также представителей территориальных органов федеральных министерств и ведомств.

---

¹ См. Кириенко С. Нам удалось укрепить Россию // Независимая газета. НГ-регионы. – 2001. – 4 сентября.

Реформа Совета Федерации, формально ограничивающаяся изменением принципов его формирования, является важным элементом административно-политической реформы Президента В.В. Путина: во-первых, это орган представительства регионов с большими полномочиями в законодательной сфере, во-вторых, этот институт реформируется законодательным путем, но при этом достигаются значительные политические результаты – некогда могущественный центр власти хотя и профессионализируется в законотворческом отношении (существуют планы не просто лучше синхронизировать работу Совета Федерации с сессиями Государственной Думы, но и сделать законотворческий процесс в Федеральном Собрании полностью согласованным), но фактически потерял большую часть политического веса, став в целом более предсказуемым, управляемым и «беспроблемным» для Кремля (в частности, на это указывают быстрое принятие нового регламента, утверждение руководящего состава СФ и одобрение законов без дискуссий во время первого заседания обновленного СФ в конце января 2002 г.). Надежды глав исполнительной власти субъектов Федерации вернуть себе часть бывшего влияния на федеральном уровне через Госсовет не оправдались: статус этого органа в системе государственной власти РФ до сих пор не определен, и эффективность его работы невысока. Проект Федерального закона «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ» (от 5 августа 2000 г.) в президентском варианте предусматривал направление в верхнюю палату представителей региональных парламентов и представителей исполнительной власти, кандидатуры которых получали бы одобрение региональных законодателей. Жесткое противодействие проекту со стороны Совета Федерации в еще «губернаторско-президентском» составе вынудило Кремль пойти на уступку, допустив единоличное назначение губернаторами своих представителей в верхней палате. Лишь под влиянием несговорчивой позиции фракций СПС и «Яблоко» в Государственной Думе за законо-

дательными собраниями и главами исполнительной власти субъектов РФ сохранено труднореализуемое право отозвать своих представителей большинством в две трети legislатур субъектов РФ (при непрописанной процедуре отзыва).

К началу 2002 г. процесс обновления состава СФ в соответствии с новыми принципами его формирования завершился, что позволяет подвести некоторые итоги. Во-первых, если судить по новому составу, в котором более трети сенаторов до назначения в Совет Федерации работали в администрации субъектов Российской Федерации, в новом составе СФ немало (50 сенаторов) представителей бизнеса, в том числе крупного, то Совет Федерации в нынешнем виде не соответствует своему первоначальному предназначению как палаты регионов. Во-вторых, не исключен вариант, при котором Совет Федерации станет выборным органом (с подобным предложением выступил, в частности, Председатель СФ Сергей Миронов). С одной стороны, это обеспечило бы высокий уровень легитимности и авторитета Совета Федерации, исправив имидж «плацдарма» для лоббистов и бывших региональных «королей», пришедших за депутатским иммунитетом, а с другой – несколько повысило бы независимость сенаторов и от глав субъектов Федерации, способных использовать угрозу отзыва для давления на представителей своего субъекта РФ от Кремля, уменьшив (но не исключив полностью) возможности манипулирования ими.

Таким образом, нынешнее состояние Совета Федерации является промежуточным, соответствующим промежуточному состоянию административной реформы, которая проводится по инициативе Президента Путина. Фактически это состояние отражает не слишком устойчивый баланс сил, существующий в настоящее время между Центром и регионами. При изменении этого баланса могут измениться как принципы формирования Совета Федерации, так и его роль в политической системе России.

Российский бикамерализм в региональном измерении

Проблематика формирования Совета Федерации затрагивает всю политическую систему России и влияет на политические процессы как на федеральном, так и на региональном уровне, поэтому механизм формирования является одной из принципиальных особенностей верхней палаты Российского парламента. Он определяет специфику Совета Федерации в законодательном процессе, характер взаимоотношений с обществом и с другими центрами власти. В связи с этим ряд исследователей считают, что формирование верхней палаты «оказалось одной из центральных проблем продолжающейся конституционной реформы»¹.

За свою недолгую историю механизм формирования верхней палаты претерпел ряд кардинальных изменений.

Еще более кардинально различались концепции, обосновывающие те или иные подходы к созданию данного механизма.

Обвал² системы Советов народных депутатов произошедший в сентябре-октябре 1993 г. вызвал необходимость формирования законодательных и представительных органов нового типа, становление которых происходило в условиях утверждения власти первого Президента Российской Федерации и одновременного роста его влияния на все сферы общественной жизни.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации законодательным и представительным органам предстояло функционировать на основе принципа разделения властей. Но отток властных полномочий к Президенту Российской Федерации и исполнительной власти естественно ослабил пред-

---

¹ Шаблинский И.Г. «Сенаторы по совместительству» // Конституционное право. Восточноевропейское обозрение, №4(13) 1995 / №1(14) 1996 с. 35.

² Указ Президента РФ от 21 сентября 1993г. № 1400 // Российская газета, 1993г., 23 сентября.

ставительную и законодательную власть, создал конституционные предпосылки для фактического функционирования республики с суперпрезидентской формой правления. Преобладание руководителей исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации в верхней палате Парламента усилила дисбаланс в механизме реализации принципа разделения властей. Хотя следует заметить, что в 1993г., когда закладывались конституционные основы нынешнего государственного устройства и проводились первые постсоветские выборы, была попытка превратить Совет Федерации в нормальную палату парламента с «сенаторской» формой представительства, позволяющей более полно учитывать интересы всего населения субъектов Российской Федерации, а не только политических элит. Но эта попытка была в два приема сорвана. Сначала Ельцин Б.Н. в последнюю ночь перед официальной публикацией проекта Конституции, выносившегося на референдум, выписал норму, в соответствии с которой в Совет Федерации от каждого региона входят, по одному представителю от представительного и законодательного органов государственной власти¹. Эта добавка была результатом компромисса с местными лидерами. Так, в документе, провозгласившем разделение властей одной из основ конституционного строя, появилось серьезное противоречие. Затем, это противоречие было усугублено Законом о порядке формирования Совета Федерации, который принимался в очень непростой ситуации, Дума испытывала колоссальное давление и была вынуждена принять этот закон за несколько дней до парламентских выборов 1995 г.

Итак, рассмотрим более подробно механизм формирования и дискуссии, связанные с ним, Совета Федерации первого созыва 1994–1995 гг., сформированный из избранных руководителей региональных органов власти.

---

¹ Факсимильное воспроизведение текста Конституции с правкой Ельцина Б.Н. в: Конституционное совещание: стенограммы, материалы, документы. – М., 1996. С.42.

Формирование Совета Федерации первого созыва осуществлялось вне рамок конституционного поля. Согласно «Положению о выборах депутатов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации», утвержденному Указом Президента от 11 октября 1993 г., Совет Федерации первого созыва формировался путем прямых всеобщих выборов. Также положение о выборах в Совет Федерации предусматривало, что в Совет Федерации избирается по два депутата от каждого субъекта Российской Федерации. Депутаты этой палаты избирались на основе мажоритарной системы по двухмандатным избирательным округам, образованным в рамках административных границ субъектов Российской Федерации. При этом каждый избиратель должен был голосовать за двух кандидатов. Кандидатуры в депутаты Совета Федерации выдвигались группами избирателей или избирательными объединениями. Выборы в Совет Федерации прошли 12 декабря 1993 г., одновременно с выборами в Государственную Думу и проведением общенационального референдума по принятию Конституции Российской Федерации.

К принципу выборности Совета Федерации был использован так, как после октябрьских событий 1993г. система Советов была ликвидирована; представительные органы власти во многих регионах просто отсутствовали, что делало невозможным реализацию заложенного в Конституции принципа представительства.

Исходя из того, что по Конституции в Совет Федерации входят по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации, то выборы проходили по двухмандатным округам; следует отметить, что быть выбранным в верхнюю палату могли быть главы исполнительной и законодательной власти российских регионов, с сохранением, в случае победы, соответствующей должности на уровне субъекта Федерации.

Подобное положение было продиктовано спецификой переходного периода в процессе становления российского парламентаризма, который определялся Конституцией двумя годами и рассматривался как подготовительный этап формирования и функционирования Федерального Собрания.

Следует отметить, что не все главы администраций субъектов Федерации стали участниками выборов в состав Совета Федерации и не все участвовавшие в выборах были избраны.

Мотивы участия в выборах из лидеров республик и глав администраций, назначавшихся в тот период Президентом РФ, были разные. Для руководства республик избрание в Совет Федерации означало подтверждение из лидерства на региональном уровне, и мешало вхождению во власть представителей контрэлиты.

Зависимость же президентских «назначенцев» от федеральной власти стимулировала их активность по участию в выборах, ведь статус депутата Совета Федерации давал возможность сохранения позиций в политической элите, даже в случае смещения с занимаемой должности.

Избранный непосредственно населением, Совет Федерации первого созыва продемонстрировал на протяжении всей своей работы независимость в принятии политических решений. Примером тому может служить назначение на должность прокурора Российской Федерации, когда трижды кандидатура А. Ильюшенко, представляемая Президентом Российской Федерации, не проходила голосования.

Наличие в составе депутатов верхней палаты лиц, не принадлежавших к управленческой элите, являлось позитивным фактором выражения интересов гражданского общества. Но в то же время, сам факт существования этих депутатов в определенной степени политизировал Совет Федерации, особенно, что касается мотивации голосования.

Выборность Совета Федерации первого созыва и как следствие этого неоднородность депутатского корпуса в определенной степени затрудняло формирование депутатских объединений. И естественно, «в условиях, неблагоприятных для сплочения на той или иной политической платформе, структуризация депутатского корпуса стала строиться по принципу корпоративной общности»¹. Так, депутаты, выражавшие в Со-

---

¹ Парламентаризм в России. Федеральное собрание 1993–1995 годов. V Государственная Дума и Совет Федерации первого созыва. М. Фонд развития парламентаризма. 1996. С 35.

вете Федерации интересы топливно-энергетического комплекса, объединились в Ассоциацию экономического взаимодействия нефтегазодобывающих регионов.

Проблема выбора механизма формирования верхней палаты становится вновь актуальной с приближением декабря 1995 года, года истечения срока полномочий депутатов первого созыва Совета Федерации.

Принятие федерального закона о порядке формирования Совета Федерации второго созыва замедлялось по причине принципиальных расхождений в определении функций, организации работы и порядке формирования верхней палаты парламента. Нормы Конституции, регулирующие деятельность Совета Федерации, были неясными и допускали противоположные по своей сути трактовки.

Поэтому к концу 1995 года в отношении принципов формирования Совета Федерации сложилось несколько основных подходов, которые, по базовым позициям противоречили друг другу.

Позиции основных институтов, от которых зависело принятие решений, а именно: Президента Российской Федерации, Государственной Думы, самого Совета Федерации, не совпадали. В тоже время среди депутатов каждой из палат Федерального собрания также не было согласия по принципиальным моментам, требующим регулирования в законе о порядке формирования Совета Федерации. Противоположные и взаимоисключающие подходы к формированию верхней палаты парламента так и не позволили выработать единый устраивающий все стороны вариант Закона.

Вместе с тем, существовавшие позиции в отношении формирования «палаты регионов» свидетельствовали о принципиально различных взглядах в отношении природы и деятельности Совета Федерации.

От того, на постоянной ли основе будут действовать члены верхней палаты Федерального Собрания, или нет, на профессиональной основе будет вестись работа в Совете Федерации, или на непрофессиональной, будут ли места в Совете Федерации заниматься «по должности», то есть из числа

руководителей органов государственной власти регионов, или через прямые выборы, зависели характер и политическая направленность его работы. Выбор принципов формирования «палаты регионов» определял функции, которые оно будет реализовывать. Однако единая позиция требовала, в свою очередь, общего видения роли и места Совета Федерации в системе государственных и политических институтов.

В апреле 1995 г. Президент РФ внес в Государственную Думу свой проект закона о формировании Совета Федерации, в котором отвергался выборный вариант его формирования. Членами верхней палаты должны были стать представители законодательного и исполнительного органов власти субъектов Федерации.

При реализации президентского законопроекта не предусматривались выборы глав администраций, что сохраняло представительство в «палате регионов» назначенных Президентом РФ губернаторов или лиц, назначенных губернаторами.

При этом в проекте предполагалось, что члены Совета Федерации должны были работать на непостоянной основе, что делало более вероятным вхождение в Совет Федерации самих глав региональной власти, а не их представителей. Ряд депутатов поставили под сомнение в этом случае саму возможность функционирования верхней палаты как полноценной палаты федерального законодательного органа.

В октябре Государственная Дума приняла президентский законопроект, но с поправками, которые изменили саму суть предложений Президента. В декабре Президент РФ наложил вето на «исправленный» законопроект, который стали называть «законопроектом Владимира Исакова» по имени председателя Комитета Думы по законодательству и судебно-правовой реформе, представлявшего на заседании нижней палаты данные поправки.

Глава Комитета по законодательству и судебно-правовой реформе Владимир Исаков предложил законопроект, в котором предусматривались выборы «сенаторов».

Законопроект предусматривал выдвижение кандидатов в верхнюю палату Федерального Собрания исключительно

органами исполнительной и законодательной власти субъектов Российской Федерации. Таким образом, удавалось соблюсти те нормы и положения, которые были зафиксированы в Конституции в отношении Совета Федерации.

Однако предполагалось, что выдвинутые кандидаты избираются напрямую населением соответствующего субъекта Федерации. Соответственно, после окончания срока своих полномочий Совет Федерации прекращает свою деятельность, и проводятся новые выборы депутатов верхней палаты парламента по предложенной схеме.

В верхней палате российского парламента данный проект был особенно популярен среди депутатов региональных законодательных органов. В случае реализации проекта возможность стать членом Совета Федерации мог бы получить любой депутат законодательного собрания субъекта Российской Федерации.

Однако впоследствии, В. Исаковым в проект были внесены существенные принципиальные изменения.

Политическая же позиция Президента состояла в попытке пролонгации деятельности Совета Федерации, несмотря на истечение срока его полномочий.

Таким образом, уже тогда у исполнительной власти сформировалась концепция верхней палаты как стабильного политического органа, состав которого не меняется резко и кардинально, как это происходит в случае с Государственной Думой, в зависимости от политических предпочтений избирателей.

Согласно внесенным в законопроект В. Исакова поправкам было решено, что депутатами Совета Федерации могут быть не представители, а только главы органов власти субъектов Федерации. Однако при этом Государственная Дума определила, что главы администраций должны пройти процедуру народных демократических выборов в своих субъектах Федерации. Причем устанавливался достаточно жесткий срок проведения выборов – 8 месяцев, то есть до июня 1996 года, времени на которое были назначены президентские выборы.

Таким образом, членами Совета Федерации могли стать только избранные руководители органов государственной

власти субъектов Федерации как законодательной, так и исполнительной власти.

Данная поправка была достаточно серьезной, поскольку это положение вело к ликвидации созданной к 1993 году жесткой вертикали исполнительных органов власти, подчиненной лично Президенту РФ.

11 октября 1995 года президентский вариант закона, внесенный в нижнюю палату в апреле, был достаточно единодушно принят по рекомендации Комитета по законодательству с поправками, предложенными его председателем В. Исаковым, сразу в трех чтениях. При этом 282 депутата проголосовали «за», что составляет 62,7%. Против высказалось лишь 10 депутатов, Без поправок президентский проект набрал лишь 20% голосов.

25 октября 1995 г. на своем заседании Совет Федерации отверг президентский законопроект, принятый Думой 11 октября с поправками В.Исакова. За него проголосовало только 10 «сенаторов», против – 87.

Данный законопроект не устраивал наиболее твердых сторонников выборного формирования верхней палаты, поскольку предусматривал его формирование из глав региональной власти и работу на постоянной основе и, таким образом, лишал ряд депутатов возможности повторно быть избранным в Совет Федерации. Представленный в Совет Федерации законопроект не встретил поддержки и у назначенных Президентом России глав администраций, поскольку навязывал им слишком жесткие сроки выборов – до июня 1996 года.

27 октября Государственная Дума 309 голосами преодолела вето Совета Федерации на этот законопроект. Однако законопроект не стал законом, поскольку Президентом на него наложено было вето. Одновременно Председатель Государственной Думы указал на предпочтительность для Президента проекта, представленного заместителем Председателя Государственной Думы Артуром Чилингаровым. Таким образом, нижняя палата Федерального Собрания за преодоление вето Президента голосовать не стала, но одобрила сразу в трех

чтениях законопроект Чилингарова. «За» проголосовало 263 депутата, то есть 58,4%.

Проект Чилингарова предполагал, что в Совет Федерации входят по должности главы исполнительной и законодательной власти, т.е. предусматривал формирование Совета Федерации «по должности». Законом на ближайшее время сохранялось представительство в верхней палате парламента назначенных глав администраций субъектов Федерации, Однако предполагалось проведение до декабря 1996 года выборов глав исполнительной власти во всех субъектах, где главы администраций назначены Президентом РФ. Таким образом, сроки проведения выборов предлагались значительно более продолжительными, что давало возможность Администрации Президента РФ сосредоточиться на региональных выборах сразу после главного политического события 1996 года – выборов Президента России.

Совет Федерации представил свой законопроект о формировании верхней палаты, это был вариант Владимира Шумейко – спикера Совета Федерации. Этот законопроект предусматривал передачу региональным властям права определения порядка назначения депутатов от регионов в Совет Федерации.

Однако, 5 декабря Государственная Дума не рассматривая проекта верхней палаты (проекта В. Шумейко), утвердила проект Чилингарова, преодолев вето Совета Федерации и уже через несколько дней он был подписан Президентом РФ.

Итак, Совет Федерации второго созыва формировался по должностному принципу из глав законодательной и исполнительной власти субъектов Федерации.

Такое решение вопроса о формировании второго созыва Совета Федерации нельзя признать удачным. Во-первых, от этого процесса отлучены избиратели страны, что является нарушением основополагающих принципов демократии. Во-вторых, участие в названной палате руководителей государственных органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации ярко демонстрирует отступление от конституционного принципа разделения властей.

В связи с этим был создан опасный прецедент несоблюдения Конституции РФ как на федеральном, так и на региональном уровнях. Поэтому закономерно, что в прессе стали появляться публикации, в которых предлагалось реформировать Совет Федерации. Даже соавторы Конституции РФ 1993 г. М. Краснов и Г. Сатаров предлагали изменить порядок формирования Совета Федерации¹. Они считают, что эта палата парламента должна состоять из бывших президентов Российской Федерации, если они не были отрешены от должности, бывших судей Конституционного Суда РФ, если их полномочия не были прекращены досрочно. Кроме них в эту палату должны входить по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации. При этом и бывшие президенты и судьи должны входить в состав палаты автоматически и находиться в ней пожизненно. Что касается иных членов Совета Федерации, то М. Краснов и Г. Сатаров предлагают одного представителя субъекта РФ избирать и отзывать населением соответствующего субъекта России по представлению законодательного (представительного) органа субъекта, а второго представителя – избираться и отзывать населением соответствующего субъекта по представлению его главы (главы исполнительной власти субъекта Российской Федерации). Нам представляется, что такой порядок формирования Совета Федерации может быть поддержан лишь частично. Нельзя признать целесообразным введение в эту палату бывших президентов РФ и судей Конституционного Суда РФ. Ведь таким образом будет создана ненужная для общества каста неприкасаемых и внедрен своеобразный сословный принцип формирования парламента. Это противоречит принципам избирательного права. Кроме того, такое новшество повлечет за собой необоснованные дополнительные расходы для федерального бюджета. В случае необходимости знания и опыт бывших президентов и судей можно использовать без формального включения их в состав палаты парламента. Следует также учиты-

---

¹ См.: Независимая газета, 1999, 14 августа.

вать, что в настоящее время начался процесс сужения палаты лордов парламента Великобритании путем исключения из нее представителей привилегированных сословий. «Попробовать» в России не оправдавшую себя форму формирования парламента для создания, по выражению М. Краснова и Г. Сатарова, более «спокойной» палаты явно нецелесообразно.

В то же время разумно их предложение избирать на основе всеобщего равного прямого избирательного права депутатов (сенаторов) Совета Федерации.

Большой резонанс вызвал внесенный 19 мая 2000 г. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в Государственную Думу проект федерального закона «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации». В пояснительной записке к этому проекту отмечается: как показала практика, существующая модель формирования Совета Федерации не является оптимальной, поскольку не обеспечивает непрерывный характер деятельности верхней палаты парламента и не способствует созданию необходимых условий для реализации конституционных полномочий Совета Федерации в законодательном процессе.

В президентском проекте названного закона предлагалось представителей от законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации избирать в состав Совета Федерации законодательным органом соответствующего субъекта Российской Федерации. При этом кандидатуры представителей вносят соответственно председатель законодательного органа и высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации. Там, где его нет, эту функцию выполняет руководитель исполнительного органа. Решение об избрании представителей, по мнению Президента, должно оформляться законом субъекта Российской Федерации. И, наконец, предполагалось, что члены Совета Федерации будут работать на профессиональной постоянной основе.

Безусловно, президентский законопроект и следует расценить как важный шаг на пути реформирования российского парламента.

К началу 2002 г. процесс обновления состава Совета Федерации в соответствии с новыми принципами его формирования завершился, что позволяет подвести некоторые итоги. Во-первых, если судить по новому составу, в котором более трети сенаторов до назначения в Совет Федерации работали в администрации субъектов Российской Федерации, в новом составе Совета Федерации немало (50 сенаторов) представителей бизнеса, в том числе крупного, то Совет Федерации в нынешнем виде не соответствует своему первоначальному предназначению как палаты регионов. Во-вторых, не исключен вариант, при котором Совет Федерации станет выборным органом (с подобным предложением выступил, в частности, Председатель СФ С. Миронов). С одной стороны, это обеспечило бы более высокий уровень легитимности и авторитета Совета Федерации, исправив имидж «плацдарма» для лоббистов и бывших региональных «королей», пришедших за депутатским иммунитетом, а с другой стороны – несколько повысило бы независимость сенаторов и от глав субъектов Федерации, способных использовать угрозу отзыва для давления на представителей своего субъекта РФ от Кремля, уменьшив (но не исключив полностью) возможности манипулирования ими.

Таким образом, нынешнее состояние Совета Федерации является промежуточным, соответствующим промежуточному состоянию административной реформы, которая проводится по инициативе Президента В.В. Путина. Фактически это состояние отражает не слишком устойчивый баланс сил, существующих в настоящее время между Центром и регионами. При изменении этого баланса могут измениться как принцип формирования Совета Федерации, так и его роль в политической системе России.

Проблемы становления и функционирования двухпалатных законодательных органов государственной власти достаточно хорошо изучены как на опыте зарубежных стран, так и на примерах из практики деятельности высших органов законодательной власти Российской Федерации. Вместе с тем значительный интерес представляет и аналогичный опыт, на-

копленный в субъектах Российской Федерации. Помимо научного интереса, вызванного потребностью в сравнительном анализе парламентских систем российских регионов, проблема имеет и практическую составляющую, так как апробация различных организационных моделей двухпалатных парламентов в конституционно-правовом пространстве субъектов Федерации, в региональном политическом процессе, по существу, представляет собой «испытательный полигон» для проверки эффективности разных схем разделения властей.

Исторически сложилось так, что в России региональные представительные органы, начиная от земских собраний и заканчивая Верховными Советами автономных республик, краевыми и областными Советами конца 80-х годов, имели однопалатную структуру. Поэтому состоявшийся в начале 90-х годов переход к двухпалатной структуре представительных органов государственной власти в ряде субъектов Российской Федерации необходимо рассматривать в общем контексте борьбы автономных республик за повышение своего конституционно-правового статуса.

Одним из аспектов этого процесса и стала реорганизация системы высших органов власти и управления. Бикамерализм, ранее присущий лишь общесоюзному Верховному Совету СССР (с 1989 г. также и Верховному Совету РСФСР), транслировался на региональный уровень, выступая тем самым внешним атрибутом государственного суверенитета. Не случайно, что из пяти субъектов с двухпалатной системой четыре являются республиками, причем две из них – Башкортостан и Саха (Якутия) – в прошлом лидеры парада суверенитетов 1990 г. Кроме того, учреждение двухпалатного парламента в некоторых республиках в составе Российской Федерации (например, в Кабардино-Балкарии) должно было, по изначальному замыслу, способствовать снятию остроты межнациональных проблем в республике с полиэтническим составом населения.

В Республике Карелия становление двухпалатной системы имело свои особенности. С самого начала там отказались от внедрения президентской модели правления, хотя и восприня-

ли принцип замещения должности Председателя Правительства республики путем прямых всеобщих выборов. В этой связи активность карельских законодателей в конституционном процессе проявилась в совершенствовании структуры законодательных и исполнительных органов государственной власти, перечня их функций и усовершенствовании порядка взаимодействия. Результатом этих усилий стал ряд поправок, внесенных в прежнюю Конституцию Карельской АССР 1978 г.¹, в том числе гл. 6, предусматривающей организацию двухпалатного Законодательного Собрания Карелии.

Что же касается единственного субъекта с двухпалатным парламентом, не являющегося республикой (Свердловская область), то здесь уместно вспомнить, что ее руководство проявляло активность в борьбе за выравнивание прав областей с правами республик вплоть до попытки провозглашения осенью 1993 г. Уральской республики. К тому же приход в 1995 г. к власти губернатора области Э.Э. Росселя сопровождался радикальной перестройкой системы государственных органов, результатом которой стало фактическое воспроизведение в масштабах Свердловской области федеральной системы организации государственной власти с разделением парламента на две самостоятельные палаты.

Таким образом, внедрение бикамерализма в систему организации парламента субъектов Российской Федерации на практике могло воплотиться в реальность лишь при наличии факторов, стимулирующих развитие конституционного процесса по данному сценарию. В отсутствие же таковых сохранение однопалатной структуры парламента субъекта Российской Федерации являлось закономерным, так как переход к двухпалатной структуре вызвал бы необходимость решать целый комплекс вопросов, связанных с перераспределением полномочий между палатами, реорганизацией системы его координационных органов (Президиума, рабочего секретариата и др.).

---

¹ Конституция Карельской АССР была принята 30 мая 1978 г. За это время изменения в ее текст вносились 14 раз (с 1984 по 1998 г.).

Развитие бикамерализма в организации законодательной власти субъектов Российской Федерации также в значительной мере сдерживается существующим порядком формирования Совета Федерации. Согласно ст. 2 Федерального закона «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» в двухпалатных законодательных представительных органах субъектов Российской Федерации представитель в Совет Федерации определяется совместным решением обеих его палат. Соответственно при наличии двух председателей палат право представлять законодательный орган на федеральном уровне получает только один из них.

Политическая практика решения данной проблемы свидетельствует о том, что большинство двухпалатных законодательных собраний пошли по пути поочередного представительства в Совете Федерации каждой из палат, сменяющих друг друга по истечении определенного промежутка времени. Например, постановлениями Парламента Кабардино-Балкарской Республики представителем в Совете Федерации на 1998 г. был определен Председатель Совета Республики З.А. Нахушев, а на 1999 г. – Председатель Совета Представителей И.Б. Бечелов. Иной вариант решения данного вопроса избрал Государственный Совет Башкортостана, определивший своим представителем в Совет Федерации председателя Госсовета М.А. Зайцева.

Таким образом, главной причиной ограниченности развития двухпалатной модели выступает ее высокая политическая себестоимость. Организация законодательной власти по двухпалатной схеме предполагает решение сложного комплекса вопросов политико-организационного и правового плана, среди которых первоочередными являются:

- разделение компетенции двухпалатного законодательного органа на компетенцию палат и компетенцию законодательного органа в целом;
- распределение предметов ведения и полномочий между палатами;

- создание системы структурных подразделений законодательного органа (комитетов, комиссий) с учетом компетенции каждой из палат;
- разработка общего порядка рассмотрения и принятия законодательных актов с учетом двухпалатной структуры законодательного органа;
- определение процедурного порядка решения вопросов, отнесенных к сфере совместного ведения обеих палат парламента;
- реорганизация системы координационных органов и аппарата парламента субъекта Российской Федерации.

Анализ положений конституций и уставов, иных законодательных актов, практики их применения в политическом процессе субъектов Российской Федерации показывает, что разграничение полномочий палат законодательных органов в субъектах Российской Федерации носит значительно менее жесткий характер, чем это проведено на федеральном уровне. Если в Конституции Российской Федерации полномочия палат полностью разделены, установлен запрет на проведение совместных заседаний палат (кроме заслушивания посланий Президента Российской Федерации, посланий Конституционного Суда и выступлений руководителей иностранных государств), то во всех пяти субъектах Российской Федерации, имеющих двухпалатный парламента, наряду с самостоятельной компетенцией каждой из палат существует определенный круг вопросов, отнесенных к ведению парламента в целом. Решения по ним принимаются на совместных заседаниях палат. При этом круг вопросов, составляющих предмет совместного ведения палат, во всех субъектах строго определен, вне его рамок проведение совместных заседаний палат не допускается.

Показательно, что, несмотря на кажущуюся общность в структуре организации законодательной власти, двухпалатные парламента субъектов Российской Федерации разительно отличаются между собой по закрепленным в нормативно-правовых актах принципам взаимодействия между палатами. Российский бикамерализм в его региональном измерении де-

монстрирует возможности многовариантного решения вопросов о соотношении места и роли палат в зависимости от особенностей организации государственной власти в конкретном субъекте Российской Федерации.

Традиционный критерий различения верхней и нижней палат (рассмотрение верхней палатой законов, принимаемых нижней палатой с их одобрением либо отклонением) применительно к двухпалатным законодательным органам субъектов Российской Федерации не является универсальным. В этой связи уместнее проводить различие между палатами не только по традиционной классификации палат на «верхнюю» и «нижнюю», а по условному разделению на сессионную палату и постоянную палату. Различия между местом и ролью этих двух палат в системе организации политической власти субъектов Российской Федерации усматриваются прежде всего в двух качественных характеристиках.

1. Дифференциация статуса членов палат в зависимости от порядка их избрания и характера осуществления ими депутатской деятельности.

2. Асимметрия в разделении предметов ведения и интенсивности деятельности палат.

Во всех без исключения двухпалатных парламентах субъектов Российской Федерации избрание парламентариев каждой из палат осуществляется по различным критериям представительства. При этом в четырех двухпалатных парламентах депутаты постоянной палаты избираются по мажоритарным одномандатным округам с равной численностью избирателей, а депутаты сессионной палаты – по округам, образуемым в соответствии со схемой административно-территориального деления субъектов Российской Федерации.

Уже на стадии избрания депутаты палат имеют различный статус, различающийся в зависимости от порядка обретения депутатского мандата и сроков депутатских полномочий. Эти различия еще больше усугубляются особенностями депутатской деятельности. Депутаты постоянной палаты осуществляют свою деятельность на профессиональной осно-

ве, получая за нее соответствующее вознаграждение (индемнитет). Как правило, для данной категории депутатов установлен запрет на совмещение статуса депутата с государственной службой, предпринимательской и иной оплачиваемой деятельностью (кроме научной, преподавательской, литературной или иной творческой).

Что же касается депутатов сессионной палаты, то их деятельность во всех двухпалатных парламентах субъектов Российской Федерации осуществляется на непостоянной основе: они лишь освобождаются от основной работы (службы) на время заседаний палаты, а также на период выполнения иных депутатских полномочий. Такой порядок предусмотрен для депутатов Совета Представителей Республики Карелия, Палаты Представителей Государственного Собрания Республики Башкортостан и Совета Представителей Парламента Кабардино-Балкарской Республики. Согласно ст. 35 Устава Свердловской области депутаты Палаты Представителей Законодательного Собрания также выполняют свои функции на неосвобожденной основе кроме председателя и его заместителей.

Периодичность проведения заседаний сессионных палат устанавливается их регламентами. Например, регламентом Палаты Представителей и Государственного Собрания Республики Саха (Якутия) предусмотрено, что сессии палаты проводятся не менее 4 раз в год. Внеочередные сессии могут созываться по инициативе Председателя палаты либо по предложению депутатов, составляющих не менее 1/3 ее состава.

В региональном политическом процессе эти различия зачастую проявляются в парламентской деятельности членов палат. Так, в условиях избрания депутата по административно-территориальному округу объективно возрастает интенсивность его контактов с руководством административно-территориальных и муниципальных образований. Более того, в ряде субъектов Федерации получила широкое распространение практика участия в выборах депутатов сессионной палаты глав органов местного самоуправления, руководителей крупнейших промышленных предприятий и коммерческих

структур, иных представителей административной и хозяйственной элиты региона. Статус депутата, работающего на несвобожденной основе, на которого не распространяется большая часть ограничений, предусмотренных для депутатов-профессионалов, с одной стороны, резко повышает политический вес его обладателя, предоставляет ему дополнительные возможности политического влияния, а с другой – не требует даже формального отказа от ранее занимаемой должности либо от того или иного вида деятельности.

Согласно общему правилу, действующему во всех двухпалатных парламентах, парламентарий также не может одновременно являться членом обеих палат: в случае же избрания депутата в состав другой палаты он обязан либо сложить прежние депутатские полномочия, либо отказаться от полученного мандата.

Различие в статусе депутатов палат обуславливает разную интенсивность их деятельности. Сессионная палата в силу того, что ее депутаты работают на непостоянной основе, как уже отмечалось, не играет активной роли в законотворческой процессе. Ее участие в реализации законодательной функции парламента ограничивается одобрением (отклонением) всех принимаемых постоянной палатой законов (как Палата Представителей Законодательного Собрания Свердловской области), либо принятием наиболее важных из них в рамках строго очерченной предметной сферы (в Карелии, в Республике Саха (Якутия), либо разработкой законодательных инициатив (в Кабардино-Балкарской Республике). Кроме того, члены сессионной палаты участвуют в законодательной деятельности на совместных заседаниях палат в парламентах тех субъектов, где подобные совместные заседания допускаются конституциями либо уставами.

Периодичность заседаний сессионных палат достаточно редкая. Так, заседания Палаты Представителей Государственного Собрания Республики Башкортостан проводятся по мере необходимости, но не реже 1 раза в 2 месяца.

Вместе с тем ограниченные возможности сессионных палат в законодательной сфере, как правило, компенсируются достаточно широким объемом полномочий в сфере парламентского контроля и в решении кадровых вопросов. Так, в большинстве двухпалатных парламентов именно сессионная палата принимает решение о досрочном прекращении высшего должностного лица или главы исполнительной власти. В Республике Саха (Якутия) решение об отставке либо отрешении от должности Президента принимается Палатой Республики. В Республике Карелия Палата Представителей принимает решение об отставке или о выражении недоверия главе исполнительной власти и руководителям органов государственного управления. В Свердловской области к ведению Палаты Представителей отнесено отрешение Губернатора от должности по представлению Областной Думы и на основании заключения Уставного суда области либо Свердловского областного суда, а также принятие отставки Губернатора по личному заявлению.

В подавляющем большинстве двухпалатных парламентов субъектов Российской Федерации отсутствует единый орган, осуществляющий руководство парламентской деятельностью. Должность председателя, возглавляющего двухпалатный парламент, предусмотрена только в Государственном Собрании Республики Башкортостан. В соответствии со ст. 87 Конституции Республики Председатель Государственного Собрания ведает и его внутренним распорядком. Согласно ст. 6 Закона «О Государственном Собрании Республики Башкортостан», указанное должностное лицо либо избирается тайным голосованием на совместном заседании палат простым (более половины) большинством голосов от общего числа депутатов Государственного Собрания и осуществляет свою деятельность на профессиональной постоянной основе. Председатели Законодательной Палаты и Палаты Представителей, избираемые на заседаниях палат, являются по должности его заместителями.

Таким образом, анализ основ устройства двухпалатных парламентов субъектов Российской Федерации свидетельствует как о многовариантности форм организации двухпалат-

ных региональных парламентов, так и о наличии общих закономерностей в их становлении и развитии. Следует полагать, что существующие схемы распределения полномочий и предметов ведения между палатами не будут статичными: дальнейшее развитие системы законодательных (представительных) органов власти неизбежно поставит вопрос об их совершенствовании.

Дополнительные материалы

Социальные основы политики

Гегель. Философия права

§ 182

Одним принципом гражданского общества является конкретное лицо, которое есть для себя как *особенная* цель, как целостность потребностей и смещение природной необходимости и произвола, но особенное лицо как существенно *соотносящееся* с другой такой особенностью, так что каждое из них утверждает свою значимость. [...]

Прибавление. Гражданское общество есть дифференция, которая выступает между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства; ибо в качестве дифференциации оно предполагает государство, которое оно, чтобы пребывать, должно иметь перед собой как нечто самостоятельное. Гражданское общество создано, впрочем, лишь в современном мире, который всем определениям идеи представляет их право. Если государство представляют как единство различных лиц, как единство, которое есть лишь общность, то имею ввиду лишь определение гражданского общества. Многие новейшие специалисты по государственному праву не сумели прийти к другому воззрению на государство. В гражданском обществе каждый для себя – цель, все остальное для него ничто. Однако без соотношения с другими он не может достигнуть своих целей во всем их объеме: эти другие суть, поэтому средства для цели особенного. Но особенная цель посредством соотношения с другими придает себе форму всеобщего и удовлетворяет себя, удовлетворяя вместе с тем стремление других к благу. Так как особенность связана с условием всеобщности, то целое есть почва опосредова-

ния, на которой дают себе свободу все единичности, все способности, все случайности рождения и счастья, из которой проистекают волны всех страстей, управляемые только проистекающим в них сиянием разума. Особенность, ограниченная всеобщностью, есть единственная мера, при помощи которой каждая особенность способствует своему благу.

§ 188

Гражданское общество содержит в себе три следующих момента:

А) опосредование *потребности* и удовлетворение единичного посредством его труда и посредством труда и удовлетворения потребностей *всех остальных, систему потребностей*;

В) действительность содержащегося в этом всеобщего *свободы, защиты собственности посредством правосудия*;

С) забота о предотвращении остающейся в этих системах случайности и внимание к особенному интересу как к *общему* с помощью *полиции и корпораций*.

§ 221

Член гражданского общества имеет *право искать суда* и обязанность *предстать перед судом* и получить только через суд оспариваемое им право.

Прибавление. Так как каждый индивид имеет право искать суда, он должен знать законы, ибо в противном случае это право ничем бы ему не помогло. Но индивид обязан также предстать перед судом. В эпоху феодализма могущественные лица часто не являлись на судебное заседание, вели себя вызывающе по отношению к судебным инстанциям и рассматривали вызов в суд могущественного лица как неправомерное деяние. Это – состояние, противоречащее тому, чем должен быть суд. В новейшее время правитель обязан по частным вопросам признавать над собой власть суда, и в свободных государствах оно обычно проигрывает свои процессы.

§ 222

Перед судом право получает определение, согласно которому должно быть *доказуемо*. Судопроизводство предоставляет сторонам возможность приводить свои доказательства и правовые основания, судье войти в суть дела. *Эти стадии процесса суть сами права*, а их ход должен быть поэтому определен законом, и они составляют существенную часть теоретической науки о праве. [...]

§ 238

Семья есть прежде всего то субстанциальное целое, которому надлежит заботиться об этой особенной стороне индивида как в отношении средств и умения, чтобы он мог, пользуясь общим имуществом, приобретать необходимое, так и в отношении содержания и заботы о нем в том случае, если он окажется неспособным добывать необходимые ему средства. Однако гражданское общество разрывает эти узы индивида, делает членов семьи чуждыми друг другу и признает их самостоятельными лицами; оно заменяет, далее, внешнюю неорганическую природу и землю отцов, на которой отдельный человек добывал средства существования, своей почвой и подвергает существование всей семьи зависимости от него, случайности. Так индивид становится *сыном гражданского общества*, которое предъявляет к нему в такой же мере требования, как он свои права по отношению к нему.

Прибавление. Семья должна, конечно, заботиться о хлебе для своих членов, однако в гражданском обществе она – нечто подчиненное и служит лишь основой: объем ее деятельности уже не столь велик. Напротив, гражданское общество представляет собой могучую силу, которая завладевает человеком, требует от него, чтобы он на него работал, был всем только посредством него и делал все только посредством него. Если человек должен быть таким членом гражданского общества, то он сохраняет в нем те же права и притязания, которые он имел в семье. Гражданское общество должно защищать своего члена, отстаивать его права, а индивид в свою очередь обязан соблюдать права гражданского общества.

§ 239

В этом своем качестве *всеобщей семьи* гражданское общество обязано и имеет право надзирать за *воспитанием детей*, и влиять на него, пресекая *произвол* и случайные намерения *родителей*, поскольку оно имеет отношение к способности человека стать членом общества, и особенно в тех случаях, когда воспитание совершается не родителями, а другими лицами, - поскольку же в этом отношении могут быть приняты общие меры, общество должно их принять. [...]

§ 240

Общество обязано и имеет право также устанавливать опеку над теми, кто своей расточительностью уничтожает обеспеченность своего существования и существования своей семьи, и осуществлять вместо них цель общества и их цель. [...]

§ 255

Наряду с семьей корпорация составляет второй существующий в гражданском обществе *нравственный корень* государства. Первая содержит в себе моменты субъективной особенности и объективной всеобщности в *субстанциальном единстве*; вторая же объединяет внутренним образом те моменты, которые сначала разъединены в гражданском обществе на *в себя рефлектированную* особенность потребностей и потребления и на *абстрактную* правовую всеобщность, объединяет их так, что в этом объединении особенное благо есть как правило и осуществлено.

Примечание. Святость брака и честь в корпорации - те два момента, вокруг которых вращается дезорганизация гражданского общества.

И. Кант. Метафизика нравов в двух частях

Учение о праве

Часть вторая

§ 45

Государство (*civitas*) – это объединение множества людей, подчиненных правовым законам. Поскольку эти законы необходимы как априорные законы, т.е. как законы, сами собой вытекающие из понятий внешнего права вообще (а не как законы статутарные), форма государства есть форма государства вообще, т.е. государство в *идее*, такое, каким оно должно быть в соответствии с чистыми принципами права, причем идея эта служит путеводной нитью (*norma*) для любого действительного объединения в общность (следовательно, во внутреннем).

В каждом государстве существует три *власти*, т.е. всеобщим образом объединенная воля в трех лицах (*trias politica*): верховная власть (суверенитет) в лице законодателя, *исполнительная власть* в лице правителя (правлящего согласно закону) и *судебная власть* (присуждающая каждому *свое* согласно закону) в лице судьи *potestas legislatioria, rectoria et iudiciaria*), как бы три суждения в практическом силлогизме: большая посылка, содержащая в себе *закон* всеобщим образом объединенной воли; меньшая посылка, содержащая в себе веление поступать согласно *закону*, т.е. принцип подведения под эту волю, и вывод, содержащий в себе *судебное решение* (приговор) относительно того, что в данном случае соответствует праву.

§ 46

Законодательная власть может принадлежать только объединенной воле народа. В самом деле, так как всякое право должно исходить от нее, она непременно должна быть не *в состоянии* поступить с кем-либо не по праву. Но когда кто-то принимает решение в отношении *другого лица*, то всегда суще-

ствуется возможность, что он тем самым поступит с ним не по праву; однако такой возможности никогда не бывает в решениях относительно себя самого (ибо *volenti non fit iniuria*). Следовательно, только согласованная и объединенная воля всех в том смысле, что каждый в отношении каждого принимают одни и те же решения, стало быть, только всеобщим образом объединенная воля народа может быть законодательствующей.

Объединенные для законодательства члены такого общества (*societas civilis*), т.е. государства, называются *гражданами* (*cives*), а неотъемлемые от их сущности (как таковой) правовые атрибуты суть: основанная на законе *свобода* каждого не повиноваться иному закону, кроме того, на который он дал свое согласие; гражданское *равенство* – признавать стоящим выше себя только того в составе народа, на кого он имеет моральную способность налагать такие же правовые обязанности, какие этот может налагать на него; в-третьих, атрибут гражданской *самостоятельности* – быть обязанным своим существованием и содержанием не произволу кого-то другого в составе народа, своим собственным правам и силам как член общности, следовательно в правовых делах гражданская личность не должна быть представлена никем другим.

Только способность голосовать составляет квалификацию гражданина; а эта способность предполагает самостоятельность того в составе народа, кто намерен быть не просто частицей общности, но и ее членом, т.е. частицей, действующей по собственному произволу совместно с другими. Но это последнее качество делает необходимым различие граждан *активных и пассивных*, хотя понятие *пассивный гражданин* кажется противоречащим дефиниции понятия *гражданин* вообще. – Следующие примеры помогут устранить эту трудность: приказчик у купца или подмастерье у ремесленника, слуга (не на государственной службе), несовершеннолетний (*naturaliter vel civiliter*), каждая женщина и вообще все те, кто вынужден поддерживать свое существование (питание и защиту) не собственным занятием, а по распоряжению других (за исключением распоряжения со стороны государства), – все эти

лица не имеют гражданской личности, и их существование – это как бы присущность. – Дровосек, которого я нанял в своем дворе, кузнец в Индии, который ходит по дворам со своим молотом, наковальней и кузнечным мехом, чтобы работать там по железу, в сравнении с европейским столяром или кузнецом, которые могут публично выставлять на продажу изготовленные ими изделия; домашний учитель в сравнении со школьным преподавателем, оброчный крестьянин в сравнении с арендатором и т.п. – все это лишь подручные люди общности, потому что ими должны командовать и их должны защищать другие индивиды, стало быть, они не обладают никакой гражданской самостоятельностью.

Однако эта зависимость от воли других и неравенство ни в коей мере не противоречат свободе и равенству этих лиц *как людей*, которые вместо составляют народ; вернее, лишь в соответствии с условиями свободы и равенства этот народ может стать государством и вступить в [состояние] гражданского устройства. Но иметь в этом устройстве право голоса, т.е. быть гражданами, не просто принадлежащими к государству, – этому удовлетворяют не все с равным правом. В самом деле, что они могут требовать, чтобы все другие обращались с ними как с *пассивными* частицами государства согласно законам естественной свободы и равенства, еще не вытекает права относиться к самому государству в качестве *активных* его членов, организовать его или содействовать введению тех или иных законов; отсюда вытекает лишь то, что, какого бы рода ни были положительные законы, на которые они дают свое согласие, они не должны противоречить естественным законам свободы и соответствующему этой свободе равенству всех в составе народа, а именно они не должны противиться возможности перейти из этого пассивного состояния в активное.

§ 47

Каждая из трех указанных властей в государстве представляет собой определенный сан, и, как неизбежно вытекающая из идеи государства вообще и необходимая для его

основания (конституции), каждая из них есть *государственный сан*. Все эти власти содержат в себе отношение общего *главы* (который с точки зрения законов свободы не может быть никем иным, кроме самого объединенного народа) к разрозненной массе народа как к *подданному*, т.е. отношение повелителя (*imperans*) к повинующемуся (*subditus*). – Акт, через который народ сам конституируется в государство, собственно говоря, лишь идея государства, единственно благодаря которой можно мыслить его правомерность, – это *первоначальный договор*, согласно которому все (*omnes et singuli*) в составе *народа* отказываются от своей внешней свободы, с тем чтобы снова тотчас же принять эту свободу как члены общности, т.е. народа, рассматриваемого как государство (*universi*); и нельзя утверждать, что государство или человек в государстве пожертвовал ради какой-то цели *частью* своей прирожденной внешней свободы; он совершенно оставил дикую, не основанную на законе свободу, чтобы вновь в полной мере обрести свою свободу вообще в основанной на законе зависимости, т.е. в правовом состоянии, потому что зависимость эта возникает из его собственной законодательствующей воли [...]

М. Вебер. Политика как призвание и профессия

«Лишь тот кто уверен, что он не дрогнет, если с его точки зрения, мир окажется слишком глуп или слишком подл для того, что он хочет ему предложить; лишь тот, кто вопреки всему способен сказать «и все-таки!» – лишь тот имеет «профессиональное призвание к политике»

...Что мы понимаем под политикой? Это понятие имеет чрезвычайно широкий смысл и охватывает все виды деятельности по самостоятельному *руководству*. Говорят о валютной политике банков, о дисконтной политике Имперского банка, о политике профсоюза во время забастовки; можно говорить о школьной политике городской или сельской общины, по политике правления, руководящего корпорацией, наконец, даже о политике умной жены, которая стремится управлять своим мужем. Конечно, сейчас мы не берем столь широкое понятие за основу наших рассуждений. Мы намереваемся в данном случае говорить только о руководстве или оказании влияния на руководство *политическим союзом*, то есть в наши дни – *государством*.

Но что есть «политический» союз с точки зрения социологического рассуждения? Что есть «государство»? ведь государство нельзя социологически определить, исходя из содержания его деятельности. Почти нет таких задач, выполнение которых политический союз не брал бы в свои то здесь то там; с другой стороны, нет такой задачи, о которой можно было бы сказать, что она во всякое время полностью, то есть *исключительно*, присуща тем союзам, которые называют «политическими», то есть в наши дни – государствам, которые исторически предшествовали современному государству. Напротив, дать социологическое определение современного государства можно, в конечном счете, только исходя из специфически применяемого им, как и всяким политическим союзом, *средства* – физического насилия. «Всякое государство основано на насилии», – говорил в свое время *Троцкий* в Брест-Литовске.

И это действительно так. Только если бы существовали социальные образования, которым было бы неизвестно насилие как средство, *тогда* отпало бы понятие «государства», тогда наступило бы то, что в особом смысле слова можно было бы назвать «анархией». Конечно, насилие отнюдь не является нормальным или единственным средством государства – об этом нет и речи, – но оно, пожалуй, специфическое для него средство. Именно в наше время отношение государства к насилию особенно интимно. В прошлом различным союзам – начиная с рода – физическое насилие было известно как совершенно нормальное средство. В противоположность этому сегодня мы должны будем сказать: государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области – «область» включается в признак! – претендует (с успехом) на монополию *легитимного физического насилия*. Ибо для нашей эпохи характерно, что право на физическое насилие приписывается всем другим союзам или отдельным лицам лишь настолько, насколько *государство* со своей стороны допускает это насилие: единственным источником «права» на насилие считается государство.

Итак, «политика», судя по всему, означает стремление к участию во власти или оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает.

В сущности, такое понимание соответствует и словупотреблению. Если о каком-то вопросе говорят: это «политический» вопрос, о министре или чиновнике: это «политический» чиновник, о некотором решении: оно «политически» обусловлено – то тем самым всегда подразумевается, что интересы распределения, сохранения, смещения власти являются определяющими для ответа на указанный вопрос, или обуславливают это решение, или определяют сферу деятельности соответствующего чиновника. Кто занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному

другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти «ради нее самой», чтобы наслаждаться чувством престижа, которое она дает.

Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение *господства* людей над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство. Таким образом, чтобы оно существовало, люди, находящиеся под господством, должны *подчиняться* авторитету, на который претендуют те, кто теперь господствует. Когда и почему они так поступают? Какие внутренние основания для оправдания господства и какие внешние средства служат ему опорой?

В принципе имеется три вида внутренних оправданий, то есть оснований *легитимности* (начнем с них) во-первых, это авторитет «вечно вчерашнего»: авторитет *нравов*, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение, – «традиционное» господство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа. Далее, авторитет внеобычного личного *дара* (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровений, героизма и других, – харизматическое господство, как его осуществляют пророк, или – в области политического – избранный князь – военачальник, или плебисцитарный властитель, выдающийся демагог и политический партийный вождь. Наконец, господство в силу «легальности», в силу веры в обязательность легального *установления* и деловой «компетентности», обоснованной рационально созданными правилами, то есть ориентации на подчинение при выполнении установленных правил – господство в том виде, в каком его осуществляют современный «государственный служащий» и все те носители власти, которые похожи на него в этом отношении. Понятно, что в действительности подчинение обуславливают чрезвычайно грубые мотивы страха и надежды – страха перед мезью магических сил или властителя, надежды на потусторонне или посюсто-

роннее вознаграждение – и вместе с тем самые разнообразные интересы. К этому мы сейчас вернемся. Но если пытаться выяснить, на чем основана «легитимность» такой покорности, тогда, конечно, столкнешься указанными тремя ее «чистыми» типами. А эти представления о легитимности и их внутреннее обоснование имеют большое значение для структуры господства. Правда, чистые типы редко встречаются в действительности. Но сегодня мы не можем позволить себе детальный анализ крайне запутанных изменений, переходов и комбинаций этих чистых типов: это относится к проблемам «общего учения о государстве».

Учение о праве

Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре, или принципы политического права

Книга I

Глава VIII

О гражданском состоянии

[...] Переход от состояния естественного к состоянию гражданскому производит в человеке весьма приметную перемену, заменяя в его поведении инстинкт справедливостью и придавая его действиям тот нравственный характер, которого они ранее были лишены. Только тогда, когда голос долга сменяет плотские побуждения, а право – желание, человек, который до сих пор считался только самим собою, оказывается вынужденным действовать сообразно другим принципам и советовать с разумом, прежде чем следовать своим склонностям. Хотя он и лишает себя в этом состоянии многих преимуществ, полученных им от природы, он вознаграждается весьма значительными другими преимуществами; его способности упражняются и развиваются, его представления расширяются, его чувства облагораживаются и вся его душа возвышается до такой степени, что если бы заблуждения этого нового состояния не низводили часто человека до состояния еще более низкого, чем то, из которого он вышел, то он должен был бы непрестанно благословлять тот счастливый миг, который навсегда вырвал его оттуда и который из тупого и ограниченного животного создал разумное существо – человека.

Сведем весь этот итог к легко сравнимым между собой положениям. По Общественному договору, человек теряет свою естественную свободу и неограниченное право на то, что его прельщает и чем он может завладеть; приобретает же он свободу гражданскую и право собственности на все то,

чем обладает. Чтобы не ошибиться в определении этого возмещения, надо точно различать естественную свободу, границами которой является лишь физическая сила индивидуума, и свободу гражданскую, которая ограничена общей волей, а также различать обладание, представляющее собой лишь результат применения силы или право того, кто пришел первым, и собственность, которая может основываться лишь на законном документе.

К тому, что уже сказано о приобретениях человека в гражданском состоянии, можно было бы добавить моральную свободу, которая одна делает человека действительным хозяином самому себе; ибо поступать лишь под воздействием своего желания есть рабство, а подчиняться закону, который ты сам для себя установил, есть свобода. [...]

Книга II

Глава IV

О границах верховной власти суверена

Если Государство, или Гражданская община, – это не что иное, как условная личность, жизнь которой заключается в союзе ее членов, и если самой важной из забот ее является забота о самосохранении, то ей нужна сила всеобщая и побудительная, дабы двигать и управлять каждой частью наиболее удобным для целого способом. Подобно тому как природа наделяет каждого человека неограниченной властью над всеми членами его тела, общественное соглашение дает Политическому организму неограниченную власть над всеми его членами, и вот эта власть, направляемая общею волей, носит имя суверенитета.

Но, кроме общества как лица юридического, мы должны принимать в соображение и составляющих его частных лиц, чья жизнь и свобода, естественно от него независимы. [...]

Все то, чем гражданин может служить Государству, он должен сделать тотчас же, как только суверен этого потребует, но суверен со своей стороны не может налагать на подданных узы, бесполезные для общины; он не может даже желать этого, ибо как в силу закона разума, так и в силу закона естественно-го ничто не совершается без причины.

Обязательства, связывающие нас с Общественным организмом, непреложны лишь потому, что они взаимны, и природа их такова, что, выполняя их, нельзя действовать на пользу другим, не действуя также на пользу себе. Почему общая воля всегда направлена прямо к одной цели и почему все люди постоянно желают счастья каждого из них, если не потому, что нет никого, кто не относил бы этого слова «каждый» на свой счет и кто не думал бы о себе, голосуя в интересах всех? Это доказывает, что равенство в правах и порождаемое им представление о справедливости вытекает из предпочтения, которое каждый оказывает самому себе и, следовательно, из самой природы человека; что общая воля для того, чтобы она была поистине таковой, должна быть общей как по своей цели, так и по своей сущности; что она должна исходить от всех, чтобы относиться ко всем, и что она теряет присущее ей от природы верное направление, если устремлена к какой-либо индивидуальной и строго ограниченной цели, ибо тогда, поскольку мы выносим решение о том, что является для нас посторонним, нами уже руководит никакой истинный принцип равенства.

В самом деле, как только речь заходит о каком-либо факте или частном праве на что-либо, не предусмотренном общим и предшествующим соглашением, то дело становится спорным. Это – процесс, в котором заинтересованные частные лица составляют одну из сторон, а весь народ – другую, но в котором не видно ни закона, коему надлежит следовать, ни судьи, который должен вынести решение. Смешно было бы тогда ссылаться на особо по этому поводу принятое решение общей воли, которое может представлять собою лишь решение, принятое одной из сторон и которое, следовательно, для другой стороны является только волею постороннею, част-

ною, доведенную в этом случае до несправедливости и подверженной заблуждениям. Поэтому, подобно тому, как частная воля не может представлять собою общую, так и общая воля в свою очередь изменяет свою природу, если она направлена к частной цели, и не может, как общая, выносить решение ни в отношении какого-нибудь человека, ни в отношении какого-нибудь факта. Когда народ Афин, например, нарицал или смещал своих правителей, воздавал почести одному, налагал наказания на другого и посредством множества частных декретов осуществлял все без исключения действия Правительства, народ не имел уже тогда общей воли в собственном смысле этих слов. [...]

Исходя из этого надо признать, что волю делает общемою не столько число голосов, сколько общий интерес, объединяющий голосующих, ибо при такого рода устройении каждый по необходимости подчиняется условиям, которые он делает обязательными для других: тут замечательно согласуются выгода и справедливость, что придает решениям по делам, касающимся всех, черты равенства, которое тотчас же исчезает при разбирательстве любого частного дела ввиду отсутствия здесь того общего интереса, который объединял и отождествлял бы правила судьи с правилами тяжущейся стороны.

С какой бы стороны мы ни восходили к основному принципу, мы всегда придем к одному и тому же заключению, именно: общественное соглашение устанавливает между гражданами такого рода равенство, при котором все они принимают на себя обязательства на одних и тех же условиях и все должны пользоваться одинаковыми правами. Таким образом. По самой природе этого соглашения, всякий акт суверенитета, т.е. всякий подлинный акт общей воли, налагает обязательства на всех граждан или дает преимущества всем в равной мере; так что суверен знает лишь Нацию как целое и не различает ни одного из тех, кто ее составляет. Что же, собственно, такое акт суверенитета? Это не соглашение высшего с низшим, но соглашение Целого с каждым из его членов; соглашение законное, ибо оно имеет основой Общественный договор; справед-

ливое, ибо оно общее для всех; полезное, так как оно не может иметь иной цели, кроме общего блага; и прочное, так как поручителем за него выступает вся сила общества и высшая власть. До тех пор пока подданные подчиняются только такого рода соглашениям, они не подчиняются никому, кроме своей собственной воли; и спрашивать, каковы пределы прав соответственно суверена и граждан, это значит спрашивать, до какого предела простираются обязательства, которые эти последние могут брать по отношению к самим себе – каждый в отношении всех и все в отношении каждого из них.

Из этого следует, что верховная власть, какой бы неограниченной, священной, неприкосновенной она ни была, не переступает и не может переступить границ общих соглашений и что каждый человек может всецело распоряжаться тем, что ему эти соглашения предоставили из его имущества и его свободы; так что суверен никак не вправе наложить на одного из подданных большее бремя, чем на другого. Ибо тогда спор между ними приобретает частный характер и поэтому власть суверена здесь более не компетентна.

Раз мы допустили эти различия, в высшей степени неверно было бы утверждать, что Общественный договор требует в действительности от частных лиц отказа от чего-либо; положение последних в результате действия этого договора становится на деле более предпочтительным, чем то, в котором они находились ранее, так как они не отчуждают что-либо, но совершают лишь выгодный для них обмен образа жизни неопределенного и подверженного случайностям на другой – лучший и более надежный; естественной независимости – на свободу; возможности вредить другим – на собственную безопасность; и своей силы, которую другие могли бы превзойти, – на право, которое объединение в обществе делает неодолимым. Сама их жизнь, которую они доверили Государству, постоянно им защищается, и если они рискуют ею во имя его защиты, то разве делают они этим что-либо иное, как не отдают ему то, что от него получили? Что же они делают такого, чего не делали еще чаще и притом с

большей опасностью, в естественном состоянии, если, вступая в неизбежные схватки, будут защищать с опасностью для своей жизни то, что служит им для ее сохранения? Верно, что все должны сражаться, если это необходимо, за отечество, но зато никто не должен никогда сражаться за самого себя. И разве мы не выигрываем, подвергаясь ради того, что обеспечивает нам безопасность, части того риска, которому нам обязательно пришлось бы подвергнуться ради нас самих, как только мы лишились бы этой безопасности?

Глоссарий

Абсентеизм – форма аполитичности, политического безразличия граждан, выражающаяся в уклонении избирателей от участия в голосовании на выборах в представительные органы власти.

Абсолютизм – форма государства, при которой законодательная, исполнительная и судебная власть принадлежит одному лицу – монарху. Абсолютные монархии сохранились сегодня в странах Персидского залива (Кувейт, Бахрейн, Саудовская Аравия и др.).

Автономия – право самостоятельного управления какой-либо частью государства, закрепленное в конституции.

Авторитаризм – система власти, характерная для антидемократических политических режимов. Обычно сочетается с личной диктатурой. К историческим формам авторитаризма относятся азиатские деспотии, тиранические и абсолютистские формы правления древности, средневековья и нового времени, военно-полицейские и фашистские режимы, различные варианты тоталитаризма.

Анархизм – общественно-политическое течение, которое выступало за немедленное уничтожение всякой государственной власти (в результате «самопроизвольного», стихийного бунта масс) и создание федерации мелких автономных ассоциаций производителей, отвергало политическую борьбу. Анархизм сложился в 40–70-х гг. XIX в. в Западной Европе. Главными идеологами были М. Штирнер, П. Прудон, М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин. В России в XIX в. идеи анархизма нашли отражение в теории и практике революционного народничества в деятельности различных анархистских групп в годы Революции 1905–07 и особенно в годы Гражданской войны.

Аристократия – 1) форма государственного правления, при которой власть принадлежит представителям родовой знати. 2) В рабовладельческом и феодальном государстве – наиболее привилегированное сословие; определенные преимущества сохраняет в буржуазном государстве.

Блок политический – форма политического объединения государств, партий, движений, преследующих общие цели. Блок является объединением неравноправных политических сил. Он состоит из трех групп: 1) доминирующей, которая определяет стратегию блока; 2) союзной, вошедшей в блок для достижения превосходства над другими силами; 3) «реле», которая занята пропагандой идеей блока.

Бюрократия – слой профессиональных управленцев, деятельность которых основана на разделении ролей и функций посредством четких правил и процедур.

Власть – в общем смысле способность и возможность оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью каких-либо средств – воли, авторитета, права, насилия (родительская власть, государственная, экономическая и др.); политическое господство, система государственных органов.

Государство – особая форма организации политической власти в обществе, обладающая суверенитетом и осуществляющая управление с помощью специальных органов. Государство является наиболее важным институтом политической системы. Различают государство *правовое*, ограниченное в своих действиях правом (конституцией) и призванное обеспечить реализацию прав и свобод личности; и государство *социальное*, стремящееся к созданию для каждого гражданина условий и возможностей его всестороннего развития. По способам формирования властных институтов различают такие формы государства, как *монархия* и *республика*; по характеру распределения власти на территории – *унитарное*, *федеративное* и *конфедеративное* государство.

Гражданское общество – сфера самопроявления свободных граждан и их добровольческих союзов, ассоциаций, огражденных соответствующими законами от вмешательства и произвола со стороны государственной власти. Термин введен Аристотелем, который называл гражданским обществом сообщества свободных и равных граждан, связанных между собой определенной формой политического устройства (государство – полис). В XVII–XVIII вв. гражданское общество противопоставлялось абсолютистско-феодальному государству. В распространенном современном значении гражданское общество обозначает совокупность отношений в сфере экономики, культуры и др. сферах, развивающихся в рамках демократического общества независимо, автономно от государства. Гражданское общество предполагает существование широкого круга демократических прав и свобод.

Группы давления – организованные группы, оказывающие воздействие на власть, но стремящиеся к обладанию ею.

Демократия – форма государства, характеризующаяся рядом признаков: источник власти – народ; свободные выборы как способ формирования властных институтов; равноправие граждан; гарантия прав и свобод личности и др.

Диктатура – неограниченная власть одного лица, группы, класса, опирающаяся на вооруженное насилие. Обычно диктатура противопоставляется демократии, основанной на гарантиях прав человека, добровольности форм социальной жизни.

Дифференциация – разделение целого на различные части, формы и ступени.

Доктрина – учение, научная или философская теория, система, руководящий теоретический или политический принцип.

Закон – нормативный акт, принятый высшим органом государственной власти в установленном конституцией порядке. Обладает высшей юридической силой по отношению к другим нормативным актам (указам, постановлениям и др.). Основной источник права в современном обществе.

Законодательная власть – в государственном праве система органов государства, имеющих право принимать законы. Является «ведущей ветвью» власти. Она делегирована народом и реализуется коллегиально, через издание законодательных актов, а также наблюдения и контроля за исполнительной властью.

Идеология политическая – система представлений об устройстве и развитии общества, выражающих интересы социальных групп. Их реализация требует обращения к политической власти.

Империя – 1) монархическое государство глава которого, как правило, носил титул императора 2) империями назывались также государства, имевшие колониальные владения (напр., Британская империя).

Индивидуализм – тип мировоззрения, в основе которого лежит противопоставление отдельного индивида обществу. Индивидуализм включает широкий диапазон ориентаций – от принципов свободного развития личности до эгоизма и анархического нигилизма.

Институт политический – совокупность ролей и функций, а также структур, призванных обеспечивать реализацию интересов социальных групп, индивидов.

Интернационализм – международная солидарность людей различных наций и рас, основа их взаимопонимания, взаимного доверия, взаимопроникновения культур, ценностей, знаний и технологий; противоположен национализму.

Исполнительная власть – в соответствии с теорией разделения властей одна из самостоятельных ветвей государственной власти. Осуществляет функции управления (глава государства, правительство) основываясь на действующих законах и иных нормативных актах. Исполнительная власть принимает собственные постановления и решения во исполнение актов законодательной власти.

Капитализм – тип общества, основан на частной собственности и рыночной экономике. В различных течениях общественной мысли определяется как система свободного предпринимательства, этап развития индустриального общества, а современная степень капитализма – как «смешанная экономика», «постиндустриальное общество», «информационное общество» и др.; в марксизме капитализм – общественно-экономическая формация, основанная на частной собственности на средства производства и эксплуатации капиталом наемного труда

Класс – относительно устойчивая группа людей, имеющих общие интересы и ценности. Концепция классов и классовой борьбы получили распространение в Европе в XIX в. (Сен-Симон, О. Тьерри, Ф. Гизо и др.). К. Маркс и Ф. Энгельс связывали существование классов с определенными способами производства, считали борьбу классов движущей силой истории и отводили пролетариату историческую миссию насильственного ниспровержения буржуазии и создания бесклассового общества (см. Марксизм, Социализм). В современном обществе в процессе социальной дифференциации и интеграции, связанной с разделением общественного труда, отношениями собственности и другими факторами, образуются многочисленные слои и группы, между которыми складываются отношения сотрудничества, конкуренции или конфликта, которые все больше регулируются на основе демократических принципов.

Коалиция – 1) политический или военный союз государств, договорившихся о совместных действиях в тех или иных вопросах международных отношений. 2) Соглашение нескольких политических партий об образовании правительства из представителей этих партий (т.н. коалиционное правительство).

Коммунизм – общее название различных концепций, в основе которых отрицание частной собственности (первобытный коммунизм, утопический коммунизм и др.). В марксистской концепции исторического процесса общественно-экономическая формация, сменяющая капитализм и проходящая в своем развитии две ступени (фазы) – низшую, называемую социализмом, и высшую, называемую полным коммунизмом.

Компромисс – соглашение на основе взаимных уступок.

Консенсус – принятие решений в парламентах, на конференциях или совещаниях, при заключении международных договоров на основе общего согласия участников без проведения формального голосования при отсутствии формально заявленных возражений. Метод консенсуса признан также в ряде органов ООН, применяется на международных конференциях и совещаниях, проводимых в ее рамках.

Консерватизм – идеология, предполагающая развитие общества на основе ценностей семьи, морального долга, религии, собственности, сохранения традиций и т.д.

Конституционализм – политико-правовой принцип, определяющий взаимоотношения государства и гражданского общества на основе разделения властей и ограничения их конституцией, а также на основе гарантий прав и свобод личности.

Конфедерация – форма государственного устройства, при которой государства, образующие конфедерацию, полностью сохраняют свою независимость, имеют собственные органы государственной власти и управления; специально объединенные

органы создаются только для координации действий в определенных целях (военных, внешнеполитических и т.п.). Исторически в форме конфедерации была создана Швейцария.

Конфликт политический – состояние политических отношений между субъектами, характеризующееся их стремлением перераспределить ресурсы, ценности и статус в свою пользу.

Конформизм – приспособленчество, пассивное принятие существующего порядка, господствующих мнений, отсутствие собственной позиции, беспринципное и некритическое следование любому образцу, обладающему наибольшей силой давления.

Концепция – определенный способ понимания, трактовки каких-либо явлений, основная точка зрения, руководящая идея для их освещения; ведущий замысел, конструктивный принцип различных видов деятельности.

Корпоративное государство – одна из форм авторитарного политического режима. Идеологи корпоративного государства рассматривают государство как совокупность публичных служб (корпораций), выполняющих определенные социальные функции. Наиболее последовательно идея корпоративного государства была проведена при режиме Франко в Испании.

Космополитизм – идеология т.н. мирового гражданства. В философии стоицизма все люди являются гражданами единого мирового государства – Космополиса. В эпоху Возрождения и Просвещения идеал мирового гражданства был направлен против феодальной раздробленности (Данте, Кампанелла), выражал идеи освобождения индивида от феодальных оков (Лессинг, Гете, Шиллер, Кант, Фихте). В современных условиях космополитизм выступает в виде различных социально-политических ориентаций – от взаимодействия и сближения народов и государств до нигилистического отношения к национальной культуре и традициям.

Кризис – 1) резкий, крутой перелом в чем-либо, тяжелое переходное состояние (напр., духовный кризис); 2) острое затруднение с чем-либо (напр., с производством или сбытом товаров); тяжелое положение.

Культура политическая – совокупность знаний, представлений, установок, опыта, стандартов политической деятельности, позволяющая субъекту эффективно выполнять политические роли.

Легитимность – признание обществом законности существующих институтов власти и правомерности принимаемых ими решений.

Либерализм – разновидность политической идеологии, отстаивающей приоритет прав и интересов личности по сравнению с интересами государства и общества.

Лидер политический – личность, способная постоянно и решающим образом влиять на общество, группы благодаря наличию у нее политической власти.

Лобби – разновидность групп давления, создаваемых при исполнительных и законодательных органах власти для защиты интересов социальных общностей, слоев.

Лояльность – 1) верность действующим законам, постановлениям органов власти (иногда только формальная, внешняя); 2) корректное, благожелательное отношение к кому-либо или чему-либо.

Ментальность – совокупность устойчивых представлений группы о политической деятельности, характеризующих особый способ группового мышления.

Меритократия – термин введен английским социологом М. Янгом в книге «Возвышение меритократии». Концепция, согласно которой в обществе в ходе эволюции утвердится

принцип выдвижения на руководящие посты наиболее способных людей, отбираемых из всех социальных слоев.

Миграция – 1) перемещение, переселение; 2) миграция населения – перемещения людей, связанные, как правило, со сменой места жительства. Подразделяется на безвозвратную (с окончательной сменой постоянного места жительства), временную (переселение на достаточно длительный, но ограниченный срок), сезонную (перемещение в определенные периоды года). Различают внешнюю (за пределы страны) и внутреннюю миграцию; к внешней относятся эмиграция, иммиграция; к внутренней – движение из села в город, межрайонные переселения и др. Иногда к миграции относят т.н. маятниковые миграции (регулярные поездки к месту работы или учебы за пределы своего населенного пункта).

Народность – исторически сложившаяся языковая, территориальная, экономическая и культурная общность людей. В современной литературе идет дискуссия о признаках и соотношении народности и нации.

Насилие – 1) применение определенной социальной группой различных форм принуждения в отношении других групп с целью приобретения или сохранения экономического и политического господства, завоевания тех или иных привилегий. Господствующие классы и другие социальные группы для сохранения своих привилегий применяют все средства насилия, вплоть до массового террора; они прибегают к насилию и в межгосударственных отношениях. Применение насилия, террора по отношению к народу – характерная черта тоталитарных режимов; 2) в праве – физическое (телесные повреждения, побои) или психическое (угроза) воздействие одного человека на другого. В российском праве преступления, связанные с применением насилия, влекут повышенную уголовную ответственность.

Национализм – идеология и политика в национальном вопросе, основа которых – трактовка нации как высшей ценности и формы общности. В XIX–XX вв. национализм выступал как мощная объединяющая сила в борьбе за национальное освобождение в Европе, а затем в Африке, Азии и Латинской Америке, сопровождаемый идеей национального превосходства и национальной исключительности; нередко принимает крайние формы (шовинизм), сближается с расизмом и ведет к острым внутренним или межгосударственным конфликтам.

Нация – историческая общность людей, складывающаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, этнических особенностей культуры и характера. Складывается из различных племен и народностей (см. Этническая общность). Ряд современных ученых связывают нацию с определенным народом и включает в число ее сущностных принципов общность самосознания и социальной структуры; другие рассматривают нацию как общность принадлежности к определенному государству.

Негативизм – симптом расстройства, при котором бессмысленно сопротивляются внешним воздействиям, отказываются выполнять любые просьбы (пассивный негативизм или делают все наоборот (активный негативизм)).

Нигилизм – отрицание общепринятых ценностей: идеалов, моральных норм, культуры, форм общественной жизни. Получает особое распространение в кризисные эпохи общественно-исторического развития.

Общество гражданское – сфера реализации повседневных интересов индивида; совокупность межличностных отношений, которые развиваются без вмешательства государства и вне его рамок.

Олигархия – власть небольшой группы богатых людей.

Охлократия – власть толпы, непосредственное воздействие масс, реализующих свои интересы помимо институтов государства.

Партия политическая – форма представительства интересов членов гражданского общества, объединенных единой идеологией и стремящихся к захвату политической власти.

Плутократия – государственный строй, при котором политическая власть формально и фактически принадлежит богатой верхушке общества; отсюда – плутократы.

Плюрализм – принцип организации общества, основанный на признании многообразия существующих интересов и их конкуренции.

Подданство – термин, применяемый в государствах с монархической формой правления для обозначения принадлежности лица к данному государству.

Полиархия – форма власти в современных развитых странах, предполагающая распределение ее между центрами влияния (профсоюзами, бизнесом, фермерами и т.п.) с целью эффективного контроля за элитой. Автор термина – современный американский политолог *Р. Даль*.

Политика – сфера деятельности групп, партий, индивидов, государства, связанная с реализацией общезначимых интересов с помощью политической власти.

Политическая система общества – система социальных институтов государственно-организованного общества, осуществляющих определенные политические функции; включает государство, партии, профсоюзы, организации и движения, преследующие политические цели. Значительную роль в политическом развитии общества играет церковь.

Популизм – разновидность политической культуры лидера, элиты, институтов, апеллирующих к настроениям масс. Для популизма характерны демагогия, обещания, простые решения.

Право – в узком значении - система общеобязательных социальных норм, регулирующих поведение людей, установленных и охраняемых государством; в более широком смысле охватывает также правовые отношения и основные права гражданина. В государственно-организованном обществе право закрепляет отношения собственности, механизм хозяйственных связей, выступает как регулятор меры и форм распределения труда и его продуктов между членами общества (гражданское право, трудовое право); регламентирует формирование, порядок деятельности представительных органов, органов государственного управления (конституционное право, административное право), определяет меры борьбы с посягательствами на существующие общественные отношения и процедуру решения конфликтов (уголовное право, процессуальное право), воздействует на многие формы межличностных отношений (семейное право). Особая роль принадлежит международному праву.

Правовая система – разновидность социальной системы, которая тесно связана с другими системами и включает в себя комплекс юридических явлений, с помощью которых воздействует на поведение человека.

Правовое государство – в политико-юридической теории – государство, важнейшими признаками которого являются: господство закона во всех сферах общественной жизни; связанность законом государства и его органов; судебная защита прав граждан и взаимная ответственность государства и личности. Правовое государство – неотъемлемый элемент демократии. Идея правового государства выдвигалась еще в древности античными мыслителями. Философская основа теории правового государства была сформулирована И. Кантом.

Прогресс – направление развития, для которого характерен переход от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному. О прогрессе можно говорить применительно к системе в целом, отдельным ее элементам, структуре развивающегося объекта. Понятие прогресса противоположно понятию регресса.

Пропаганда – распространение политических, философских, научных и других идей в обществе; в более узком смысле – политическая или идеологическая пропаганда с целью формирования у широких масс населения определенных взглядов.

Противоречие диалектическое – взаимодействие противоположных, взаимоисключающих сторон объекта или системы, которые вместе с тем находятся во внутреннем единстве и взаимопроникновении, являясь источником самодвижения и развития природы, общества и познания.

Процесс политический – совокупность различных форм взаимодействия по реализации интересов субъектами политической жизни, в которых они выполняют определенные политические функции и роли.

Революция – глубокие качественные изменения в развитии каких-либо явлений природы, общества или познания (напр., социальная революция, а также геологическая, промышленная, научно-техническая, культурная революция, революция в физике, в философии и т.д.).

Режим политический – совокупность средств и методов реализации политической власти. Отражает характер связи власти и индивида.

Республика – форма правления, при которой глава государства (напр., президент) избирается населением или специальной избирательной коллегией. Законодательная власть при-

надлежит выборному представительному органу (парламенту). Большинство современных государств являются республиками.

Реформизм – в рабочем движении – политическое течение, стремящееся к реформированию капитализма. Возник в последней четверти XIX в. (Э. Бернштейн, Г. Фольмар, А. Мильеран и др.), получил распространение среди социал-демократических партий, входивших во 2-й Интернационал. После Октябрьской революции и 1-й мировой войны стал организационно оформленным политическим течением рабочего движения. Противостоял коммунистическому движению. В 1951 г. был создан Социалистический интернационал.

Система политическая – совокупность государственных, политических и общественных организаций, форм и взаимодействия между ними, посредством которой осуществляется реализация общезначимых интересов с использованием политической власти.

Социализм – обозначение учений, в которых в качестве цели и идеала выдвигается осуществление принципов социальной справедливости, свободы и равенства, а также общественного строя, воплощающего эти принципы. Термин «социализм» появился во 2-й половине XIX в. (П. Леру), однако представления о строе социальной справедливости восходят к древним идеям о «золотом веке», они развиваются в различных религиях, а затем во многих разновидностях утопического социализма. Т.н. теория научного социализма, разработанная К. Марксом и Ф. Энгельсом, рассматривала социализм как низшую фазу (ступень) коммунизма, приходящего на смену капитализму в результате пролетарской революции и установления диктатуры пролетариата.

Социальная мобильность – изменение индивидом или группой места, занимаемого в социальной структуре, перемещение из одного социального слоя (класса, группы) в другой

(вертикальная мобильность или в пределах одного и того же социального слоя (горизонтальная мобильность). Резко ограниченная в кастовом и сословном обществе, социальная мобильность значительно возрастает в условиях индустриального общества.

Социальная стратификация – социологическое понятие, обозначающее: структуру общества и отдельных его слоев; систему признаков социальной дифференциации; отрасль социологии. В теориях социальной стратификации на основе таких признаков как образование, бытовые условия, занятие, доходы, психология, религия и т.п., общество делится на «высшие», «средние» и «низшие» классы и страты. Некоторые концепции социальной стратификации различных типов опираются на марксистскую теорию общественных классов.

Социальная структура – сеть устойчивых и упорядоченных связей между элементами социальной системы, обусловленных отношениями социальных групп, разделением труда характером социальных институтов (государства и др.). Социальная структура населения охватывает также его деление по профессиональным, национальным, половозрастным, культурным и др. признакам.

Социальное равенство – характеристика определенного общественного состояния, составная часть многих социальных идеалов. Требования политического и социального равенства играли активную, часто революционную в историческом процессе. Стоицизм выработал равенства всех людей, коренящегося в их общей разумной природе. Теоретики естественного права утверждали равенство как равноценность и равноправие всех людей, в т. ч. равенство всех перед законом. У Ж.-Ж. Руссо равенство (в т.ч. равенство воспитания) выступает необходимой предпосылкой свободы; в противоположность этому А. Токвиль считал, что установка на равенство социальных условий жизни ведет к деспотическому эгалитаризму и утрате личной свободы. С критикой ограниченности юридического равенства

ва и требованиями имущественного, экономического равенства как реализации социальной справедливости выступали представители различных течений социалистической мысли XIX–XX вв. В современной общественной мысли подвергаются критике примитивные принципы уравнительного распределения и установления полного равенства; наибольшее распространение получили концепции, в которых обосновывается необходимость обеспечения равных условий старта для вступающих в жизнь поколений.

Социальные группы – элемент социальной структуры, относительно устойчивая совокупность людей, имеющих общие интересы, ценности и нормы поведения, складывающиеся в рамках исторически определенного общества. Различают большие социальные группы – общественные классы, социальные слои, профессиональные группы, этнические общности (нация, народность, племя), возрастные группы (молодежь, пенсионеры); малые группы, специфический признак которых – непосредственные контакты ее членов: семья, школьный класс, производственная бригада, соседские общности, дружеские компании.

Статус социальный – положение (позиция) индивида или группы в социальной системе, определяемое по ряду экономических, профессиональных, этнических и др. специфических для данной системы признаков (пол, образование, профессия, доход и др.). Различают «предписанный» (наследуемый) и «достигаемый» (благодаря собственным усилиям человека) социальный статус. Каждый социальный статус обладает определенным престижем.

Судебная власть – независимая система судебных органов государства, осуществляющих правосудие. Монополия на ее осуществление принадлежит судам.

Теократия – форма правления, при которой глава государства (обычно монархического) является одновременно его религиозным главой.

Технократия – 1) направление в общественной мысли, утверждающее, что общество может целиком регулироваться принципами научно-технической рациональности; ее носителями являются техники, инженеры и ученые (технократы), к которым от предпринимателей и политиков должна перейти власть на предприятиях и в обществе в целом. Технократические концепции отразили возросшее значение науки и специалистов для современного общественного производства. Характерная черта всех видов технократии – ориентация на управление социальными процессами на основе технических и др. узкоспециальных критериев, приуменьшение ценностно-этического измерения политики. 2) Обозначение слоя специалистов – высших функционеров промышленного производства и государственного аппарата 3) Общественное движение в США в 30-х гг. XX в., ставившее целью достижения всеобщего благосостояния с помощью индустриального переворота в результате научного планирования производства в национальных масштабах (лидеры Г. Лоэб, Г. Скот). К нач. 40-х гг. потерпело крах.

Тоталитаризм – 1) одна из форм государства (тоталитарное государство, характеризующаяся его полным (тотальным) контролем над всеми сферами жизни общества, фактической ликвидацией конституционных прав и свобод, репрессиями в отношении оппозиции и инакомыслящих (напр., различные формы тоталитаризма в фашистской Италии, Германии, коммунистический режим в СССР, франкизм в Испании и др. – с кон. 20-х гг. XX в.); 2) направление политической мысли, оправдывающее этатизм, авторитаризм. С 20-х гг. XX в. тоталитаризм стал официальной идеологией фашистских Германии и Италии.

Унитарное государство – форма государственного устройства, при которой территория государства, в отличие от федерации, не имеет в своем составе федеративных единиц (штатов, земель), а подразделяется на административно-территориальные единицы (районы, области и т.д.).

Управление – элемент, функция организованных систем различной природы (биологических, социальных, технических), обеспечивающая сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию их программ.

Утопия – изображение идеального общественного строя, лишенное научного обоснования; жанр научной фантастики; обозначение всех сочинений, содержащих нереальные планы социальных преобразований. Термин происходит от названия книги Т. Мора (XVI в.).

Федерация – 1) форма государственного устройства, при которой государство образует федеральные единицы – члены, субъекты федерации (напр., земли, штаты). В федерации действуют единая конституция, единые союзные (федеральные) органы государственной власти, устанавливаются единое гражданство, денежная единица и т. д. Члены федерации имеют, как правило, собственные конституции, законодательные, исполнительные и судебные органы. Федерацией являются США, Индия, Германия и др.; 2) в Российской Федерации субъектами федерации, кроме республик в составе России, являются края, области, города федерального значения (Москва и Санкт-Петербург), автономные области и автономные округа.

Формация общественно-экономическая – согласно марксистской концепции исторического процесса, общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, исторически определенного типа общества. В основе каждой общественно-экономической формации лежит определенный способ производства, а производственные отношения образуют ее сущность; вместе с тем она охватывает соответствующую надстройку, тип семьи, быт и др. История общества представляет собой процесс развития сменяющих друг друга в результате социальной революции первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической формаций.

Шовинизм – крайне агрессивная форма национализма.

Харизма – понятие, обозначающее наличие у лидера исключительных способностей.

Эволюция – в широком смысле – представление об изменениях в обществе и природе, их направленности, порядке, закономерностях; определяет состояние какой-либо системы рассматривается как результат более или менее длительных изменений ее предшествовавшего состояния; в более узком смысле – представление о медленных, постепенных изменениях в отличие от революции.

Экстремизм – приверженность к крайним взглядам, мерам (обычно в политике).

Электорат – круг лиц, обладающих правом голоса на выборах.

Элита – группа лиц, принимающая важнейшие политические решения, отличающаяся особыми социальными, политическими, психологическими качествами, престижем и привилегированным положением.